

MIESIĘCZNIK
POŁOSKI.

Т о м I.
R o k 1818.

*«Вестник Полоцкого государственного университета»
продолжает традиции первого в Беларуси литературно-
научного журнала «Месячник Полоцкий».*

ВЕСНИК ПОЛАЦКАГА ДЗЯРЖАУНАГА УНІВЕРСІТЭТА
Серыя А. Гуманітарныя навукі

У серыі А навукова-тэарэтычнага часопіса друкуюцца артыкулы, якія прайшлі рэцэнзаваанне і змяшчаюць новыя навуковыя вынікі ў галіне гісторыі, літаратуразнаўства і мовазнаўства.

ВЕСТНИК ПОЛОЦКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
Серия А. Гуманитарные науки

В серии А научно-теоретического журнала публикуются статьи, прошедшие рецензирование, содержащие новые научные результаты в области истории, литературоведения и языкознания.

HERALD OF POLOTSK STATE UNIVERSITY
Series A. Humanity sciences

Series A includes reviewed articles which contain novelty in research and its results in history, literary studies and linguistics.

Адрес редакции:
Полоцкий государственный университет, ул. Блохина, 29, г. Новополоцк, 211440, Беларусь,
тел. +375 (214) 53 34 58, e-mail: vestnik@psu.by

Отв. за выпуск: А.А. Гугнин, Д.В. Дук, Н.Б. Лысова.

Редакторы Р.Н. Авласенок, О.Л. Чалова. Техн. редактор Р.Н. Авласенок.

Подписано к печати 28.01.2012. Бумага офсетная 70 г/м². Формат 60 × 84 1/8. Ризография.

Усл. печ. л. 13,49. Уч.-изд. л. 16,25. Тираж 100 экз. [Заказ 97.](#)

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 93:264.014.1

VULTUS РИМСКОГО ПОЛКОВОДЦА

канд. ист. наук, доц. С.В. ТЕЛЕПЕНЬ

(Мозырский государственный педагогический университет им. И.П. Шамякина)

*Исследуется такой фактор военного лидерства в Древнем Риме, как *vultus* полководца. К концу Республики метод римского военного лидерства уже сложился, что позволило многим командирам обеспечить эффективный контроль над их солдатами. По большей части это был метод убеждения. Данный тип лидерства нашел применение в формальном и неформальном контекстах жизни военного лагеря, что требовало от полководца высокого уровня контроля своего внешнего вида, жеста и голоса. Делается вывод, хотя трудно утверждать однозначно, что поведение римских военных лидеров обуславливалось влиянием риторического обучения, очевидно, что их успех определялся теми же принципами. Личный *vultus* имел здесь большое значение и для ораторского искусства, для практика собственно лидера. Делается заключение о том, что в целом можно говорить об определяющем значении по преимуществу невербальных средств воздействия римского полководца на солдатскую массу.*

Введение. В науке существует авторитетное мнение, что судить о римском методе военного лидерства сложно, так как слишком много здесь зависело от индивидуальных особенностей. Крупнейший современный специалист в области проблематики военного лидерства в Древнем Риме А. Голсуорти относительно военного лидерства признает, что оно было выразительно-харизматическим [1, р. 119]. К концу Республики метод римского военного лидерства уже сложился, что позволило многим командирам обеспечить эффективный контроль над их солдатами. По большей части это был метод убеждения. Как установила современная наука относительно харизматического лидерства, не только вербальные, но и невербальные средства выражения здесь чрезвычайно важны и стиль сосредоточен на эмоциональном воздействии на подчиненных. Этот коммуникативный стиль был укоренен в римской культуре, в которой динамика персональных взаимодействий была весьма значительна [2, с. 12]. Такая манера лидерства нашла применение в формальном и неформальном контекстах жизни военного лагеря, что требовало от полководца высокого уровня контроля своего внешнего вида, жеста и голоса. Как можно предположить, интегральным понятием для выражения всех этих средств воздействия римского полководца на солдатскую массу является *vultus*. Существенным моментом здесь является то, что если вербальная составляющая ораторского искусства римских военных лидеров в исторической науке (в том числе русскоязычной [3, с. 32]) изучена достаточно полно, то проблема собственно *vultus* римского полководца до настоящего времени является неразработанной. Данное обстоятельство, как нам представляется, позволяет говорить об актуальности настоящего исследования.

Основная часть. Обеспечение эффективного управления солдатской массой требовало от полководца *disciplina* (т.е. самодисциплины). В этом отношении римляне пребывали жестко в рамках римского аристократического образования и риторического обучения. Почему риторического? Во-первых, акцент на убеждении в практике командования (что вообще характерно для римской военной традиции) делал приспособление ораторских технологий к условиям военного лагеря естественным. Во-вторых, контроль за обеспечением риторического обучения был весьма полезен для моделирования поведения, соответствующего военной дисциплине. Это моделирование было достаточно неформальным, как и вообще манера общения полководца с его солдатами. Оно было основано на внушении и внешнем виде, т.е. визуальном эффекте; полководец стремился быть в центре внимания войска, для чего риторика практическая предоставляла ему необходимые средства. Правда использование данных средств становилось затруднительным, когда армия подвергалась внешним влияниям, соприкасалась с внелагерными источниками информации. Все это было, например, достаточной причиной, чтобы держать войско изолированным от населения того места, где войско находилось. *Vallum*, или палисад лагеря, защищал армию не только от врага, он защищал войско от внешних влияний и обеспечивал готовую среду, которую полководец (и командование в целом) могли убеждать, формировать и подвергать информационной обработке.

Полного отделения войска от внешнего мира достичь, конечно, было невозможно – всегда были обозы, проводники и торговцы, сопровождавшие войско. По этому поводу Тит Ливий писал применительно к лигурийской кампании 187 года до н.э., которая была особенно важна для возрождения римской воинской дисциплины, пострадавшей от коррупционных обстоятельств Первой Македонской войны:

Itaque non lixa sequebatur, non iumentorum longus ordo agmen extendebat. Nihil praeter arma et uiros omnem spem in armis habentes erat (Liv. XXXIX. 1.7) – «Неудивительно, что за войском не шли маркитанты, а в хвосте походной колонны не тянулся длинной вереницей обоз. Здесь были только оружие и воины, привыкшие на оружие полагаться» (пер. Э.Г. Юнца). Из контекста следует, что обрисованная Ливием ситуация не была типичной. Как следствие, задача полководца (убеждать) становилась сложнее, выручало здесь ораторское искусство. Однако для обеспечения повиновения был и другой инструмент.

В нашем анализе мы сосредоточимся в основном на значениях жеста и выражении лица (не на выступлениях перед солдатами в их вербальном выражении), зафиксированном историками. Широко известно, что эти речи были составлены историками сообразно обстоятельствам и не очень надежны в качестве исторических документов *per se*. Жесты и выражение лица, тем не менее, были важны и в контексте риторической практики, и как органическая часть исторического контекста. Кроме того, изобилие современного изучаемой эпохе исторического материала от I в. до н.э. и более позднего времени соответствует представлениям современников о поведении различных полководцев. Таким образом, можно утверждать, что свидетельства о подобном поведении имеют некоторую связь с тем, что реально происходило. Кроме того, вероятно, что полководцы действовали согласно определенному поведенческому стереотипу.

Разумеется, может показаться, что командирские обязанности не совпадали с функциями оратора. Задачей оратора было убеждение, т.е. завоевание аудитории. В отношении хорошо дисциплинированной армии это могло бы дать преимущества, но она не должна быть уговариваема повиноваться. Задача риторического искусства, кроме того, состоит в том, чтобы помочь оратору подготовиться к речи, которая бы создала ситуацию *contentio*, т.е. состязания, в некотором роде. Рассматривая военный лагерь как «форум», т.е. место дискуссий, необходимо изучить как источники свидетельства, содержащие сведения о *vultus* полководца, так и жизненную связь между двумя сферами аристократической карьеры, т.е. обязанностями *domi et militiae*.

Важно подчеркнуть исключительное значение жеста в древнем риторическом (ораторском) искусстве. Сравнительно легко, как замечено в современной науке, определить вербальные параметры риторики – эффективное структурирование речи, следование логике, убедительные аргументы, подбор соответствующих троп и т.д. [4, р. 4; 5, р. XX]. Но древнее красноречие было прежде всего работой, сопоставимой во многих аспектах с театральным искусством. *Actio*, или постановка, была таким же важным фактором успеха речи, как и обращение оратора к вербальным средствам. Цицерон в своем трактате *De oratore* приводит пример Демосфена, который на вопрос, что наиболее важно в ораторском искусстве, ответил, что, во-первых, постановка (всего выступления), а также во-вторых и в-третьих (она же) (*Cic. De Orat.* III. 213). Действительно, римские риторические руководства описывают очень высокую степень активности (жестикюляции) ораторов. Настолько высокую, что Квинтилиан подчеркивал: оратор должен заботиться о снижении активности жестикюляции, так как это не только отвлекает от содержания речи, но иногда даже может создать физическую угрозу для аудитории (*Quint. Inst.* XI. 3.118). Так, Гай Скрибоний Курион критиковался Цицероном из-за его неприятной привычки хождения из стороны в сторону. Скрибоний выступал, двигаясь столь интенсивно, что его сравнивали с мухобойкой или с человеком, выступавшим из гребной лодки (*Cic. Brutus.* 216). Степень физической активности оратора была зачастую так высока, что он должен был бы вспотеть к концу речи (*Quint. Inst.* XI.3.23). Эмоции, которые оратор должен продемонстрировать, были так сильны – это было общей практикой для ораторов периода поздней Республики, что заставляли их голоса ломаться, а самих выступавших порой даже плакать во время речи (*Sen. Cont.* VII. 4.6; *Cic. De Orat.* II. 189 – 190).

Таким образом, риторические руководства побуждают к рассмотрению этого энергичного, очень эмоционального стиля ораторской деятельности как нормы. Они могут дать нам представление о приемлемых методах, вроде тех, которые применял Антоний, когда осуществлял адвокатскую защиту Манья Аквилы (около 97 г. до н.э.). Он разрывает на груди своего подзащитного тунику, чтобы показать его шрамы, прямо обращается к отдельным членам аудитории, конкретно – к коллеге Аквилы по консульству Гаю Марию, и доводит всех, включая себя, до слез (*Cic. De Orat.* II. 195 – 196). Однако дидактический характер руководств по ораторскому искусству, так же как и ситуация, в которой они создавались, делают затруднительным установление контекста практического использования жеста. В связи с этим возникает необходимость согласования свидетельств данных руководств с другими литературными источниками, в нашем случае – с сообщениями античных историков. Разумеется, свидетельства историков также трудны для интерпретации – такой историк, как Тацит, в его исторических повествованиях составил речи не только в соответствии с тем, что говорил тот или иной оратор, но прежде всего ради его (Тацита) собственной интерпретации событий. Из этого следует, что жесты, сопровождавшие такие речи, также должны были бы додумываться Тацитом, в соответствии с тем, что данному автору казалось подходящим и вероятным.

Учитывая временную и пространственную дистанцию между тем или иным античным автором и описываемыми им событиями, часто весьма большую, чрезмерное доверие к описываемым жестам, вероятно, являлось бы ошибочным. И так как сами большинство античных авторов были, кроме того, уче-

ными риториками, они, конечно, создавая литературные образы, выбирали для них жесты, соответствующие речам, которые авторы составляли для своих исторических персонажей. Даже *dicta* («протоколы» речей), которые часто принимаются как надежный источник, могут при ближайшем рассмотрении иметь небольшую надежность, поскольку, как замечено в статье С. Хриссантоса, посвященной волнениям в армии Цезаря в 47 году до н.э., едва ли Цезарь смог погасить мятеж, просто обратившись к своим солдатам: «*Quirites*» [6, p. 65 – 71]. Что в таком случае можно выяснить из сочинений римских авторов?

Во-первых, свидетельства о жесте и других формах внешнего выражения, являющиеся примерно современными описываемым античными авторами событиям, могут помочь в реконструировании общей (т.е. постоянной) практики. В этом случае подсказкой являются работы по теории красноречия Цицерона и Квинтилиана: их рекомендации и предостережения указывают на общие тенденции в ораторской практике современной им римской действительности [7, p. 257 – 269]. В этом случае повторение в источниках указаний на жесты и другие формы внешнего проявления римских полководцев могут помочь в реконструировании образцов поведения, в установлении диапазона того, что было приемлемо. Существенно, что это допускает возможность использования сочинений даже тех авторов, которые демонстрируют тенденцию к литературным заимствованиям [8, p. 114].

Упоминание ораторского жеста (или шире – всего *actio*) конкретным автором может быть информативным в различной степени. Но если автор был не только современником описываемых событий (основной тест на «правдивость», определенный в античное время), но имел практический опыт в данной области, о которой он пишет – квалификационный уровень, который постоянно рекомендует Луциан в своем трактате «Как следует писать историю» (*Lucian Quom. Hist. Cons.* 37), – тогда есть большая вероятность, что подобные действия имели место в тех ситуациях, которые авторы описывают. По этой причине рассмотрим свидетельства авторов, у которых эти две характеристики присутствуют. Среди них одно их первых мест принадлежит Цезарю и, возможно, анонимным авторам, которые продолжили его записки. Далее целесообразным представляется переход к авторам, во временном отношении более отстоящим от предмета их сочинений. Вместо того чтобы видеть в таких примерах поведения полководцев обыкновенные тропы, или, напротив, предполагать, что каждый описанный случай произошел так, как о нем написано тем или иным историком, допустим, что примеры поведения, зафиксированные в источниках, отражают исторические условия и являются репрезентативными для данной культуры в целом. Отметим, что современные описываемым событиям источники важны, так как стремление авторов достичь правдоподобия в этом случае более результативно для достижения исторического реализма.

В античную эпоху и в наши дни внешнее выражение эмоций и состояния кого-либо, или иначе *vultus*, всегда было решающим обстоятельством для обоснованных суждений о том, кто демонстрировал этот *vultus*. Присутствие данного понятия в наших источниках является и ключом к пониманию характера представляемого лица, и общим местом, принятым в римской литературе. Например, выражение *os durum* («твердое выражение») часто используется в классической латыни для характеристики чье-либо *vultus*: *In hunc dixit Licinius Crassus orator non esse mirandum, quod aeneam barbam habret, cui os ferreum, cor plumbeum esset* (Suet. Nero. 2.2) – «Это о нем (прапрадеде Нерона Гнее Домиции – С. Т.) сказал оратор Лициний Красс, что нечего удивляться его медной бороде, если язык у него из железа, а сердце из свинца» (пер. М.Л. Гаспарова). Цицерон часто обращается к внешнему выражению описываемого лица, и в частности к выражению глаз, как к руководству для понимания чье-либо характера и намерений: *Animi est enim omnis actio et imago animi vultus: indices oculi* (Cic. De Orat. III. 221) – «Ведь движущая сила исполнения (т.е. ораторского выступления – С. Т.) – душа, а образ души – лицо, а выразители ее – глаза» (пер. Ф.А. Петровского). Цицерон также определяет *vultus* как указатель на характер человека и предполагает, что, не зная ничего о прошлом данного лица, можно, таким образом, использовать *vultus* как свидетельство об этом прошлом: *Etsi modestus eius vultus sermoque constans habere quiddam a Curibus videbatur* (Cic. Ad Fam. XV. 20) – «Впрочем, его скромное лицо и уверенная речь, видимо, имеют нечто происходящее из Кур» (пер. В.О. Горенштейна).

И Цицерон, и Квинтилиан рассуждают о внешнем выражении как о средстве демонстрации серьезности слов. Внешнее выражение должно соответствовать словам, в противном случае слова проиграли бы не только в их *auctoritas*, но и в их *fides* (Quint. Inst. XI. 3.67). Соответственно, контроль выражения (т.е. самоконтроль) – существенная особенность риторического обучения. Без этого даже наилучшим образом составленная речь потерпит неудачу.

Однако хотя Цицерон полагает, что внешнее выражение – своего рода справочник по душе, он также признает, что оно может быть использовано, чтобы скрыть истинные намерения. В одном из своих писем Цицерон просит Квинта быть осторожным по отношению к тем провинциалам, которые хотели бы использовать дружбу с ним (т.е. с Квинтом) ради личной выгоды: *Multus enim simulationum involucris tegitur et quasi veils quibusdam obtenditur unius cuiusque natura: frons, oculi, vultuspersaepe mentiuntur, oratio vero saepissime* (Cic. Ad Quint. Frat. IV. 15) – «И в самом деле, природа всякого человека покрыта многими оболочками притворства и как бы обтянута какими-то занавесями: лоб, глаза, выражение лица очень часто лгут, а речи особенно часто» (пер. В.О. Горенштейна).

По существу, та же мысль выражена в речи Цицерона против Пизона:

Non enim nos color iste servilis, non pilosae genae, non dentes putridi deceperunt: oculi supercilia, frons, voltus denique totus, qui sermo quidam tacitus est. Hic in fraudem homines impulit. Hic eos quibus eras ignotus decepit, fefellit, induxit (Cic. In Pisonem. 1.1) – «Не обманул нас ни скверный (букв. – «рабский») – С. Т.) цвет лица, ни щетинистые щеки, ни плохие зубы: глаза, брови, лицо, внешний вид, которые есть суть немая речь, все это к греху людей направляет (т.е. к греху против истины – С. Т.), все это тех, кто тебя не будет знать, введет в заблуждение, обманет, уведет (от правильного суждения – С. Т.)» (пер. наш – С. Т.).

Несмотря на признание, что выражение лица может обмануть, общее мнение древних относительно *vultus* – признание его наибольшей надежности по сравнению со словами. Должное внешнее выражение было основанием для доверия оратору [9, p. 154 – 155]. *Vultus*, как предполагалось, является искренним, одновременно и оправдывающим, и отражающим статус и характер человека, но вместе с тем он признавался контролируемым, а потому потенциально обманчивым указателем на истинные намерения говорящего. Квинтилиан и Цицерон используют следующий подход, чтобы избежать этого противоречия: оратор должен испытывать те чувства, которые он выражает в своей речи и которые старается вызвать у аудитории: *Neque fieri potest ut doleat is, qui audit, ut oderit, ut invideat, ut pertimescat aliquid, ut ad fletum misericordiamque deducatur, nisi omnes illi motus, quos orator adhibere volet iudici, in ipso oratore impressi esse atque inusti videbuntur. Quod si fictus aliqui dolor suscipiendus esset et si in eius modi genere orationis nihil esset nisi falsum atque imitatione simulatum, maior ars aliqua forsitan esset requirenda: nunc ego, quid tibi, Crasse, quid ceteris accidat, nescio; de me autem causa nulla est cur apud homines prudentissimos atque amicissimos mentiar: non me hercule umquam apud iudices [aut] dolorem aut misericordiam aut invidiam aut odium dicendo excitare volui quin ipse in commovendis iudicibus eis ipsis sensibus, ad quos illos adducere vellem, permoverer (Cic. De Orat. II. 189) – «Да и невозможно вызвать у слушающего ни скорби, ни ненависти, ни неприязни, ни страха, ни слез сострадания, если все эти чувства, какие оратор стремится вызвать у судьи, не будут выражены или, лучше сказать, выжжены в его собственном лице. Если бы скорбь нам пришлось выражать неистинную, если бы в речи нашей не было ничего, кроме лжи и лицемерного притворства, – тогда, пожалуй, от нас потребовалось бы еще больше мастерства. К счастью, это не так. Я уж не знаю, Красс, как у тебя и как у других; что же до меня, то мне нет никакой нужды лгать перед умными людьми и лучшими моими друзьями: клянусь вам, что я никогда не пробовал вызвать у судей своим словом скорбь, или сострадание, или неприязнь, или ненависть без того, чтобы самому не волноваться теми самыми чувствами, какие я желал им внушить» (пер. Ф.А. Петровского).*

Если эмоции сами по себе являются подлинными, то также слова и обстоятельства, которые вызывают их, воспринимаются в качестве истинных. При этом демонстрация эмоций в равной мере как спонтанна, так и весьма постановочна – она может происходить вновь и вновь, вызываемая силой собственных слов оратора, подобно тому, как актер способен выражать сильные эмоции во время повторных спектаклей (Cic. De Orat. II. 194). Так природа оказывается исправленной искусством (Quint. Inst. XI. 3.61).

Формирование субъектом действия (т.е. оратором или полководцем) своего *vultus* обуславливается составом аудитории. Необходимость соблюдать данный *vultus* наиболее актуальна, когда аудитория ниже рангом, чем субъект действия, и находится вне сферы формальной речи (т.е. речи в собственном смысле). Вот как Тацит описывает реакцию гостей Отона, приглашенных к нему на обед, в основном сенаторов и их жен, когда тому донесли о военном мятеже: *Qui trepidi, fortuitusne militum furor an dolus imperatoris, manere ac deprehendi an fugere et dispergi periculosius foret, modo constantiam simulare, modo formidine detegi, simul Othonis vultum intueri; utque evenit inclinatis ad suspicionem mentibus, cum timeret Otho, timebatur (Tac Hist. I. 81.1) – «Перепуганные гости не знали, как объяснить вспышку солдатской ярости – то ли это случайность, то ли коварство императора; и что опаснее – оставаться на месте, рискуя быть схваченным, или бежать и оказаться один на один с толпой; они то храбрились, то трусили, не сводя глаз с Отона; как часто случается с людьми некстати проникательными, они усматривали опасность для себя в словах и поступках Отона, которые на самом деле были продиктованы одним только страхом» (пер. Г.С. Кнабе).*

Отон обладает авторитетом во время любого публичного действия, хотя бы неформального, как в данном случае. Таким образом, званый обед становится своего рода форумом. Следовательно, гости наблюдали за выражением императора, чтобы судить не только о его реакции, но и видеть, не угрожает ли опасность им самим.

Что бы Отон ни сказал в данной ситуации, все это будет сравниваться его аудиторией с его выражением. Как можно заметить, и что наводит на размышления, гости Отона также манипулируют собственным *vultus*, чтобы управлять реакцией Отона. Отношения между субъектом действия и аудиторией являются, следовательно, диалоговыми, хотя динамика ситуации обеспечивает большее влияние императору, располагающему большей властью в силу его положения и большей информированности.

Взаимодействие между Отоном и его гостями демонстрирует, как принципы ораторского искусства обуславливаются психологией человеческих отношений. Опытный оратор должен быть в состоянии контролировать свое поведение, чтобы добиться ответной реакции от своей аудитории. Пример Отона,

который в данной ситуации потерял присутствие духа и тем невольно подстегнул страх в своих гостях, подтверждает значение техники самоконтроля, рекомендованной Квинтилианом и Цицероном (*Cic. De Orat.* II. 188 – 189; *Quint. Inst.* VI. 2.25; 11.3.62). Здесь становится очевидным, насколько было важно, чтобы оратор (или иной субъект публичного действия) был в состоянии контролировать реакцию аудитории, поскольку аудитория также полагается на выражение лица оратора как на средство коммуникации.

Подобные проблемы имеют прямое отношение и к поведению командира перед войском. Его *vultus* и его слова используются солдатами, чтобы оценить военную ситуацию, и таким образом *vultus* и слова оказывают прямое влияние на боевой дух солдат. Из этого следует, что если командир хотел, чтобы его солдаты имели соответствующее ощущение ситуации, то он должен был манипулировать своим поведением так, чтобы попытаться добиться соответствующего эффекта. Например, если командир хотел умерить беспокойство своих солдат, он должен был избегать демонстрации своей взволнованности, ему следовало казаться уверенным, подобно тому, как это делал Юлий Цезарь во время Африканской войны. Цезарь высадился со своими войсками в Северной Африке. Причем силы республиканцев и их союзников численно превосходили войска цезарианцев. Тем не менее энергетика Цезаря и его оптимистическое поведение успокоили войско (*BAfr.* X. 3 – 4) – эффект противоположный тому, как Отон невольно спровоцировал страх своей аудиторией.

Трудно сказать, было ли поведение Цезаря в этом случае постановочным, но другие примеры его поведения в *Bellum Africum* позволяют думать, что дело обстояло именно так. Обратим внимание, как Цезарь дает понять солдатам о своем намерении двинуться в Африку: он устанавливает свою палатку у самой кромки морского берега так, что волны прибоя практически достигали ее (*BAfr.* I. 1; *Plut. Caes.* 52.1 – 5). Нарушение принципа размещения является очевидным – командирская палатка, или *praetorium*, обычно располагалась в самом центре военного лагеря. Цезарь явно пытался управлять реакцией своего войска на готовившуюся африканскую экспедицию, демонстрируя, насколько необоримо его желание отправиться в поход; невзирая на рискованность всего предприятия, он намекает солдатам, что они должны утвердиться в подобном же отношении.

Волновался ли Цезарь фактически в приведенных примерах, не существенно, важно лишь то, как он демонстрировал свое отношение. Его реакция на ситуацию была немедленно принята войском, чем были продемонстрированы как эффект *vultus*, так и то, что Цезарь остается в центре внимания даже в неформальной ситуации. Поведение Цезаря достигает нескольких целей одновременно: во-первых, успокаивая страхи, он поощряет более эффективные действия своих солдат; во-вторых, таким образом он сигнализирует войску о своем отношении к ситуации; в-третьих, это поддерживает его статус в пределах группы посредством того преимущества, которое он имеет благодаря лучшей информированности – если командир не обескуражен тем, что кажется безнадежной ситуацией, он, должно быть, лучше информирован. Таким образом, реакция Цезаря направлена не только на то, чтобы убедить солдат, но в конечном итоге на то, чтобы укрепить воинскую иерархию.

Аудитория Цезаря, как и Отона, вполне критична, т.е. в состоянии критически оценить ситуацию. Оценка африканских перспектив воинами Цезаря является реалистической – эта экспедиция есть самонадеянная и опрометчивая. Но ловко примененная Цезарем оптимистическая манера поведения убеждает солдат игнорировать их собственные суждения. Солдаты Цезаря, подобно гостям Отона, строят свое поведение самостоятельно, но это решение принимается ими под влиянием самопредставления их командира. В обоих случаях замечательно, что не известно, что говорилось Цезарем и Отоном их аудитории – жесты и манера поведения несут здесь также много или даже еще больше информации, чем слова.

Данный метод влияния на армию был успешным не всегда. Сообщения Плутарха об экспедиции Красса в Парфию свидетельствует об отсутствии в данном случае взаимопонимания между командиром и его войском. Действия Красса по выстраиванию своего *vultus* напоминают действия Цезаря, но поведенческие сигналы, которые он посылает солдатам, неизменно понимаются ими неправильно. Результат – деморализация войска и потеря полководцем влияния (из-за своей неспособности убедить солдат в его интерпретации событий). Например, когда Красс и его армия только пересекают мост, ведущий на парфянскую территорию, он заявляет, что намерен разрушить мост с тем, чтобы ни один из них (солдат его армии) не мог возвратиться (*Plut. Crassus.* 19). Цель полководца – подтолкнуть армию сражаться более отчаянно, отказавшись от мысли о спасении бегством. Эффект, однако, был таким, что еще более напугал солдат. Плутарх полагает, что Красс был слишком упрямым, чтобы признать свою ошибку. Перед его речью к солдатам является множество плохих предзнаменований, как, например, орел на штандарте первого легиона, пересекавшего реку, повернул свою голову назад как бы сам собой, или армии в качестве ее продовольствия были выданы чечевица и соль – символы траура. Затем Красс одевает черный плащ вместо принятого для полководцев пурпурного (*Plut. Crassus.* 23). Однако в последнем случае он призна-

ет свою ошибку и исправляет ее. Тем не менее в этот же день его солдаты не могут вытащить из земли штандарт, что было расценено как очень плохой знак.

Ошибка Красса в обоих этих случаях состоит в его неправильном понимании ситуации. В то время как он знает о своей *persona* (т.е. знает, что хочет сказать войску), он не знает, как применить это знание, чтобы обеспечить искомую реакцию войска. Во-первых, он не в состоянии оценить моральное состояние своего войска. Независимо от того, насколько правдив рассказ о предзнаменованиях, в контексте рассказа Плутарха они все показывают, что войско напугано и сомневается в себе и своем лидере.

Разумеется, предзнаменования сами по себе не имеют значения, пока не будут кем-либо растолкованы. Небрежность Красса состоит в отказе дать более благоприятную их интерпретацию. Хороший же полководец, очевидно, принимал на себя такую обязанность. Цезарь, например, когда поскользнулся, сходя с корабля на африканский берег (46 г. до н.э.), обратил этот дурной знак в добрый, сказав: «Я держу тебя, Африка» (*teneo te, Africa*) (*Suet. Div. Jul. 59; Front. Strat. I. 12.2*). Фронтин перечисляет двенадцать *exempla* (примеров) подобных же действий под заголовком «Как рассеять страх, внушенный солдатам неблагоприятными предзнаменованиями» (*De dissolvendo metu, quem milites ex adversis conceperint ominibus*) (*Front. Strat. I. 12*). Иначе говоря, одна из обязанностей полководца состояла в том, чтобы обеспечить такую интерпретацию событий и предзнаменований, которая поддерживала бы моральный дух войска. Однако Красс был слишком беспечен, чтобы относиться к этой роли серьезно.

Черный плащ Красса также не был беспрецедентным фактом – Сципион Эмилиан носил такой же у Нуманции, чтобы показать свое недовольство солдатам, растерявшим свой боевой дух (*Plut. Mor. 201C*). Но в случае Красса это было более чем неуместно. Он должен был знать о настроении войска, прежде чем надевать черный плащ.

Небрежность Красса отражена в других примерах его деятельности на протяжении парфянской кампании. Плутарх вначале уподобляет Красса купцу, не полководцу, когда тот с его чрезмерным беспокойством по поводу финансов отказывается от регулярного обучения войска, когда то стояло на зимних квартирах. Красс предпочитает ждать своего сына вместо того, чтобы быстро двинуться против парфян, и вдобавок оба (Красс и его сын) упали, когда выходили из храма – первый дурной знак этой кампании, и которому он Красс не попытался придать благоприятное толкование (*Plut. Crassus. 17*). Позже он неразумно доверяется проводнику-обманщику, в результате чего его армия была вынуждена принять сражение при Каррах. Поскольку Красс не знает местности, он выстраивает боевую линию неудачно, и не может изменить ситуацию к лучшему путем быстрого ее перестроения (*Plut. Crassus. 23*).

В ходе всего повествования Плутарха квестор Красса Кассий выступает как контраст по отношению к своему командиру, мудрый наблюдатель, дающий ему разумные советы, которые игнорируются, например, когда Кассий предлагает следовать совету союзников относительно способа борьбы с парфянами. Именно Кассий первым предложил наиболее подходящий вариант построения для сражения, который Красс сначала принимает, но затем отвергает в пользу каре, что позволяет парфянам сделать то, о чем предупреждали союзники, – окружить римские силы (*Plut. Crassus. 23*).

Перед и во время сражения Красс оказывается в состоянии соответствовать долгу военного лидера, подбадривая своих воинов, хотя эти действия оказываются слишком запоздалыми, чтобы иметь какое-либо влияние на моральное состояние войска (*Plut. Crassus. 26; 27*). Когда же приходит ночь, завершающая сражение, поведение солдат показывает, что дисциплина и моральный дух пали – раненый и убитый оказываются брошенными, и каждый думает прежде всего о собственном спасении. Однако воины жаждут увидеть лицо Красса, слышать его голос, примечательная деталь, если принять во внимание его многочисленные ошибки и унижительное поражение, в котором Плутарх (и солдаты) однозначно обвиняет Красса (*Plut. Crassus. 27*). Возможно, здесь мы имеем перед собой литературный прием Плутарха, посредством которого автор стремится усилить трагический эффект – ведь выше Плутарх отмечает блаженную самоуверенность Красса. Последний, по Плутарху, отступает к своей палатке и, более того, прячется в темноте (*Plut. Crassus. 27*). Этим автор дает понять, что Красс оставил свое командование полностью. Здесь его подчиненные, Кассий и Октавий, стараются ободрить своего командира и в конечном итоге держат *consilium* без него (*Plut. Crassus. 27*).

Хотя Красс формально руководит компанией вплоть до своей гибели, ночь после Карр – поворотный момент. Войско уже никогда не вернется к активным действиям и почти полностью отстранится от Красса. Однако он сохраняет лояльность своих офицеров вплоть до самого конца. Остальная же часть войска, тем не менее, почти вынуждает его пойти на переговоры с парфянами (*Plut. Crassus. 29; 30*). Облик Красса как командира, собственно использование им речи и шире – своего *vultus*, имеет, таким образом, большее значение для его солдат, чем для офицеров.

Стиль командования, продемонстрированный Крассом и описанный Плутархом, подтверждает следующее: очевидно, что крассово недалекое поведение только усиливало сомнения войска вместо того, чтобы рассеивать их, как это получилось у Цезаря в Африке.

Успешное командирское поведение могло идти далее уменьшения неуверенности войска, оно могло предотвратить его полностью. Часто это была борьба командира за удержание центральной (в смысле – доминирующей) позиции в лагере. Именно в этом пункте наблюдается пересечение с традиционным аспектом дисциплины, который состоит в ограничении влияния штатских на солдатскую массу. Торговцы, слуги, рабы и куртизанки обеспечивали своим присутствием не только удобства жизни: они были связью с внешним миром и часто источником информации много более доступным, чем командир. Солдаты сами часто были распространителями слухов – вербуемые, т.е. пришедшие из штатской среды, ряды печально знамениты этим в большинстве армий. Это представляет собой естественную реакцию со стороны людей, не имеющих возможности контролировать ситуацию, но рискующих многое потерять. Недостовверная информация или, по крайней мере, информация, которая допускала иную интерпретацию, чем та, которую предлагал командир, могла легко оттолкнуть войско от его лидера. В частности, это способствовало эскалации мятежа в Паннонии, когда солдат по имени Вибулен заявил, что телохранитель Блеза убил брата Вибулена. Тацит же сообщает, что у Вибулена никакого брата не было (*Tac. Ann. I. 22*).

Одна из проблем полководцев и императоров смутного 69 года н.э. состояла в высокой степени информационного влияния местных жителей на армию (*Tac. Hist. I. 65.2; I. 66.2; II. 72; III. 43; IV. 79*). Цезарь имел дело с этой проблемой в ходе Африканской войны, но использовал необычный и замечательный метод ее нейтрализации. Согласно Светонию, вместо того, чтобы отрицать или просто говорить неправду в ответ на слухи и вопросы, он стал преувеличивать опасность: «*Scitote, – inquit, – paucissimis his diebus regem adfuturum cum decem legionibus, equitum triginta, levis armaturae centum milibus, elephantis trecentis. Proinde desinant quidam quaerere ultra aut opinari mihique, qui compertum habeo, credant; aut quidem uetustissima naue impositos quocumque uento in quascumque terras iubebo auehi*» (*Suet. Div. Jul. 66*) – «Знайте: через несколько дней царь будет здесь, а с ним десять легионов, да всадников тридцать тысяч, да легковооруженных сто тысяч, да слонов три сотни. Я это знаю доподлинно, так что кое-кому здесь лучше об этом не гадать и не ломать голову, а прямо поверить моим словам; а не то я таких посажу на дырявый корабль и пушу по ветру на все четыре стороны» (пер. М.Л. Гаспарова).

В словах Цезаря здесь одновременно и насмешка, и угроза. Был ли ответ отражением его недовольства войском, или же его манера была типичной? Как бы там ни было, источник указывает на относительную открытость между уровнями иерархии в войске Цезаря, особенно на стремление командира утвердиться в качестве главного источника информации.

Главное отличие этих примеров от риторических образцов состоит в неформальном характере демонстрации командирского *vultus*. Тацит подразумевает, что более формальное самопредставление было наиболее применимо там, где отношение уже сформировалось: *At in superiore exercitu quarta ac duetvicensima legiones, isdem hibernis tendentes, ipso kalendarum Ianuariarum die dirumpunt imagines Galbae, quarta legio promptius, duetvicensima cunctanter, mox consensu. Ac ne reverentiam imperii exuere viderentur, senatus populique Romani oblitterata iam nomina sacramento advocabant, nullo legatorum tribunorumve pro Galba nitente, quibusdam, ut in tumultu, notabilius turbantibus. Non tamen quisquam in modum contionis aut suggestu locutus; neque enim erat adhuc cui imputaretur* (*Tac. Hist. I. 55.4*) – «В Верхней Германии четвертый и двадцать второй легионы, занимавшие один и тот же лагерь, в самый день январских календ разбились изображения Гальбы. Четвертый легион выступил более решительно, а двадцать второй поначалу медлил, но потом они договорились. Чтобы казалось, будто они сохраняют верность государству, солдаты прибавили к присяге давно забытые слова о сенате и римском народе. Из легатов и трибунов ни один не выступил в защиту Гальбы; некоторые даже сами подстрекали к восстанию – так обычно и бывает во время беспорядков. Однако никто не решался собрать солдат на сходку и обратиться к ним с трибуны: еще не от кого было ожидать за это награды» (пер. Г.С. Кнабе).

Идея адаптировать *vultus* к произносимым словам заметна также на примерах формальных военных речей. Цезарь сообщает, что люди Домиция Агенобарба в Корфинии взбунтовались после того, как увидели, что его *vultus* и его *oratio* не согласуются: *Cum vultus Domiti cum oratione non consentiret, atque omnia trepidantius timidiusque ageret, quam superioribus diebus consuisset, multumque cum suis consiliandi causa secreto praeter consuetudinem colloqueretur, concilia conventusque hominum fugeret, res diutius tegi dissimularique non potuit* (*Caes. BC. I. 19.3*) – «Однако выражение лица Домиция не согласовывалось с его речью, и во всем поведении его было больше суетливости и робости, чем в предыдущие дни; далее, против обыкновения, слишком часто совещался тайком со своими приближенными и избегал всяких сходок и собраний. Таким образом, истину нельзя было дольше скрывать и утаивать» (пер. М.М. Покровского).

Формальные обращения полководца к войску часто могли иметь место на лагерном трибунале и показательны, что, по словам Тацита, одним из первых действий, предпринятых взбунтовавшимися солдатами в Паннонии в 14 году н.э. было строительство их собственного трибунала – возвышение для произнесения речей было материальным символом военной власти (*Tac. Ann. I. 18.4 – 5*).

Как уже говорилось выше, владение средствами психологического воздействия на солдатскую массу было сильным инструментом полководца: в ответ на действия взбунтовавшихся в Паннонии солдат один из командиров, Юний Блез, реагирует сначала уверенными речами, используя свой большой риторический опыт в качестве основного оружия (*Tac. Ann.* I. 19.2). Красноречие, в том числе в аспекте сценического действия, используется, чтобы влиять на армию, в течение всего Принципата, о чем можно судить исходя из сообщений Тацита (*Tac. Hist.* I. 85; II. 5; II. 80; III. 10).

Кроме того, та частота, с которой слова *contio* («сходка») и *contionor* («выступить на сходке») используются Цезарем и другими писателями, предполагает, что развернутые обращения были очень распространены. Мы также можем предположить, что речи, произнесенные *apud milites*, могут быть классифицированы как вполне соответствующие рекомендациям по ораторскому искусству. Светоний обращается к речи Цезаря *apud milites in Hispania* как образцовой риторической. Кроме того, есть схожая оценка его же речи *apud milites de commodis eorum* у грамматика Диомеда (*Suet. Div. Jul.* 55.4; *GL.* I. 400.20).

Такие наблюдения позволяют говорить, что если римляне считали речи полководцев перед солдатами эквивалентными речам, традиционно рассматриваемым как «риторические», то ораторы в этом контексте, вероятно, следовали бы принципам аргументации и постановки, рекомендованным риторическими руководствами. Это как бы противоречит мнению Цицерона в *Off.* II. 48, который утверждает, что речь перед солдатами является просто *sermo*, а не *oratio*. С другой стороны, он также утверждает, что правила красноречия должны также относиться к *sermo* (*Off.* I. 132).

Однако, как видно из источников, содержательная сторона речи еще не обеспечивала успеха полководцу. Существенной трудностью, которая должна быть преодолена в развернутых обращениях к войску, является способность добиться того, чтобы быть услышанным. Имеется следующий пример у Светония в *Divus Julius.* 33: многие из солдат Цезаря, *extrema contione*, неправильно поняли жестикуляцию Цезаря, так как лучше могли его видеть, чем слышать. В то время как этот пример, казалось бы, доказывает важность слов, он фактически подчеркивает, что доверие солдат основывалось больше на жесте и внешнем виде полководца, и как оратор должен выстроить свои действия, чтобы они не были извращены.

Взаимодействие Цезаря с солдатской массой имело место в пределах формального *militari* контекста. Римская армия знаменита ее методичным подходом к устройству лагеря, обычная ежедневная рутина постоянно укрепляла военную иерархию. Даже неформальное общение между командиром и солдатами отражало военную структуру в связи с тем, что командир, как мы видим, обычно был в центре внимания. Контекст общения командира с солдатской массой оказывается также шире, чем у оратора в общении с его аудиторией: вместо того чтобы уговаривать применительно к случаю, командир должен поддерживать непрерывную серию взаимодействий со своим войском. В отличие от штатского оратора командир находится под гораздо более пристальным взглядом его аудитории. В таком свете мы видим Цезаря и других командиров, использующих риторические методы контроля над настроением их солдат вне границ формальной речи.

Проблема, с которой неопытный офицер мог столкнуться в военном лагере, состоит в понимании того, что приемы невербального воздействия на солдатскую массу были не просто применимыми, но являлись необходимыми для достижения успеха. В этом, вероятно, состояла суть критики Цезаря по отношению к Домицию в Корфинии, когда Домиций оказался слишком некомпетентным, чтобы признать, что эти основы риторической техники были необходимы, о чем было сказано выше. И это, возможно, подразумевает Тацит, когда указывает на грубую ошибку Вителлия: тот в глазах солдат оказывается неспособным управлять своим выражением лица, когда получает военные донесения (*Tac. Hist.* III. 56).

Характеристика, которую Цезарь дает Домицию, представляется объективной: Цицерон в *Brutus* также сообщает о том, что Домиций не имел риторического опыта вообще: *L. Domitius nulla die quidem arte, sed Latine tamen et multa cum libertate dicebat* (*Cic. Brutus.* 267) – «Что касается Луция Домиция, то он не знал никакой науки, но говорил на хорошей латыни и с большой свободой» (пер. И.П. Стрельниковой). Это также подчеркивает критика Цезаря по отношению к неопытным офицерам, которые сопровождали его к Весонтиону, исходя из *amicitia* (*Caes. BG.* I. 39.2). Рассказ Цезаря о событиях под Весонтионом настоятельно критиковался за его тенденциозность и пропагандистскую направленность – Цезарь, возможно, маскировал сомнения своего войска в законности его действий, утверждая, что его офицеры возбудили волнения среди солдат своим малодушием. Но если эти люди бессознательно помогали противодействовать планам Цезаря своей неспособностью управлять их *vultus*, это также перекликается с осознанным поведением, которое демонстрировал сам Цезарь. По этому поводу стоит обратить внимание на ремарку Гирция в *BG.* 8. *pr.* 7 – 8: *Caesare cum facultas atque elegantia summa scribendi, tum verissima scientia suorum consiliorum explicandorum* – «Цезарь был не только весьма искусным и изящным стилистом: он обладал также истинным умением излагать свои замыслы» (пер. М.М. Покровского).

Заключение. Поведение римских военных лидеров в приведенных примерах, вероятно, обуславливалось влиянием риторического обучения и их успех определялся теми же принципами [10, р. 20 – 21].

Показательно, что Цезарь, являющийся пример полководца, наиболее успешно реализовывавшего свой *vultus*, получил обширное риторическое образование (*Suet. Div. Jul.* 41, 55.1; *Cic. Brutus.* 252, 261; *Tac. Ann.* XIII. 3.4). Заметим, что личный *vultus* имел большое значение и для ораторского искусства, и для собственно практики военного лидерства. Хотя в сообщениях античных авторов нет прямого указания на то, что римские полководцы освоили принципы самопредставления посредством риторического обучения, мы видим совпадение целей и средств в обеих сферах – в риторической и военной. Мы также видим, как Цезарь (чей метод едва ли был нетрадиционным [11, p. 194]), Красс и другие командиры демонстрируют применение этих принципов вне контекста формальной (развернутой) речи. Отсюда должен следовать закономерный вывод об определяющем значении по преимуществу невербальных средств воздействия римского полководца на солдатскую массу. Интегральным понятием для таковых, очевидно, следует признать *vultus* римского полководца.

ЛИТЕРАТУРА

1. Goldsworthy, A. *The Roman Army at War 100 B.C. – A.D.200* / A. Goldsworthy. – Oxford: Oxford University Press, 1998. – 328 p.
2. Утченко, С.Л. Политические учения Древнего Рима (III – I вв. до н.э.) / С.Л. Утченко. – М., 1977. – 256 с.
3. Махлаюк, А.В. Роль ораторского искусства полководца в идеологии и практике военного лидерства в Древнем Риме / А.В. Махлаюк // Вестн. древней истории. – 2008. – № 1. – С. 31 – 48.
4. Aldrete, G.S. *Gestures and Acclamations in Ancient Rome* / G.S. Aldrete. – Baltimore: The Johns Hopkins University Press, 1999. – XXV, 227 p.
5. Gleason, M.W. *Making Men: Sophists and Self-Presentation in Ancient Rome* / M.W. Gleason. – Princeton: Princeton University Press, 1995. – XXXII, 156 p.
6. Chrissanthos, S.G. *Caesar and the Mutiny of 47 BC* / S.G. Chrissanthos // *Journal of Roman Studies.* – 2001. – № 91. – P. 63 – 71.
7. Wisse, J. *Ethos and Pathos from Aristotle to Cicero* / J. Wisse. – Amsterdam: Adolf M. Hakkert, 1989. – xv, 370 p.
8. Oakley, A. *Commentary on Livy Books VI-X* / A. Oakley. – Vol. II – Oxford: Oxford University Press, 1998. – xiii, 866 p.
9. Gill, C. *The Ethos/Pathos Distinction in Rhetorical and Literary Criticism* / C. Gill // *Classical Quarterly.* – 1984. – № 1(34). – P. 149 – 166.
10. Campbell, B. *Teach Yourself How to be a General* / B. Campbell // *Journal of Roman Studies.* – 1987. – № 77. – P. 13 – 29.
11. Goldsworthy, A. *Instinctive Genius: The depiction of Caesar the general* / A. Goldsworthy // *Julius Caesar as Artful Reporter: The War Commentaries as Political Instruments.* – London: Duckworth, 1998. – P. 193 – 219.

Поступила 24.10.2011

VULTUS OF THE ROMAN COMMANDER

S. TELEPEN

Article is devoted such factor of military leadership in Ancient Rome, as vultus the commander. By the end of Republic the method of the Roman military leadership has already developed, that has allowed many commanders to provide an effective control over their soldiers. Generally it was a belief method. The given type of leadership has found application in formal and informal contexts of a life of military camp that demanded from the commander of high level of the control of the appearance, gesture and a voice. In article the conclusion becomes, that though it is difficult to tell unequivocally, that the behaviour of the Roman military leaders was caused by influence of rhetorical training, it is obvious, that their success was defined by the same principles. Personal vultus the commander had here great value both for oratory, and for actually practice of military leadership. The conclusion that as a whole it is possible to speak about defining value on advantage of nonverbal levers of the Roman commander on soldier's weight becomes.

УДК 902/904(476)“633”

**К ВОПРОСУ О ЛОКАЛЬНЫХ КУЛЬТУРАХ «СВИДЕРСКИХ ТРАДИЦИЙ»
В МЕЗОЛИТЕ ВОСТОЧНОЙ БЕЛАРУСИ**

канд. ист. наук, доц. А.В. КОЛОСОВ
(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Для отечественного мезолитоведения актуальным остается вопрос о характере и механизмах культурного взаимодействия, возможности возникновения и развития культур в итоге контактов древнего населения. Мезолит Восточной Беларуси рассматривался в контексте выделенных здесь в 1970 – 1980-е годы двух своеобразных локальных культур – сожской (по В.Ф. Копытину и Е.Г. Калечиц) и днепро-деснинской (по В.П. Ксензову). Генезис этих культур представлялся как результат слияния традиций кремнеобработки целого ряда культур финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья, среди которых доминирующая роль отводилась свидерскому населению. Современное состояние источников, обнаружившиеся противоречия в интерпретации сожской и днепро-деснинской культур позволяют отказаться от прежнего мнения об автохтонном пути развития свидерских традиций в мезолите Восточной Беларуси.

Введение. В последние годы по мезолиту Восточной Беларуси получены новые данные [10, с. 77 – 89], используются более совершенные методы в изучении материалов. Изменился и взгляд на возможности накопленной базы источников в решении проблем освоения первобытным человеком рассматриваемой территории после окончания ледниковой эпохи. Однако до сих пор для мезолита региона проблема взаимодействия древнего населения остается вполне актуальной, и после выделения здесь своеобразных локальных культур тема культурных контактов стала предметом острых научных дискуссий. Это связано не только с тем, что один и тот же круг источников разными исследователями интерпретировался по-разному, но и различным пониманием природы его происхождения. Еще в 1970 – 1980-е годы в мезолите Верхнего Поднепровья были выделены отдельные локальные культуры «свидерских традиций», своеобразие которых подчеркивалось синтезом целого ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур – гренской и свидерской – в составе сожской культуры позднего мезолита [6; 7; 11; 12], свидерской и лингбийской в контексте днепро-деснинских древностей [15 – 18].

Но уже в 1990-е годы среди отечественных исследователей четко обозначились явные противоречия как на уровне представлений о генезисе и хронологии выделенных культур, так и в определении самих понятий о «сожской» и «днепро-деснинской» культурах. В этой ситуации появилась необходимость в проведении всестороннего анализа и сравнительной культурно-хронологической идентификации имеющихся материалов. Изучение коллекций опорных мезолитических памятников Белорусского Посожья позволило нам в начале 2000-х годов считать выделенные культуры несостоятельными и в конечном итоге отказаться от автохтонной концепции развития мезолита Беларуси [8 – 10].

Публикация И.Н. Езепенко в первом томе энциклопедического издания «Археологія Беларусі» (2009), которая, по сути, вновь реанимировала понятие «днепро-деснинская культура» [23, с. 307], заставила еще раз обратить внимание на проблему идентификации материалов так называемых «локальных культур «свидерских традиций» и определить их место в мезолите Беларуси.

Основная часть. Появление идеи о «местном» мезолите в Восточной Беларуси было не случайным. Отказ в 1950-е годы от стадийного схематизма в представлениях о каменном веке Восточной Европы [1, с. 96 – 120], утверждение концепции археологической культуры, признание мезолита как отдельной исторической эпохи, использование более совершенных методов исследования памятников и последовавшее за этим увеличение источниковой базы потребовали от отечественных исследователей разработки региональной схемы развития мезолита. 1970 – 1980-е годы стали тем временем, когда полученный в итоге ширококомасштабных раскопок памятников материал позволил утвердить модель автохтонного развития мезолитических культур Верхнего Поднепровья на примере сожских и днепро-деснинских древностей. Их локальное своеобразие сводилось к понятию «аккультурации» (взаимодействия, взаимовлияния) традиций отдельных культурных явлений финального палеолита и мезолита, среди которых доминантой выступала свидерская культура.

Учитывая, что история изучения и круг проблем сожской и днепро-деснинской культур неоднократно освещались в литературе [6, с. 5 – 10; 7, с. 10 – 13; 8, с. 8 – 14; 9, с. 74 – 76; 11, с. 3 – 7; 15, с. 11 – 15; 18, с. 40 – 59], ограничимся краткой характеристикой материалов этих культурных явлений.

Сожская культура, по данным В.Ф. Копытина, территориально включала стоянки бассейна Сожа (Горки-2, Журавель, Клины-2, Присно), Днепра (Береговая Слобода, Новый Быхов-2, Рдица), Березины (Городок, Василевичи-2, Михайловка) и Беседи (Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Столбун) [11, с. 48 – 58, 64, 79 – 86; 12, с. 264 – 265]. По мнению В.Ф. Копытина, сожские древности – результат слияния двух культурных традиций раннего мезолита – гренской и свидерской [11, с. 48; 12, с. 264]. Гренские черты прослеживались в технике расщепления кремня, основанной на монофронтальном снятии пластин и отщепов с одно- и двухплощадочных нуклеусов, и отдельных типах орудий, основной заготовкой для которых был отщеп; свидерские – в формах наконечников стрел [11, с. 48; 12, с. 264]. Хронология сожской культуры, как считал В.Ф. Копытин, укладывалась в пределах VI – V тыс. до н. э., а исторические судьбы населения связывались с формированием верхнеднепровской неолитической культуры [11, с. 48, 59; 12, с. 264].

Взгляды В.Ф. Копытина на генезис и хронологию сожской культуры разделяла Е.Г. Калечиц [6; 7]. При этом исследовательница отмечала особое положение памятников Центральной Беларуси, сформированных «на основе сильных культурных импульсов свидера со свойственной ему пластинчатостью», что «дает основание для выделения в Березинском бассейне специфического явления, не получившего пока названия» [7, с. 71].

Несколько иной подход в решении проблем финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья содержится в работах В.П. Ксензова [15 – 18]. На основе полученных материалов им первоначально была выделена позднемезолитическая культура, получившая название «верхнеднепровской» [14, с. 11 – 19]. Однако в конце 1980 – середине 1990-х годов В.П. Ксензов предложил новую интерпретацию материалов по мезолиту Верхнего Поднепровья в рамках *днепро-деснинской культуры*, генетические корни которой им связывались со свидерской культурой [15, с. 41 – 52, 126]. Эта «постсвидерская» культура была представлена памятниками верховьев Днепра, Восточного Полесья и Среднего Подесенья [15, с. 41 – 105, 126]. В своем развитии она прошла три этапа. К первому этапу были отнесены стоянки Яново, Дальнее Лядо, Лудчицы, Латки, Королева Слобода, Шихов, Верхи, Костюковка; ко второму – Балка-1, Бор, Залесье-4, Корост, Раска, Смячка-14А, Б, Г. Эти два этапа датировались ранним мезолитом в пределах пребореала – бореального времени [15, с. 48]. Третий этап (начало VI – конец V тыс. до н. э.) представлен стоянками Береговая Слобода, Василевичи-2, Городок-4, Красновка-1А, Тайманово, Стасевка, Взлужье, Гайшин, Горки, Замостовье, Новый Быхов-2, Рдица, Студенец [15, с. 93 – 105].

Критериями для подобного хронологического деления памятников стали характерные для каждого выделенного этапа формы наконечников стрел и облик кремневого инвентаря в целом. Если на первом этапе, как считал В.П. Ксензов, были известны в основном симметричные наконечники стрел, выполненные в свидерской или постсвидерской манере, то на втором под влиянием гренской культуры в днепро-деснинских комплексах появляются ассиметричные наконечники [15, с. 93 – 105]. Всего в материалах позднего этапа днепро-деснинской культуры В.П. Ксензовым было выделено семь типов наконечников [15, с. 95 – 96]. Кроме этого, в поздних днепро-деснинских комплексах, как считает В.П. Ксензов, встречаются вкладышевые орудия, ланцетовидные наконечники, наиболее характерные для стоянок бассейна р. Березина, пластины с затупленным краем, трапеции [16, с. 71, 74, 77; 17, с. 14; 18, с. 40 – 59].

Генетические корни днепро-деснинской культуры В.П. Ксензов искал среди памятников свидерской (иволистные и черешковые наконечники с плоской вентральной обработкой насада, концевые скребки удлинённых пропорций, срединные и ретушные резцы на пластинах, рубящие орудия с перехватом, техника расщепления, основанная на снятии пластин с двухплощадочных нуклеусов) и лингбийской (черешковые наконечники, наконечники с боковой выемкой) традиций [16, с. 82 – 83; 17, с. 15; 18, с. 56]. Основываясь на данном положении, В.П. Ксензов ставил под сомнение возможность формирования сожской культуры на базе свидерской и гренской культур и объяснял это отсутствием в Посожье свидерских памятников и малочисленностью гренских [17, с. 11].

По мнению ученого, основным типом-заготовкой для орудий труда днепро-деснинской культуры была пластина, что являлось свидерской чертой [17, с. 11 – 12, 14 – 15]. Пластинчатость особенно подчеркивалась для памятников бассейна р. Березина. И только на стоянках Посожья в качестве заготовки широко использовался отщеп. Это стало основанием для выделения В.П. Ксензовым двух локальных групп: «западной (бассейн Березины) и восточной (бассейны Сожа и Днепра)» [16, с. 77 – 78; 17, с. 15].

Нетрудно заметить, что в рассуждениях исследователей мезолита Восточной Беларуси наблюдалась попытка обоснования культурной специфики конкретной территории, которая выражалась в идее синтеза традиций ряда финальнопалеолитических и мезолитических культур. При этом для характеристики выделенных локальных культур использовались коллекции одних и тех же памятников, что вызвало некоторые недоразумения.

Первое противоречие возникло уже в самом названии культур. Оставалось непонятным: сожская и днепро-деснинская культуры – это два разных культурных явления или одно, но выраженное в разных

названиях? Понятие «сожская культура» появилось на страницах публикаций не случайно, поскольку именно в Посожье были получены достаточно выразительные коллекции, позволившие выделить и дать характеристику этому культурному явлению. Понятие «днепро-деснинская культура» в территориальном отношении было шире и охватывало не только бассейны Березины, Верхнего Днепра, Сожа, но и Средней Десны и нижней Припяти.

По мнению В.Ф. Копытина, включение деснинских материалов в состав днепро-деснинской культуры ошибочно, так как они дают яркий пример распространения геометрических микролитов, не характерных для Верхнего Поднепровья [11, с. 50 – 51]. Однако деснинский бассейн в культурном отношении проявляет многообразие [3; 5; 21, с. 28 – 35] и, как считает В.П. Ксензов, несправедливо не замечать близость кремневого инвентаря верхнеднепровских поселений днепро-деснинской культуры и стоянок типа Смячка-14. Последние им были включены в круг памятников раннего этапа днепро-деснинской культуры [16, с. 66].

Между тем Е.Г. Калечиц подвергала сомнению возможность объединения в рамках днепро-деснинской культуры различных «в геоморфологическом отношении и по насыщенности кремнем областей» [7, с. 71]. Сорокин А.Н. признает днепро-деснинскую культуру историографически несостоятельной и считает, что кремневые комплексы этой культуры смешаны [22, с. 124 – 125]. По мнению Л.Л. Зализняка, сожская или днепро-деснинская древности появились в результате взаимодействия двух культур и не являются уникальными явлениями в мезолите Верхнего Поднепровья [4, с. 230]. Смешанные памятники являются либо свидерскими, либо гренскими, в зависимости от того, какие из признаков этих культур доминируют [4, с. 230]. В этой связи Л.Л. Зализняк считает эталонную для сожской культуры стоянку Горки свидерской и датирует ее кремневый инвентарь началом пребореального времени [4, с. 229].

Представляется, что концепция формирования днепро-деснинской культуры, по В.П. Ксензову, ничего нового не предлагает и во многом является противоречивой. В противовес схеме генезиса сожской культуры В.Ф. Копытина «свидер + гренск» им была предложена своя культурологическая модель мезолита Белорусского Поднепровья, не меняющая в целом суть понятия конгломератной культуры – «свидер (на раннем этапе) + лингби (на позднем)».

Так, В.П. Ксензов считал, что свидерское население Полесья испытало «сильное влияние (*культуры лингби – А. К.*), в результате чего появляются памятники, сочетавшие в инвентаре свидерские и позднелингбийские черты» [17, с. 15]. Однако гренская культура у этого же автора возникла на лингбийской основе, что отчетливо проявляется в наличии «массивных широколиственных наконечников с толстым черешком, обработанным только по краям», и черешковых ассиметричных наконечников [17, с. 11]. Процесс заселения северных районов Верхнего Поднепровья населением лингби, считал В.П. Ксензов, «фиксируют памятники Эжяринас 16, Дярежничя 31, Глинас 6, Красносельский 5,7 и др.» [17, с. 11], которые являются «вторым генетическим компонентом» днепро-деснинской культуры [17, с. 15]. Следовательно, если происхождение гренской культуры В.П. Ксензовым выводилось из лингбийской, которая также являлась одним из генетических компонентов днепро-деснинских древностей, являлось ли обоснованным отрицание сожской культуры В.Ф. Копытина?

Обратимся к хронологии и интерпретации кремневого инвентаря памятников сожской и днепро-деснинской культуры. Нерешенность этих вопросов подчеркивается отсутствием дат, полученных с помощью естественнонаучных методов, четко стратифицированных памятников, слои которых не сохраняют органику. Поэтому единственный выход из этого положения исследователи видели в анализе кремневого инвентаря, основанном на сравнительной типологии. В качестве датирующих признаков отмечались: топография стоянок, скребково-резцовый показатель, распространение различных форм наконечников, присутствие в коллекциях незначительного количества трапещей. Обратим внимание, что соотношение скребков и резцов отнюдь не свидетельствует о возрасте памятника, а может говорить о специфике хозяйственной деятельности или специализации по изготовлению определенных типов орудий труда [7, с. 72].

Наличие наконечников типа Хинтерзее (Коромка, Горки, Журавель) и трапещей также не может являться надежным индикатором для датировки памятников позднемезолитическим возрастом. Первые происходят из нестратифицированных стоянок и, по верному замечанию А.Н. Сорокина, определяются типологически [22, с. 62]. В отношении трапещей можно заметить, что время их появления относится еще к заключительным этапам палеолита. В материалах иеневской и песочноровской культур они получают распространение в пребореальное время [4, с. 216 – 224; 5, с. 60 – 62; 13, с. 38 – 60; 24, р. 272 – 279]. По данным Л.Л. Зализняка, находки трапещей на свидерских стоянках Полесья могут свидетельствовать либо о поздних примесях, либо о раннем их появлении, поскольку в Раске и Смячке-14 они обнаружены в четких стратиграфических условиях [20, с. 92 – 93, 107].

Для ранней группы памятников, которую В.П. Ксензов датирует пребореалом – бореалом (10 300 – 8 000 лет назад), характерно, как отмечалось выше, «типологическое однообразие», которое проявляется в распространении черешковых постсвидерских наконечников [17, с. 12, 14]. Однако происхождение «второ-

го генетического компонента», отчетливо проявляющегося в комплексах позднего этапа (8 000 – 7 000 лет назад), «связано с появлением в финальном палеолите в южной части лесной зоны Восточной Европы населения культурной традиции лингби...» [17, с. 15]. И далее: «Вероятно, на рубеже плейстоцена-голоцена оно вступило в контакт со свидерским населением, проживавшем в основном на территории Полесья...» [17, с. 15]. После этого «смешанное население мигрирует на восток, в деснинский регион, где оставляет памятники ранней группы, а затем «на север, освоив к концу мезолита бассейны Сожа, Верхнего Днепра, Березины в южных и центральных частях Беларуси» [17, с. 15].

Если на рубеже плейстоцена-голоцена появляются памятники «смешанной традиции», то правомерно ли утверждение о «типологическом однообразии» кремневого инвентаря раннего этапа днепродеснинской культуры? Наглядно это противоречие отражено и в приложенных к статьям иллюстрациях [16, с. 72, 78; 17, с. 12 – 13], где вместе с «постсвидерскими» формами наконечников стрел ранней группы памятников демонстрируются «лингбийские» черешковые и «грэнские» ассиметричные с боковой выемкой, известные также в комплексах позднего этапа днепродеснинской культуры (ср., например, рис. 3: 3 – 4 с рис. 4: 3 – 4 [17, с. 12 – 13]). Не совсем понятен и тезис о «сильном влиянии населения лингби на свидерцев», которое проявляется только лишь в наличии «черешковых наконечников и наконечников с боковой выемкой» (весь остальной типологический набор связан со свидерской культурой) [17, с. 15].

Не менее противоречивой была схема формирования сожской позднемезолитической культуры, особенно относительно места и роли грэнских традиций в сложении этой культуры. Ведь сама сожская культура относилась к числу «постсвидерских культур» или «культур свидерских традиций» эпохи мезолита [7, с. 66 – 67; 11, с. 49, 54]. Кроме этого, оставалось неизвестным, какая группа памятников грэнской культуры могла стать генетическим продолжением для сожских древностей. Ведь грэнские материалы, судя по публикациям, типологически неоднородны, что признавал и сам В.Ф. Копытин. Например, кремневый комплекс стоянки Боровка ученый связывал с мезинскими традициями, а Коромку – с Межиричами и Добраничевкой [11, с. 14 – 25; 12, с. 258 – 260]. На это обстоятельство обратили внимание А.Е. Кравцов и А.Н. Сорокин, которые предположили, что на территории Верхнего Поднепровья имеются «чистые» аренбургские памятники типа Боровка и синкретические типа Коромка, сочетающие в себе аренбургские и свидерские черты, при условии источниковедческой надежности последних [13, с. 16].

Еще одно противоречие наглядно выступает, когда В.Ф. Копытин связывал формирование сожской культуры с поселениями типа Баркалабово, которые он характеризует как свидерские и сравнивает «с памятниками позднего этапа бутовской и неманской мезолитических культур, что обусловлено общей свидерской основой их формирования» [11, с. 49, 54]. Во-первых, «памятники типа Баркалабово» образовывала коллекция всего одной стоянки – Баркалабово, поэтому о выделении отдельного типа памятников здесь не может быть и речи. Во-вторых, за признанием факта выделения отдельного типа памятников признаем факт локальности свидерской культуры. В-третьих, как справедливо заметила Е.Г. Калечиц, между памятниками свидерской и сожской культур существует хронологический разрыв в две тысячи лет [7, с. 66]. А это делало не ясным: либо сожская культура сформировалась в раннем мезолите и ее материалы требовали соответствующего удревления, либо «свидерская культура продолжала развиваться на мезолитическом этапе» [7, с. 66].

Между тем Е.Г. Калечиц в решении этого вопроса приняла последнюю версию. В критическом обзоре проблем мезолита Восточной Беларуси исследовательница отмечала особое положение мезолитических памятников Нижнего Посожья, где было зафиксировано развитие свидерских традиций, особенно в бассейнах Ипути и Беседи [7, с. 66]. При этом «сильные импульсы» культурных влияний свидера доводились Е.Г. Калечиц до конца неолита, и доказывалось это присутствием постсвидерских наконечников стрел в кремневом инвентаре стоянок верхнеднепровской неолитической культуры. По этому поводу Е.Г. Калечиц отмечает следующее: «Материалы мезолитических поселений Нижнего Посожья, в отличие от расположенных севернее, несут отчетливые следы преемственности свидерской традиции кремнеобработки, которые сохранялись здесь и в неолите» [7, с. 66]. Получается, что в мезолите бассейна р. Сож существовало, по крайней мере, две локальные группы памятников: одна из них отчетливо просматривается в материалах стоянок Нижнего Посожья, другая – среди стоянок, «расположенных севернее» [7, с. 66].

Однако такое территориальное различие среди памятников свидерской традиции в низовьях Сожа и группы стоянок, «расположенных севернее», объяснялось Е.Г. Калечиц фактом давления «постсвидерцев» на местное грэнское население: «По-видимому, племена свидерской традиции (постсвидерцы), проникшие в Нижнее Посожье, на мезолитическом этапе развития расселились в бассейнах Ипути и Беседи, оттеснив местное грэнское население к северу» [7, с. 67].

Насколько возможной и реальной была экспансия «племен постсвидерцев» в бассейн р. Сож, приведшая к оттоку части аборигенного грэнского населения на север ареала, об этом, по мнению Е.Г. Калечиц, позволяют судить данные палеодемографии.

Впервые в отечественной историографии Е.Г. Калечиц попыталась провести реконструкцию демографической ситуации в каменном веке Восточной Беларуси [7, с. 163 – 167], в то же время предупредив о несовершенстве использованного ею метода подсчетов, основанного на оценке «количества биомассы, приходящейся на единицу площади, с учетом естественного прироста, не нарушающего экологическое равновесие» [7, с. 164 – 165]. И все же Е.Г. Калечиц, например, для гренской культуры в финальном палеолите определила 25 человек, составлявших одну общину, которая обитала на площади 860 кв. км [7, с. 164].

Но, буквально, через 1,5 – 2 тысячи лет, после окончания ледниковой эпохи гренское население возросло в 60 (!) раз и составило 1 500 человек или 50 общин, проживавших теперь на территории 45 тыс. кв. км [7, с. 164]. Следовательно, для того чтобы «оттеснить» гренских охотников из Нижнего Посожья, количество «постсвидерцев» в раннем мезолите должно быть или пропорционально равным, или превосходить численно. Однако это не согласуется с ранее высказанным мнением Е.Г. Калечиц о малочисленности свидерских поселений в восточной части Белорусского Полесья и Верхнего Поднепровья [7, с. 66].

Даже если признать де-факто «свидерское давление» в низовьях Сожа на местное гренское население, то становится очевидной противоречивость всей концепции формирования сожской культуры, по которой: «Синтез гренских и свидерских традиций привел к созданию сожской культуры – генетической основы верхнеднепровской неолитической» [7, с. 67].

Противоречивый характер приобрел и тезис о совпадении ареалов гренской и сожской культур. «Поскольку ядро ареала гренской культуры, – пишет Е.Г. Калечиц, – находится на территории верховий долин Днепра, Сожа и их притоков, естественно, что сменившие их поселения сожской культуры концентрируются там же» [7, с. 71]. Следовательно, площадь распространения стоянок сожской культуры должна была соответствовать прежним размерам территории обитания гренских охотников в раннем мезолите, т.е. приблизительно 45 тыс. кв. км [7, с. 164]. Но население сожской культуры, предполагает Е.Г. Калечиц, насчитывало всего 500 человек, или 15 общин, против 50 гренских, объединявших ранее около 1500 человек [7, с. 164]. Само же сожское население проживало на территории площадью всего лишь 16 тыс. кв. км [7, с. 164]. И это вновь вызывает очередной вопрос: почему 8 – 6 тыс. лет назад зона обитания и количество сожских охотников сократились в три раза, тем более что в позднем мезолите в Верхнем Поднепровье, как считали исследователи, сложились весьма благоприятные природно-климатические условия и само население сожской культуры стало более оседлым [7, с. 66]?

Удивительным является и то, что и сожская, и днепро-деснинская культуры относились к кругу культур свидерских традиций. И это несмотря на то, что генетической основой, например, сожских древностей была гренская культура (техника расщепления кремня, формы орудий труда) при сохранении *некоторых элементов* свидерской. Главным же критерием «свидерскости» кремневых комплексов стоянок Верхнего Поднепровья и Посожья являлось, безусловно, наличие в них «вплоть до развитого неолита постсвидерских наконечников стрел» [7, с. 67]. К числу «постсвидерских» относились наконечники из пластин, черешок которых, «как правило, подработан плоской ретушью с брюшка и выделен путем двухстороннего ретуширования со стороны брюшка или противоположной ретушью со спинки и с брюшка» [7, с. 65].

Не менее парадоксальной была попытка демонстрации связи свидерской культуры с сожскими и/или днепро-деснинскими древностями. Достаточно обратить внимание на отношение исследователей к самой свидерской культуре на территории Восточной Беларуси. Незначительное число свидерских памятников (обычно указывалось три местонахождения: Яново-1, Яново-2 и Баркалабово) невольно наталкивало на мысль, что в финальном палеолите – раннем мезолите – отдельные группы свидерского населения смогли достичь только правобережья Днепра. Расселение свидерских охотников в восточном направлении, по мнению В.П. Ксензова, сдерживалось обитавшем здесь населением гренской культуры [17, с. 5 – 15]. Тогда становится непонятным, какую роль при очевидной малочисленности памятников смогла сыграть свидерская культура в формировании днепро-деснинского и/или сожского мезолита?

Даже если признать факт малочисленности свидерских памятников как результат слабой изученности этого культурного явления на территории Восточной Беларуси, что сегодня вполне очевидно [10, с. 80 – 81], то находки черешковых наконечников с плоской подтеской черешка не обязательно должны быть напрямую связаны именно со свидерской культурой. Учитывая то, что в последние годы в Восточной Беларуси стали известны памятники, на которых наконечники стрел с плоской подтеской черешка атрибутированы другими культурными явлениями эпохи мезолита (бутовская, кудлаевская), определение места свидера на этой территории в генезисе локальных мезо- и неолитических культур требует серьезного источниковедческого обоснования.

Естественно, все это осложняет решение вопроса о характере развития и влияния свидерских традиций на протяжении мезолита в Верхнем Поднепровье. И на данном этапе историографии мы, к сожалению, не располагаем тем фактическим материалом, который может позволить нам или напрямую свя-

зывать свидер с мезолитом рассматриваемого региона, или говорить об отдельной локальной группе памятников, возникшей на свидерской основе.

Возникает и другой вопрос, насколько введенные в научный оборот коллекции отвечают критериям «чистоты» и «достаточности»?

Анализ публикаций и некоторых коллекций, полученных в ходе изучения мезолитических стоянок Верхнего Поднепровья, показывает, что критике источников не уделялось должного внимания. Только в последние годы появилось несколько работ, затрагивающих проблему археологического источника для территории Верхнего Поднепровья. Смешанными, по мнению ряда специалистов, считались такие стоянки, как Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренская, Красновка-1Б, Рекорд, Речица-2, возможно, Горки, Коромка и Печенеж [11, с. 47; 16, с. 70; 22, с. 127, 141]. Культурная принадлежность некоторых поселений (Дальнее Лядо, Журавель, Криничная, Печенеж) интерпретировалась по-разному [11, с. 12, 48; 12, с. 264; 15, с. 48 – 51, 123 – 124; 22, с. 125].

Изучение коллекций опорных памятников мезолита Верхнего Поднепровья показало присутствие в их составе разнокультурных и разновременных материалов.

Данные анализа вещевого материала отдельных мезолитических памятников Восточной Беларуси отражены в таблице.

Культурно-хронологическая идентификация материалов
некоторых мезолитических памятников Восточной Беларуси (состояние источников)

Название памятника	Культурно-хронологическая идентификация материалов	
	по литературным данным	в итоге анализа коллекции
1. Береговая Слобода	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	ГК (ФП); СвК (ФП); КунК; Н; БрВ
2. Глыбовка (Бабулин Бугор)	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	М; Н; БрВ; РЖВ; ЭС
3. Горки	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); БК (М); БрВ
4. Гренск	ГК [6 – 7; 11 – 12; 15 – 18]	ГК (ФП); СвК (ФП); БК (М); Н; БрВ; РЖВ
5. Журавель	СК [6 – 7; 11 – 12] или ГК [15 – 18]	ГК (ФП); Н; БрВ; РЖВ
6. Калинино (Чурилово)	М; Н; БрВ [7]	ПК (М); ЯК (М); Н; БрВ
7. Криничная	КудК [1; 6 – 7; 11] или БК [10; 19]	СвК (ФП); БК
8. Новый Быхов	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); Н; БрВ
9. Новые Громьки (Аврамов 10. Бугор)	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); КудК (М); Н; БрВ; РЖВ; ЭС
10. Нераж (Рдица)	СК [6 – 7; 11 – 12] или ДДК [15 – 18]	СвК (ФП); Н; БрВ
11. Пролетарский (Попово)	Н; БрВ [6]	БК (М); Н; БрВ
12. Романовичи	СК (М); Н; БрВ [6 – 7]	ПК (М); КК (М); ЯК (М); Н; БрВ
13. Тайманово	СК [7 – 6; 11] или ДДК [15 – 18]	ГК (ФП); СвК (ФП)

Условные обозначения: ФП – финальный палеолит; М – мезолит; Н – неолит; БрВ – бронзовый век; РЖВ – ранний железный век; ЭС – эпоха средневековья; ГК – гренская культура; СвК – свидерская культура; СК – сожская культура; ДДК – днепро-деснинская культура; ПК – песочноровская культура; БК – бутовская культура; КунК – кундская культура; КудК – кудлаевская культура; ЯК – яниславицкая культура.

Основная часть коллекций образована в результате механического смешения находок в культурных отложениях, которые стратиграфически не выражены. Например, в кремневом комплексе эпонимной стоянки сожской культуры Горки выделены материалы свидерской и гренской культур финального палеолита, бутовской культуры эпохи мезолита и среднеднепровской культуры бронзового века.

То же самое можно сказать и о находках еще одного эталонного памятника, так называемого «западного локального варианта днепро-деснинской культуры», – Береговая Слобода, на котором присутствуют свидерский и гренский комплексы финального палеолита, кундский эпохи мезолита, днепродонецкий эпохи неолита (кремневые изделия и фрагменты лепной керамики с характерной орнаментацией поверхности), среднеднепровский бронзового века. Смешанные разнокультурные материалы содержат стоянки Аврамов Бугор, Бабулин Бугор, Гренская, Тайманово и др.

Заключение. Сожская и днепро-деснинская культуры, которые ранее включались в круг памятников постсвидерских традиций, не имеют самостоятельного значения в мезолите Восточной Беларуси. В их

комплексах мы не находим подтверждения представления о «слиянии» традиций разных культур, основной из которых была свидерская [8, с. 8 – 14; 9, с. 74 – 76; 10, с. 77 – 89]. Здесь нет также каких-либо специфических, типобразующих признаков, которые могли бы характеризовать эти культурные явления как локальные. Скорее всего, если речь идет о новой локальной культуре, то прежде всего должны выступать не просто представления о заимствованиях, а идеи об эволюционном или инновационном пути развития технокомплекса нового культурного образования. И неважно, будет это сожская, днепродеснинская или другая, так называемая конгломератная, культура, состав ее находок должен отражать качественно новые технические изменения, в том числе и те, которые могли появиться в результате аккультурации традиций. Но данные археологии по финальному палеолиту и мезолиту Верхнего Поднепровья пока не дают и, вероятно, не дадут окончательного ответа на вопрос об условиях, характере и механизме культурного взаимодействия на этой территории.

На примере сожской и/или днепродеснинской культур мы имеем дело только с понятием о простом заимствовании готовых форм изделий (в первую очередь наконечников стрел), которые выполнены в абсолютно разных технологических традициях: либо свидерских, либо грениских, либо лингбийских и т.д. Кроме этого, для характеристики сожских и днепродеснинских древностей были использованы коллекции, синкретический комплекс находок которых является результатом механического смешения разнокультурных и разновременных материалов, что теперь не вызывает сомнений.

Присутствие нестратифицированных памятников финального палеолита и мезолита в Верхнем Поднепровье, наличие типологически разнородных в культурном и хронологическом отношении форм кремневого инвентаря делают проблемным установление источниковедческой надежности имеющихся материалов. Значит ли это, что нам следует отказаться от возможности использования такого круга источников? Считаем, что нет, поскольку их изучение, по крайней мере, дало возможность обосновать финальный палеолит для территории Белорусского Посожья [10, с. 77 – 89]. Тот факт, что нам удалось обнаружить явление синкретизма в результате смешанности материалов, очень важен для понимания того культурного многообразия, которое сложилось на рассматриваемой территории в конце позднеледникового времени, что определяет перспективные направления будущих исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воеводский, М.В. Мезолитические культуры Восточной Европы / М.В. Воеводский // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. – 1950. – Вып. XXXI. – С. 96 – 120.
2. Зализняк, Л.Л. Мезолит Юго-Восточного Полесья / Л.Л. Зализняк. – Киев: Наукова думка, 1984. – 120 с.
3. Зализняк, Л.Л. Охотники на северного оленя Украинского Полесья эпохи финального палеолита / Л.Л. Зализняк. – Киев: Наукова думка, 1989. – 176 с.
4. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт північного заходу Східної Європи / Л.Л. Зализняк. – Київ: Нац. ун-т «Киево-Могилянська Академія», 1999. – 283 с.
5. Зализняк, Л.Л. Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Л.Л. Зализняк // Кам'яна доба України. – Київ, 2005. – Вип. 8. – 184 с.
6. Калечиц, Е.Г. Памятники каменного и бронзового веков Восточной Белоруссии / Е.Г. Калечиц. – Минск: Наука и техника, 1987. – 158 с.
7. Калечиц, Е.Г. Человек и среда обитания. Восточная Беларусь. Каменный век / Е.Г. Калечиц. – Минск: Экоперспектива, 2003. – 223 с.
8. Колосов, А.В. История изучения и проблемы историографии сожской мезолитической культуры / А.В. Колосов // Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. – 2005. – № 4. – С. 8 – 14.
9. Колосов, А.В. Сожская мезолитическая культура: проблемы изучения / А.В. Колосов // Романовские чтения-2: сб. тр. междунар. науч. конф., Могилев, 10 – 11 ноября 2005 г.; МГУ им. А.А. Кулешова; под ред. О.В. Дьяченко. – Могилев, 2006. – С. 74 – 76.
10. Колосов, А.В. Финальный палеолит и мезолит Посожья / А.В. Колосов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2010. – Вип. 18: Даследаванні каменнага і бронзавага вякоў (Да юбілеяў У.Ф. Ісаенкі і М.М. Чарняўскага). – С. 77 – 89.
11. Копытин, В.Ф. Памятники финального палеолита и мезолита Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин. – Могилев, 1992. – 86 с.
12. Копытин, В.Ф. Финальный палеолит и мезолит Верхнего Поднепровья / В.Ф. Копытин // Tanged points cultures in Europe. – Lublin, 1999. – С. 256 – 266.
13. Кравцов, А.Е. Актуальные вопросы Волго-Окского мезолита / А.Е. Кравцов, А.Н. Сорокин. – М.: АН СССР, Ин-т археологии, 1991. – 65 с.

14. Ксензов, В.П. Поздний мезолит Белорусского Правобережья Днепра / В.П. Ксензов // Советская археология. – 1986. – № 1. – С. 11 – 28.
15. Ксензов, В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья / В.П. Ксензов. – Минск: Наука и техника, 1988. – 134 с.
16. Ксензов, В.П. Мезолитическая днепро-деснинская культура / В.П. Ксензов // Гістарычна-археалагічны зборнік; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – 1994. – № 5. – С. 61 – 86.
17. Ксензов, В.П. Финальный палеолит и мезолит Поднепровья Беларуси / В.П. Ксензов // Российская археология. – 1997. – № 1. – С. 5 – 20.
18. Ксензов, В.П. Мезолит Северной и Центральной Беларуси / В.П. Ксензов // Матэрыялы па археалогіі Беларусі; Нац. акад. навук Беларусі, Ін-т гісторыі. – Мінск, 2006. – Вып. 13. – 158 с.
19. Кудряшов, В.Е. К вопросу о кудлаевской культуре эпохи мезолита на Могилёвщине / В.Е. Кудряшов, О.Л. Липницкая // Дняпроўскі край: паведамленні абласной краязнаўчай канферэнцыі. – Магілёў, 1993. – С. 27 – 29.
20. Неприна, В.И. Памятники каменного века Левобережной Украины / В.И. Неприна, Л.Л. Зализняк, А.А. Кротова. – Киев: Наукова думка, 1986. – 178 с.
21. Сорокин, А.Н. Мезолит бассейнов Десны и Оки (по материалам работ Деснинской экспедиции) / А.Н. Сорокин // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии АН СССР. – 1986. – Вып. 188. – С. 28 – 35.
22. Сорокин, А.Н. Мезолит Жиздринского Полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы / А.Н. Сорокин. – М.: Наука, 2002. – 251 с.
23. Язэпенка, І.М. Дняпра-дзяснінская культура / І.М. Язэпенка // Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2-х т.; рэдкал. Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – Т. 1: А – К. – С. 307.
24. Kravtsov, A.E. Concerning the dating of the yenevo culture / A.E. Kravtsov // Tanged pointes cultures in Europe. Lublin, 1999. – P. 272 – 279.

Поступила 17.05.2011

TO THE QUESTION OF THE LOCAL CULTURES OF THE “SWIDRY TRADITIONS” IN THE MESOLITHIC AGE IN EASTERN BELARUS

A. KOLOSOV

The problem of the character and the ways of cross-cultural interactions as well the problem of the origin and development of archaeological cultures in the course of ancient population's contacts are rather topical in native Mesolithic age study. These problems have been regarded in the context of two peculiar local Mesolithic age cultures which were singled out in Eastern Belarus in 1970-s and 1980-s – the Sozh culture (according to V. Kopytin and E. Kalechits) and the Dnieper-Desna culture (according to V. Ksenzov). The genesis of these cultures used to be represented as the result of the merging of flint processing traditions of a number of the final Palaeolithic and Mesolithic age cultures in the Upper Dnieper region, the dominant part belonging to the Swidry population. The present-day sources and the contradictions in the Sozh and the Dnieper-Desna cultures interpretation make it possible to deny the former idea of the autochthonous development of the “Swidry traditions” in the Mesolithic age in Eastern Belarus, this point being regarded in this article.

УДК 94+903.4(476)

НОВЫЯ ПРАДМЕТЫ ЎЗБРАЕННЯ І РЫШТУНКУ ВЕРШНІКА І БАЯВОГА КАНЯ З ТЭРЫТОРЫІ ВЕРХНЯГА ПАДНЯПРОЎЯ І ПАСОЖЖА

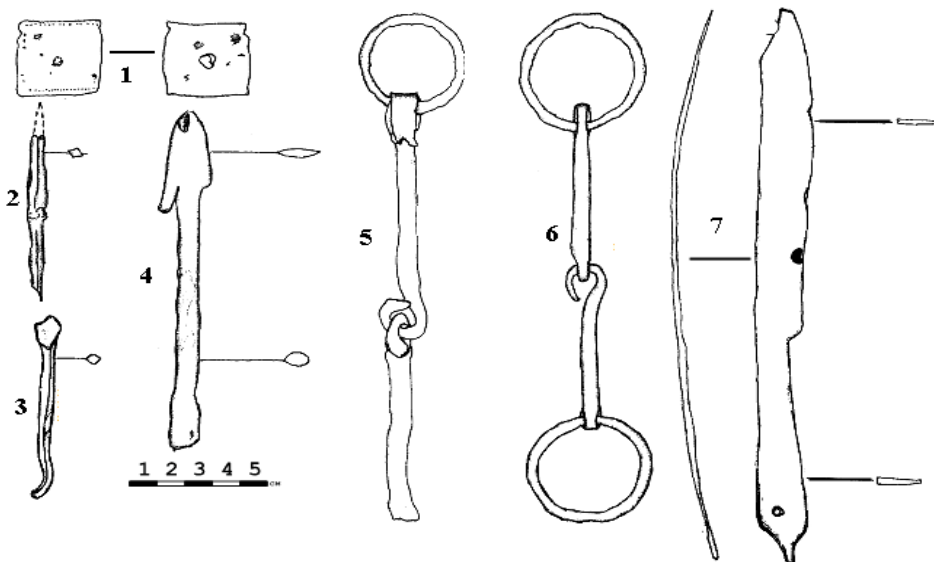
Р.Д. ГАЛЫНСКІ

(Магілёўскі дзяржаўны ўніверсітэт імя А.А. Куляшова)

Даследуецца комплекс прадметаў узбраення і рыштунку вершніка і баявога каня па матэрыялах раскопак 2007 – 2008 гадоў І.А. Марзалюка з гарадзішча Радамля Чавускага раёна Магілёўскай вобласці і мілітарый з экспазіцыі кабінета археалогіі МДУ імя А.А. Куляшова. Разглядаецца іх марфалогія, паходжанне і датыроўка. Выкананы аналіз прыналежнасці да пэўных сацыяльных груп, у карыстанні якіх яны маглі знаходзіцца. Артэфекты датуюцца даволі шырокім перыядам і закранаюць эпоху Перасялення народаў, часы Старажытнай Русі і Вялікага княства Літоўскага. Сродкі бою і кіравання канём маюць даволі шматлікія аналогіі і, адпаведна, шырока ўжываліся ў вайсковай справе жыхароў разглядаемага рэгіёна. Апісаныя мілітарыі даюць магчымасць уявіць мінімальны комплекс сродкаў узбраення ваяроў, які складаўся са зброі дальняга і бліжняга бою і выкарыстоўваўся рознымі сацыяльнымі групамі насельніцтва міжрэчча Верхняга Падняпроўя і Пасожжа.

Тэрыторыя Верхняга Падняпроўя і Пасожжа даволі багата на прадметы ўзбраення. На сённяшні дзень выяўлена шмат артэфектаў, звязаных з вайсковай справай, частка з іх была знойдзена падчас археалагічных даследаванняў. Іншыя артэфекты былі выпадкова знойдзены мясцовымі жыхарамі, але вялікая іх колькасць засталася па-за ўвагай даследчыкаў. Мэта гэтага артыкула – увесці ў навуковы ўжытак комплекс мілітарый з гарадзішча Радамля Чавускага раёна і калекцыі прадметаў узбраення эпохі Сярэднявечча з экспазіцыі кабінета археалогіі МДУ імя А.А. Куляшова.

Асноўная частка. Падчас археалагічных даследаванняў загадчыкам кафедры археалогіі і спецыяльных гістарычных дысцыплін МДУ імя А.А. Куляшова І.А. Марзалюка на гарадзішчы Радамля Чавускага р-на Магілёўскай вобласці ў 2007 – 2008 гадах быў выяўлены комплекс прадметаў узбраення і рыштунку баявога каня эпохі Сярэднявечча і ранняга Новага часу. Знаходкі зброі прадстаўлены чаранковым кінжалападобным наканечнікам стралы з перахватам, утулкавым, двухшпінным наканечнікам дроціка і баявым нажом. Конскі рыштунак у сваю чаргу прадстаўлены дзвума цэлымі парамі цугляў, абломкам грызла і фрагментам упрыгожвання конскай зброі (мал. 1). Сярод знаходак таксама прысутнічае нарыхтоўка кулі.

Мал. 1. Мілітарыі з гарадзішча Радамля:

- 1 – пласцінка ад конскай зброі (XVI ст.); 2 – бранябойны наканечнік стралы (XI – XII стст.); 3 – фрагмент цугляў;
4 – двухшпінны наканечнік дроціка (V – VII стст.); 5 – цуглі (XII – XIII стст.); 6 – цуглі (XVI ст.); 7 – нож (XVI ст.).

Чарашковы наканечнік стралы з перахватам (мал. 1: 2) квадратнага сячэння мае кінжалападобную форму і рамбавіднае сячэнне. Артэфект каразіраваны і мае выразныя прыкметы ўздзеяння агню. Агульная даўжыня выраба складае 6,8 см, даўжыня баявой часткі – 3 см, чаранка – 3,2 см, шырыня пяра стралы – 0,9 см. З-за моцнай каразіраванасці дакладныя першапачатковыя параметры зброі высветліць не ўдаецца. Дадзены тып наканечнікаў стрэл зыходзячы з марфалогіі і параметраў адносіцца да тыпу 97 варыянта 2

(па А.Ф. Мядзведзеву). Адпаведна згаданай тыпалогіі тып 97 быў шырока распаўсюджаны на тэрыторыі ўсёй Усходняй Еўропы з IX па XIV стагоддзе, пік бытавання прыпадае на XII – XIV стагоддзе. Варыянт 2 у сваю чаргу меў шырокае выкарыстанне ў XI – XII стагоддзях [11, с. 85]. Наканечнік з Радамльскага гарадзішча згодна з суправаджаючым археалагічным матэрыялам датуецца XI – XIII стагоддзямі. Аналогіі з тэрыторыі Беларусі выяўлены ў Мінску, Крычаве [17, с. 198].

Наканечнік дроціка (мал. 1: 4) адносіцца да тыпу ўтулкавых двушыпных. Штых дроціка скруглены, што ўказвае на частае яго выкарыстанне альбо на спецыфіку канструкцыі. Абодва шыпа пашкоджаны – адзін адсутнічае наогул, другі абламаны. Трэба адзначыць наяўнасць слаба выражанага рабра ўздоўж вастрыя. Утулка, на жаль, цалкам не захавалася – адсутнічае яе полая частка. На артэфакце прасочваюцца сляды тэрмічнага ўздзеяння, магчыма, з-за знаходжання ў пажары. Параметры зброі наступныя: даўжыня – 13,7 см, баявая частка складае 3,3 см, даўжыня захаваўшайся часткі шыпа 0,9 см, шырыня баявой часткі – 1,8 см, дыяметр утулкі прыблізна 1,2 см, шырыня паміж шыпамі не менш за 2,6 см. Улічваючы тое, што утулка ўяўляе сабой толькі цэльную частку без раструба, атрымліваецца, што яна захавалася недзе на дзве трэці ад магчымай агульнай даўжыні. Стратыграфічна гэтая мілітарыя датуецца V – VII стагоддзямі н. э. і мае аналогіі з Нікадзімаўскага гарадзішча 3-й чвэрці I тыс. н. э. Горацкага р-на Магілёўскай вобласці [14, с. 36; 15, с. 211, 217 – 218; 16, с. 12]. Трэба адзначыць, што двушыпныя коп'і, так званыя «гарпуны», на тэрыторыі Заходняй Еўропы знікаюць у VIII – IX стагоддзях, а на Усходзе Еўропы існуюць да XIII стагоддзя ў якасці паляўнічай зброі [4, с. 17]. Пік бытавання гэтых наканечнікаў ва Усходняй і Цэнтральнай Еўропе прыпадае на перыяд з III – II стагоддзяў да н. э. па III – IV стагоддзі н. э.

Згодна назіранням літоўскага даследчыка В. Казакавічуса, наканечнікі гэтага тыпу (тып VII па В. Казакавічусу) выкарыстоўваліся носьбітамі культуры штрыхаванай керамікі і з першай паловы I тысячагоддзя н. э. прадстаўнікамі пшэворскай культуры. Славянскія плямёны на працягу VII – VIII стагоддзяў выкарыстоўвалі іх як асноўны від кідалных коп'яў [5, с. 56].

Нож (мал. 1: 7) стратыграфічна датуецца другой паловай XVI стагоддзя. Зыходзячы з марфалогіі і памераў нажа яго можна аднесці да так званых засапожных баявых нажоў. Агульная даўжыня складае 22,2 см, клінок складае 12,3 см, шырыня ляза – 2 см, шырыня рукаці складае 1,8 см, таўшчыня ляза – 0,3 см. Выраблены нож з цэльнай жалезнай паласы мае адно лязо, на штыху прысутнічае абушны скос і закругленая рэжучая кромка. Тарцавая частка рукаці мае шыпападобны выступ даўжынёй 1,1 см. На рукаці прасочваюцца адтуліны пад штыфты для тронак, адна з іх скразная, дзве заіржавелі, але павінна прысутнічаць і чацвёртая – пасярэдзіне (магчыма, пад напластаннем іржы). Лязо мае сляды спрацаванасці і знаходжання ў агню. Трэба падкрэсліць пашыранасць дзвюх ніжніх трацей ляза адносна верхняй. Гэта дае дадатковыя падставы для сцвярджэння аб прыналежнасці гэтага нажа не да гаспадарчых, а да паляўнічых ці баявых спраў. Рукаць таксама паступова пашыраецца адносна тарца. Падобныя пашырэнні ляза і рукаці характэрны для сучасных паляўнічых і некаторых баявых нажоў. Аналогіі паходзяць з Масквы (раскопкі ў Іпацьёўскім правулку) і датуецца трэцяй чвэрцю XVI стагоддзя, аналогіі адносна марфалогіі ляза паходзяць з Менска [6, табл. VI; 4, с. 71 – 72]. Знойдзены нож паходзіць са слоя апошняй падсыпкі вала, якая была зроблена пасля Лівонскай вайны 1558 – 1582 гадоў, у ходзе падзей якой Радамльскі замак быў спалены.

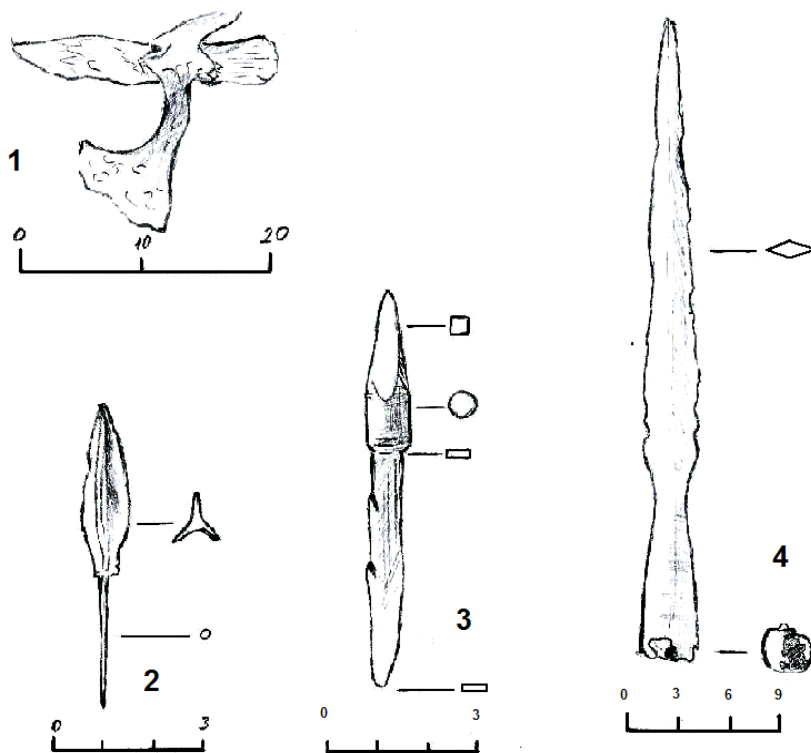
Цуглі прадстаўлены дзвюма двусастанымі экзэмплярамі і адным фрагментам грызла. Яны стратыграфічна датуецца XII – XIII (мал. 1: 5) і XVI стагоддзямі (мал. 1: 6). Поўныя цуглі стратыграфічна датуецца сярэдняй XVI стагоддзя, цуглі без кальца датуецца XII – XIII стагоддзямі, фрагмент грызла паходзіць са слоя пажарышча Лівонскай вайны. Згодна назіранням А.М. Кірпічнікава, па параметрам павадных калец можна вызначыць памер коней і іх нораў – «уділа с крупными кольцами употреблялись, очевидно, для слабоуздых, т.е. *слишком* чувствительных, лошадей, с малыми – для тугоуздых, т.е. *мало-чувствительных*» [8, с. 16 – 17]. Але з гэтым нельга пагадзіцца. Згодна этнаграфічным назіранням бачна, што чым меншае кола, тым больш спакойная жывёла. Памер грызлаў у сваю чаргу гаворыць аб памерах жывёліны – чым даўжэйшыя грызлы, тым буйнейшыя па памерах конь.

Што тычыцца пласцінкі ад конскай зброі (мал. 1: 1), то трэба адзначыць, што яна мае квадратную форму з крыху скошанымі бакамі і захаваўшыся крапёжны шып. Артэфакт стратыграфічна датуецца XVI стагоддзем. Пласцінка выпуклая і на ёй прысутнічае чаканны ўзор у выглядзе касога крыжа і квадрата па перыметры самой пласцінкі, верагодна, у гэтых паглыбленнях былі шляхетныя металы. Падобныя пласцінкі прысутнічаюць на аброці з Гнёздаўскіх курганоў, хаця стратыграфічна артэфакт датуецца больш познім перыядам [8, табл. VII]. Памер гэтай пласцінкі 3 × 2,9 см, што ўказвае на месца яе мацавання – уздоўж ілба каня. Гэта быў найбольш шырокі рамень з усёй аброці, які праходзіў па самай прыкметнай часткі жывёлы. Менавіта таму на ёй змяшчаліся найбуйнейшыя пласцінкі. Падобныя тыпы аброцяў можна заўважыць і цяпер у сельскай мясцовасці. Але нельга адмаўляць і магчымасць прыналежнасці пласцінкі да рыцарскага паянога набору XV – XVI стагоддзяў.

Сярод прадметаў узбраення прысутнічае нарыхтоўка кулі, хучэй за ўсё алавяна-свінцовай. Дыяметр складае 1,6 см, літнік – 0,5 см у даўжыню і 0,9 см у дыяметры. Стратыграфічна куля датуецца XVI стагоддзем. Наяўнасць у Радамлі пэўнай колькасці агнястрэльнай зброі (гакаўніц і ручніц) пацвярджаюць і пісьмовыя крыніцы [1, с. 200]. Урэшце, паводле комплексу ўзбраення бачна, што ваенны кантынгент на

гарадзішчы Радамля знаходзіўся на працягу яго існавання – з V – VII па XVI стагоддзе. Прычым прысутнасць цугляў і пласцінкі ад конскай аброці ўказваюць на прысутнасць тут знатных воінаў. Калі цуглі гавораць аб камбатантах, сацыяльны статус якіх вагаецца ад коннага стральца да цяжкаўзброенага вершніка, то пласцінка з чаканкай – паказчык прысутнасці цяжкаўзброенага ратніка альбо рыцара. Нельга выключыць верагоднасць паходжання часткі мілітарый з Масквы: нож, наканечнік стралы і тая ж самая пласцінка ад конскай аброці маглі быць выпадкова страчаныя падчас штурму замка ў перыяд Лівонскай вайны. Наяўнасць добра ўзброеных ваяроў у Радамлі было выклікана практычнай неабходнасцю – пагранічнае становішча замка.

Што тычыцца сродкаў боя з экспазіцыі кабінета археалогіі МДУ імя А.А. Куляшова, то яны прадстаўлены наступнымі артэфектамі: двума наканечнікамі стрэл (адзін арбалетны болт), наканечнікам кап'я і сякерай (мал. 2).

Мал. 2. Мілітарыі з МДУ імя А.А. Куляшова:

- 1 – сякера тыпу IV (па А.М. Кірэчнікаву) (XI ст.); 2 – трохлопасны наканечнік стралы (V – VIII стст.); 3 – арбалетны болт (XII – XIII стст.); 4 – наканечнік кап'я (XIII ст.)

Наканечнікі стрэл з'яўляюцца чарашковымі, адно з іх – трохлопаснае, а другое прадстаўлена чарашковым арбалетным балтам.

Выкарыстанне стрэл з трохлопаснымі наканечнікамі ў нашым рэгіёне было выклікана кантактамі з народамі Вялікага стэпу. Яны былі знаёмы яшчэ скіфам у I тысячагоддзі да н. э., але разглядаемы артэфект датуецца VII – X стагоддзямі н. э. Наканечнік (мал. 2: 2) з экспазіцыі кабінета археалогіі МДУ імя А.А. Куляшова можна аднесці да тыпу 15 падтыпу 1 (рамбавідны) па класіфікацыі А.Ф. Мядзведзева. Але трэба адзначыць, што толькі марфалогія паказвае на тое, што гэта тып 15, памеры ж у сваю чаргу не даюць магчымасць з упэўненасцю сцвярджаць аб прыналежнасці мілітарыі менавіта да гэтага тыпу. Па памерах наканцоўе можна аднесці да тыпу 13, такія наканечнікі характарызуюцца як трохкутныя наканечнікі з плечукамі. Тып 15 у сваю чаргу кілевідны трохлопасны, з плечукамі, але ён можа быць і ромбападобным. Трэба таксама мець на ўвазе тое, што наканечнікі такой марфалагічнай канструкцыі шырока ўжываліся гуанамі, а на тэрыторыі Старажытнай Русі перасталі выкарыстоўвацца ў XIII стагоддзі [12, с. 58 – 59; 11, с. 15 – 17]. Бліжэйшыя аналогіі на тэрыторыі Беларусі былі выяўлены на Нікадзімаўскім гарадзішчы III чвэрці I тысячагоддзя н.э., размешчанага на тэрыторыі Горацкага р-на Магілёўскай вобласці [14, с. 36]. Гэты артэфект быў выяўлены падчас археалагічных раскопак на стаянцы каменнага веку магілёўскім археолагам В.Ф. Капыціным на помніку Горкі Чэрыкаўскага раёна ў 1980 годзе.

Другі наканечнік з'яўляецца выцягнутым, пірамідальным, квадратнага сячэння, з круглай шыйкай арбалетным балтам (мал. 2: 3) тыпу 13 па тыпалогіі А.Ф. Мядзведзева. Ён датуецца XII – сярэдзінай XIII стагоддзя. Гэтая мілітарыя мае сляды сучаснага механічнага ўздзеяння – злёгка раскляпаны чарашок, сляды ціскоў на шыйкі і завусенцы на пляскатасцях чарашка. Па гэтай прычыне наканечнік і не супадае з па-

мерах, уласцівымі гэтаму тыпу паводле А.Ф. Мядзведзева: даўжыня – 79 мм, замест 90 – 130 мм і даўжыня баявой галоўкі – 21 мм, замест 55 – 75 мм. Абапіраючыся на датыроўку можна сцвярджаць, што гэта быў адзін з першых арбалетаў (самастрэлаў) у нашым рэгіёне. Аналагічныя балты былі выяўлены на Княжай гары (Украіна) і ў Ізяслаўлі (Украіна). Як вядома, абодва гарадзішчы былі знішчаны падчас мангола-татарскай навалы, не пазней за 1240 год [12, с. 95]. Трэба адзначыць, што дадзеная мілітарыя хутчэй за ўсё адносіцца да старажытнарускіх арбалетаў, а не да ўзбраення войска ВКЛ. Шырокае выкарыстанне арбалета звязваюць з неабходнасцю барацьбы з цяжкаўзброенымі ворагамі [2, с. 40 – 41].

Акрамя кідальнай зброі ў экспазіцыі прысутнічаюць прадметы ўзбраення бліжняга бою – наканечнік кап'я і сякера. Наканечнік кап'я ўтулкавы, мае падоўжана-трохкутную форму, рабінчнага сячэння вастрыё і варонкападобную ўтулку (мал. 2: 4). Яго можна аднесці да тыпу ПБ па класіфікацыі А.М. Кірпічнікава. Агульная даўжыня складае 37,3 см, шырыня плечукоў – 3 см, даўжыня ўтулкі – 11 см, а яе дыяметр – 3,5 см. Нажаль, дакладна апошнія дзве лічбы высветліць не падаецца магчымым па прычыне моцнай каразіраванасці аснавання ўтулкі і яе дэфармаванасці. На самой утулцы прасочваецца «ўкіпеўшы» крапёжны цвік і адтуліна на супрацьлеглым баку ўтулкі. Увогуле коп'і тыпу П з'яўляюцца ўніверсальнымі і выкарыстоўваліся ў якасці баявой і паляўнічай зброі. Але даследчык мае сумненні наконт прыналежнасці гэтай мілітарыі да тыпу ПБ, можа адносіцца і да тыпу V па А.М. Кірпічнікаву. Сумненні выкліканы з-за дэфармаванай утулкі – пры шырокай утулцы гэта кап'ё будзе з'яўляцца пікай. Піка – вынаходніцтва качэўнікаў і ў Еўропу была занесена гунамі яшчэ ў V стагоддзі. Найстаражытнейшыя пікі з тэрыторыі Русі датуюцца VIII – IX стагоддзямі, але найбольшае распаўсюджанне гэта зброя набывае ў XII – XIII стагоддзях з выхадам у баі на першы план конніцы. Цікава тое, што на тэрыторыі Заходняй Еўропы піка пранікае толькі ў XII – XIII стагоддзях [7, с. 12 – 13, 15 – 17]. Адною з бліжэйшых аналогій з'яўляецца знаходка кап'я на Вішчынскім гарадзішчы Рагачоўскага р-на Гомельскай вобласці, гарадзішча было знішчана ў сярэдзіне XIII стагоддзя [3, с. 115 – 116]. Пры параўнанні марфалогіі абедзвюх мілітарыяў можна з большай упэўненасцю казаць аб прыналежнасці магілёўскай мілітарыі (дакладнае паходжанне не высветлена) да тыпу ПБ.

Сякера (мал. 2: 1), якая захоўваецца ў экспазіцыі ў МДУ ім. А.А. Куляшова адносіцца да тыпу IV па класіфікацыі А.М. Кірпічнікава альбо да варыянта 12 тыпу III па класіфікацыі Г.В. Ласкавага. Да туюцца мілітарыя згодна згаданых тыпалогій XI стагоддзя і адносіцца да так званых «камбінаваных» сякер [7, с. 36 – 37; 10, с. 31]. У правушыне захаваўся даволі значны кавалак дрэва – тапарышча, іншыя арганічныя астаткі (скураная пракладка для больш надзейнай фіксацыі сякеры на тапарышчы) не прасочваюцца. Лязо моцна каразіравана і мае сляды спрацаванасці. На вялікай колькасці сякер тыпу III і IV на лязе прысутнічае адтуліна для крапёжнага рамяня, з дапамогай якога сякеру насілі за спіной ці пры сядле. Нажаль, на нашым экзэмпляры гэтую адтуліну прасачыць немагчыма. Правушная частка дэфармавана – прысутнічаюць толькі вонкавая абуховая касіца і правыя шчакавіцы, унутраная касіца абламана, а па моцнаспрахнелым шчакавіцам з левага боку прасочваецца трэшчына; на ўнутраным баку бародкі прысутнічае акруглы бугорчык. Падобная з'ява характэрна для даволі вялікай колькасці сякер тыпу IV. Ёсць яна і на больш позніх мілітарыях. Гэты бугор, хутчэй за ўсё, трэба звязваць са спецыфікай вырабу самой сякеры – наварка стальнага ляза на мяккую аснову з некалёнага жалеза. Падобная сістэма вырабу колюча-сякучых прылад працы і зброі была шырока распаўсюджана і выкарыстоўваецца да нашых дзён. Але падобны бугор можа быць элементам спецыфікай канструкцыі прадмета ўзбраення (вырашэнне гэтага пытання патрабуе больш падрабязнага вывучэння). Трэба адзначыць, што тып IV самы шырока распаўсюджаны тып старажытнарускіх сякер на абшары Старажытнай Русі, у тым ліку і на тэрыторыі Беларусі, дзе ён складае 46,87 % ад агульнай колькасці знаходак з яе тэрыторыі [13, с. 45]. Апісаны артэфакт быў выяўлены ля Палыкавіцкай крыніцы, дзе быў выпадкова знойдзены А. Белавусавым – царкоўным старастай палыкавіцкага прыхода ў маі – ліпені 2009 года. Ён перадаў мілітарыю дацэнту кафедры археалогіі МДУ ім. А.А. Куляшова А.Р. Агееву, які затым перадаў яе ў археалагічную лабараторыю ўніверсітэта. Месца знаходкі было абследавана загадчыкам кафедры археалогіі МДУ ім. А.А. Куляшова І.А. Марзалюком на наяўнасць спадарожнага матэрыялу, але безвынікова.

Трэба адзначыць, што ўвесь комплекс прадметаў узбраення нельга аднесці да сродкаў боя заможных ваяроў. Коп'і (па археалагічных дадзеных) былі самай масавай зброяй, канешне, пасля наканечнікаў стрэл. Абудва віда зброі былі поліфункцыянальнымі – выконвалі ролю як баявога, так і паляўнічага прызначэння. Трэба дадаць, што гэтым відам зброі маглі быць узброены як сапраўдныя ваяры-дзуржыннікі, так і звычайныя апалчэнцы. Што тычыцца арбалетнага балта, то неабходна адзначыць, што самастрэламі ў XIII стагоддзі былі ўзброены стральцы – ваяры, якія адносіліся да малодшай дружыны [9, с. 54]. Сякера тыпу IV, як адзначалася вышэй, адносіцца да поліфункцыянальных сякер – яна магла выкарыстоўвацца і як зброя і як прылада працы. Па гэтай прычыне гэты артэфакт з'яўляецца, на думку аўтара, адным з самых дэмакратычных з усіх прыведзеных сродкаў бою і стаіць на адным узроўні з нажом. Абудва прадметы выступалі ў вельмі значнай ролі ў любой гаспадарцы таго часу і былі неабходнымі падчас вайсковай выправы, калі не ў якасці зброі, дык у якасці прылады працы. Але наяўнасць на гарадзішчы Радамля прадметаў конскага рыштунку ўказвае на прысутнасць там кантынгентна са старэйшай дружыны і з прадстаўнікоў рыцарства, альбо заможных ваяроў.

Заклучэнне. Апісанья мілітарыі даюць магчымасць уявіць мінімальны комплекс сродкаў узбраення ваяроў на тэрыторыі сучаснай Магілёўскай вобласці на працягу з V – VII па XV – XVI стагоддзі. Гэты комплекс сродкаў у сваю чаргу складаўся са зброі дальняга і бліжняга бою і выкарыстоўваўся рознымі сацыяльнымі групамі насельніцтва міжрэчча Верхняга Падняпроў'я і Пасожжа.

ЛІТАРАТУРА

1. Бохан, Ю.М. Узбраенне войска ВКЛ другой паловы XIV – канца XVI ст. / Ю.М. Бохан. – Мінск: Экаперспектыва, 2002. – 336 с.
2. Бохан, Ю.М. Арбалет / Ю.М. Бохан, М.А. Плавінскі // *Археалогія Беларусі: энцыкл.: у 2 т. Т. 1: А – К / рэдкал.: Т.У. Бялова (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Беларус. Энцыкл. імя П. Броўкі, 2009. – 496 с.*
3. Загорульскі, Э.М. Вишинский замок XII – XIII вв. / Э.М. Загорульскі. – Мінск, 2004. – 159 с.
4. Заяц, Ю.А. Оборонительные сооружения Менска XI – XIII вв. / Ю.А. Заяц. – Мінск: Изд. В.Н. Милютин, 1996. – 80 с.
5. Казакавичюс, В. Оружие балтских племен II – VIII вв. на территории Литвы / В. Казакавичюс; под ред. А. Таугавичюса; АН ЛитССР. Ин-т истории. – Вильнюс: Мокслас, 1988. – 160 с.
6. Кирпичников, А.Н. Военное дело на Руси в XIII – XV вв. / А.Н. Кирпичников. – Л., 1976.
7. Кирпичников, А.Н. Древнерусское оружие / А.Н. Кирпичников. – Л., 1966. – Вып. 2: Копья, сулицы, боевые топоры, булавы, кистени IX – XIII вв.
8. Кирпичников, А.Н. снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX – XIII вв. / А.Н. Кирпичников. – Л., 1973.
9. Ласкавы, Г.В. Узбраенне воінаў XII – XIII стст. з феадальных сядзіб-замкаў паўночнага захаду Палацкай зямлі (па матэрыялах раскопак гарадзішчаў Пруднікі і Маскавічы) / Г.В. Ласкавы // *Старонкі гісторыі Беларусі. – Мінск, 1992. – С. 47 – 57.*
10. Ласкавы, Г.В. К истории оружия Белорусского Подвинья в VI – XIII вв. / Г.В. Ласкавы // *Полоцкий летописец. – Полоцк, 1993. – № 1(2). – С. 19 – 38.*
11. Лухтан, А.Б. Война V в. в Литве / А.Б. Лухтан // *ГАЗ. – Мінск, 1997. – № 11. – С. 15 – 20.*
12. Медведев, А.Ф. Ручное метательное оружие (лук и стрелы, самострел) VIII – XIV вв. / А.Ф. Медведев // *Археология СССР. Свод археологических источников. Вып. Е1-36. – М.: Наука, 1966. – 184 с.*
13. Плавінскі, М.А. Фарміраванне і эвалюцыя комплексу зброі бліжняга бою і засцерагальнага ўзбраення X – XIII стст. на тэрыторыі Беларусі: дыс. ... канд. гіст. навук: 07.00.06 – археалогія / М.А. Плавінскі. – Мінск, 2010. – 161 л.
14. Седин, А.А. Никодимово – городище третьей четверти I тысячелетия н. э. в Восточной Беларуси / А.А. Седин // *Край-Крај: Дыялог на сумежжы культур; рэд. А. Агееў і Я. Іваноў; Магілёўская даўніна (спец. вып. № 8), МТ «Брама». – Магілёў: Магілёўская абласная друкарня, 2000. – С. 31 – 43.*
15. Седин, А.А. Общественные отношения и идеология населения Восточной Беларуси в V – VII вв. н. э. / А.А. Седин // *Проблемы археологии и древней истории Верхнего Поднепровья и соседних территорий: междунар. науч. конф. (30 янв. – 1 февр. 2002 г.): докл. и сообщ. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2002. – 300 с.*
16. Седин, А.А. Оружие из городища Никодимово / А.А. Седин // *V абласныя Магілёўскія краязнаўчыя чытанні (28 каст. 1993 г.); Магілёўскі абласны краязнаўчы музей. – Магілёў, 1994. – С. 7 – 16.*
17. Ткачоў, М.А. Зброя і рыштунак верхніка з раскопак Крычава / М.А. Ткачоў, А.А. Мяцельскі // *ГАЗ. – Мінск, 1994. – № 4. – С. 187 – 200.*

Паступіў 11.06.2011

THE COMPLEX OF OBJECTS OF BATTLE HORSE'S EQUIPPING AND HORSEMAN'S ARMAMENT FROM THE TERRITORY UPPER COUNTRY BETWEEN TWO RIVERS DNEPER AND SOG

R. GALYNSKI

The complex of objects of battle horse's equipping and horseman's armament from the territory upper country between two rivers Dnieper and Sog is arrow-head, spear, axe, knife, horse harness and bit. One part of this objects was discovered by archaeologists, the other one by inhabitants of this territory. This artefacts are represented by arrow-head of the bow of V – VIII and XI – XIII cent., arbalest-arrow of XIII cent., the spear-head of V – VIII and XII – XIII cent., the axe of XI cent., the knife of XVI cent., the bit by XII – XIII and XVI cent. and the part of a horsiness of XVI cent. Warriors of different people and social groups such as peasants, citizens (members of people's volunteer corps) and notable warriors was armed with this weapon. The complex of armament gives us a possibility to reconstruct set of weapon of this region from V – VIII to XVI century.

УДК 726.82+351.853/04/4/(476)

**ПАХАВАЛЬНЫЯ ПМНІКІ БЕЛАРУСКАГА ПАДЗВІННЯ XIV – XVIII СТАГОДДЗЯЎ
ВЫЗНАЧЭННЕ, СТРУКТУРА І КЛАСІФІКАЦЫЯ****В.У. ЧАРАЎКО***(Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт)*

Разгледжаны тэарэтычныя падыходы да вызначэння паняцця пахавальнага помніка як катэгорыі археалагічнай навукі. Разгледжаны пытанні структуры пахавальнага помніка ў дачыненні да Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў. Пад пахавальнымі помнікамі XIV – XVIII стагоддзяў разумеюцца як асобныя пахаванні і пахавальныя комплексы, так і могілкі, што адносяцца да перыяду XIV – XVIII стагоддзяў. Вылучэнне групы пахавальных помнікаў са знешнімі прыкметамі пахаванняў XIV – XVIII стагоддзяў дазволіла пашырыць кола даследуемых аб'ектаў і прасачыць асаблівасці іх тэрытарыяльнага размяшчэння. Дана класіфікацыя пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў у залежнасці ад намагальнага збудавання, наяўнасці калібраванай пабудовы ў структуры (метаструктуры) пахавальнага помніка, асаблівасцяў пахавальнага інвентару.

Пахаванні – адзін з двух асноўных відаў археалагічных помнікаў (другім з'яўляюцца паселішчы). Сістэматычныя раскопкі пахаванняў у Заходняй Еўропе і ЗША пачаліся ў канцы XVIII – пачатку XIX стагоддзя [1, с. 6]. Да канца XVIII стагоддзя адносяцца і звесткі аб першых аматарскіх раскопках пахавальнага помніка на Беларускім Падзвінні [2, с. 16]. Адкрыццё вялікай колькасці пахаванняў на працягу XIX – XX стагоддзяў дазволіла перайсці да асэнсавання атрыманых даных. Адбывалася выяўленне агульных структурных элементаў, вылучаліся формы і тыпы пахаванняў, ствараўся адмысловы катэгорыяльны апарат, распрацоўваліся канцэптуальныя падыходы да аналізу пахаванняў. Інтэрпрэтацыя даных, якія былі атрыманы пры вывучэнні пахаванняў, ажыццяўлялася для атрымання інфармацыі аб рэлігійных уяўленнях людзей мінулага, сацыяльнай структуры грамадства, аб лакальных асаблівасцях у межах этнакультурных груп і зменах, якія адбываліся ў іх з часам [1, с. 6].

Пахавальныя помнікі розных гістарычных перыядаў даследаваны ў неаднолькавай ступені. Увага спецыялістаў у асноўным скіроўвалася на вывучэнне тых пахавальных помнікаў, якія былі добра заўважаны на паверхні зямлі, бо маркіраваліся адмысловай канструкцыяй – курганамі [1, с. 6]. Прыярытэт аддаваўся даследаванню пахаванняў больш ранніх, чым тыя, якія адносяцца да XIV і тым больш да XVIII стагоддзя. Гарадскія пахаванні вывучаны лепш. Вывучэнне сельскіх пахаванняў XIV – XVIII стагоддзяў да апошняга часу было пераважна вынікам выпадковага выяўлення, а самі яны не з'яўляліся прадметам спецыяльнага даследавання. Таму пахаванні Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў – адносна маладаследаваная катэгорыя археалагічных помнікаў Беларусі. Выніковасць іх вывучэння ў немалой ступені залежыць ад вызначэння паняцця «пахавальны помнік», звязаных з ім дэфініцый («пахаванне», «магіла», «пахавальны комплекс», «могільнік») і дакладнага іх выкарыстання; вызначэння структуры пахавальнага помніка; класіфікацыі пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стст.

Паняцце пахавальнага помніка. Паняцце «пахавальны помнік» утворана па аналогіі з тэрмінам «археалагічны помнік». Тэрмін гэты новы. Ён адсутнічае ў археалагічных слоўніках У. Брэя і Д. Трампа [3] і Г. Мацюшына [4]. Няма яго і ў энцыклапедыі «Археалогія і нумізматэка Беларусі» [5]. Дэфініцыя «пахавальны помнік» з'яўляецца ў найноўшым акадэмічным выданні «Археалогія Беларусі», дзе вызначаецца як могільнік – сукупнасць пахавальных комплексаў [6, с. 177]. Разам з тым маецца вызначэнне пахавальнага помніка, якое прапанаваў расійскі археолаг В.С. Альхоўскі. На яго думку, не толькі могільнікі (пахавальныя групы), але і пахавальныя комплексы, і пахаванні з'яўляюцца пахавальнымі помнікамі, якія кумулятыўна падзяляюцца на тры згаданыя структурныя ўзроўні [7, с. 90]. Інакш кажучы, пахавальны помнік мусіць разглядацца як складаная сістэма, якая можа ўключаць пахавальныя помнікі больш нізкага структурнага ўзроўню.

Вызначэнне пахавальнага помніка В.С. Альхоўскім стала вынікам спецыяльнага тэарэтычна-метадалагічнага даследавання, таму вартае ўвагі. Акрамя таго, у выпадку прыняцця першага вызначэння пахавальнага помніка, мы сутыкнемся з цяжкавырашальнымі праблемамі. Па-першае, калі пахавальны помнік – гэта выключна могільнік, то пахавальны помнік XIV – XVIII стагоддзяў – гэта выключна могільнік, створаны ў XIV – XVIII стагоддзях. Між тым могілкі могуць утрымліваць розначасовыя пахаванні, у тым ліку і тыя, якія не адносяцца да XIV – XVIII стагоддзяў. У прыватнасці, наяўнасць на могілках з пахаваннямі XIV – XVIII стагоддзяў курганоў – досыць частая для Беларускага Падзвіння з'ява. Па-другое, спецыфіка могільніка ў тым, што ён утвараецца дастаткова аўтаномнымі адзін ад аднаго пахавальнымі комплексамі. Ускрыццё аднаго нечым адметнага пахавання часам дае больш інфармацыі, чым даследаванне некалькіх дзясяткаў суседніх з ім магіл, і істотна карэктуюе нашы ўяўленні. Практычна

ніводны могільнік Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў не даследаваны цалкам. Калі мы пры-
 мем першае вызначэнне пахавальнага помніка, то сутыкнемся з адсутнасцю даследаваных пахавальных
 помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў. Улічваючы пазначаныя акалічнасці, мы будзем
 зыходзіць з другога вызначэння, у адпаведнасці з якім да пахавальных помнікаў адносяцца пахаванні,
 пахавальныя комплексы і пахавальныя групы.

Структура пахавальнага помніка. Паняцці пахавальнага комплексу і пахавальнага помніка прый-
 шлі ў айчынную археалагічную навуку з расійскай археалогіі. У 1976 годзе Н.Б. Ляонавай і Ю.А. Смір-
 новым была прапанавана схема фармалізаванага апісання пахавання. Пахаванне вызначалася як паха-
 вальны комплекс (магіла), які складаецца з наступных элементаў: пахавальнага збудавання, астанкаў
 памерлага і пахавальнага інвентару. Пахавальнае збудаванне – гэта тая кампаненты пахавальнага комп-
 лексу, якія характарызуюць замкнёную прастору, прызначаную для змяшчэння памерлага. Пахавальны
 інвентар не з’яўляецца абавязковым элементам, таму пахавальны комплекс ствараецца двума першымі
 элементамі [8, с. 19 – 20].

У 1990 годзе Ю.А. Смірновым была прадстаўлена шматузроўневая мадэль марфалогіі пахавання.
 Пахавальны комплекс вызначаўся ўжо як сістэма з чатырох узаемазвязаных і ўзаемазалежных скла-
 даючых элементаў: пахавальнага збудавання, астанкаў памерлага, пахавальнага інвентару і «дадатковай
 структуры». Першыя два элементы з’яўляюцца абавязковымі. Пахавальны інвентар і дадатковая струк-
 тура сустракаюцца не заўсёды. На думку Ю.А. Смірнова, любое пахавальнае збудаванне з’яўляецца спа-
 лучэннем двух пачатковых архетыпаў – «ямь» і «насыпа» (паглыблення і ўзвышэння). Даследчык прапа-
 наваў дыферэнцыраваць паняцце «дадатковай структуры», вылучыўшы наступныя дадатковыя структуры:
 суправаджальную (знаходзіцца ў межах магілы, але не ўтварае канструктыўнага элемента пахавальнага
 збудавання; напрыклад, вогнішча), спадарожную (знаходзіцца па-за межамі магілы, але ў межах паха-
 вальнага збудавання; напрыклад, храм-пахавальня), сумежную (знаходзіцца па-за межамі пахавальнага
 збудавання; напрыклад, дарога да пахавання) і датычную (знаходзіцца па-за межамі пахавальнага комп-
 лексу) [9, с. 218, 223 – 224].

Важкі ўнёсак у распрацоўку катэгорыяльнага апарата, прызначанага для аналізу пахаванняў, зрабіў
 В.С. Альхоўскі. У 1986 годзе ён прапанаваў трохузроўневую схему пахавальнага помніка. Пахавальнае збу-
 даванне, астанкі пахаванага і пахавальны інвентар вылучаны ім у якасці складаючых элементаў такога
 віду пахавальнага помніка, як пахаванне. Пахаванне разам з намагільнымі, падкурگانнымі, пазакурған-
 нымі збудаваннямі і рэшткамі рытуальных дзеянняў утвараюць такі від пахавальных помнікаў, як паха-
 вальны комплекс. Пахавальныя комплексы і тое, што Ю.А. Сміроў вызначае як сумежныя і датычныя
 дадатковыя структуры, складаюць метаструктуру пахавальнага комплексу, які з’яўляецца трэцім відам
 пахавальных помнікаў [10, с. 70 – 71]. Як адзначыў В.С. Альхоўскі, яго схема не супярэчыць схеме
 Ю.А. Смірнова, а ўдакладняе яе. У прыватнасці, паводле В.С. Альхоўскага, намагільнае збудаванне варта
 разглядаць асобна ад уласна пахавальнага. Суадносіны ўласнай схемы пахавальнага помніка і мадэлі
 Ю.М. Смірнова В.С. Альхоўскі праілюстравалі ў табліцы [7, с. 88 – 90].

Структура пахавальнага помніка паводле В.С. Альхоўскага і Ю.А. Смірнова

Групы элементаў	Паводле В.С. Альхоўскага	Паводле Ю.А. Смірнова
I	Пахавальнае збудаванне	Пахавальнае збудаванне + дадатковая суправаджальная структура + (дадатковая спадарожная структура)
II	Астанкі пахаванага	Астанкі пахаванага
III	Пахавальны інвентар	Пахавальны інвентар
IV	Намагільнае збудаванне і рэшткі рытуальных дзеянняў	(Дадатковая спадарожная структура)
V	Падкурғаннае збудаванне і рэшткі рытуальных дзеянняў	Дадатковая сумежная структура
VI	Па-за курғаннае збудаванне і рэшткі рытуальных дзеянняў	
VII	Метаструктура пахавальнага комплексу	Дадатковая датычная структура

Пад пахавальнымі помнікамі Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў трэба разумець паха-
 ванні, пахавальныя комплексы, што ўтварыліся, і пахавальныя групы (могілкі), што функцыянавалі на тэ-
 рыторыі Беларускага Падзвіння ў XIV – XVIII стагоддзях. Пахавальныя групы ў якасці структурных
 элементаў уключаюць у свой склад пахавальныя комплексы, а пахавальныя комплексы – пахаванні. Та-
 кое паняцце пахавальнага помніка дазваляе сістэматызаваць і параўноваць інфармацыю як аб асобных
 даследаваных курганах або грунтовых магілах, так і аб іх групам – могільніках.

**Пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў і помнікі са знешнімі
 прыкметамі пахаванняў XIV – XVIII стагоддзяў.** Археалагічнымі раскопкам, археалагічным назі-
 раннем і археалагічнымі разведкамі з ускрыццём культурнага слоя выяўлена і даследавана каля 40 паха-
 вальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў – сорак пахавальных помнікаў на 5 ста-

годдзяў і на ўсё Беларускае Падзвінне. Несумненна, што колькасць могілак у XIV – XVIII стагоддзях была значна, на парадак, большай. Да таго ж палова з даследаваных помнікаў адносіцца да гарадскіх, сканцэнтраваных пераважна ў двух населеных пунктах – Полацку і Віцебску [11]. Пры гэтым у межах даследуемага перыяду як колькасць сельскіх населеных пунктаў, так і колькасць сельскага насельніцтва значна перавышалі колькасць гарадоў і гарадскога насельніцтва. З-за малой колькасці даследаваных сельскіх пахавальных помнікаў іх картаграфаванне не дае магчымасці выяўляць рэгіёны максімальнай канцэнтрацыі аб'ектаў і ажыццяўляць іншыя аперацыі візуальнага аналізу.

Аднак колькасць пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў можа быць пашырана за кошт аб'ектаў, якія маюць знешнія прыкметы пахаванняў разглядаемага перыяду. Прааналізаваўшы вынікі раскопак каменных могілнікаў на тэрыторыі Беларусі, А.В. Квяткоўская прыйшла да высновы, што форма і канструктыўныя асаблівасці каменнай намагільнай канструкцыі могуць дастаткова надзейна ўказваць на час, да якога адносіцца пахаванне. Напрыклад, каменная вымастка памерамі $2,8 - 3 \times 1 - 1,4 \times 0,2 - 0,35$ м без вялікіх камянёў у галавах і нагах пахавання можа быць датавана перыядам не пазней за пачатак XIII стагоддзя. Надмагіллі з камянём вышыней да 1 м у галавах, з выбітым на камяні крыжам або крыжападобным знакам датуюцца перыядам з сярэдзіны XVI да канца XVII стагоддзя і пазней [12, с. 161].

Не закранаючы пытання магчымасці вузкага датавання пахавальных помнікаў без раскопак, па намагільных канструкцыях (вопыт уласных шурфовак на могілніках каля вёсак Івесь і Доўгае Глыбоцкага і Бірулі Докшыцкага раёнаў сведчыць аб тым, што без зняцця дзёрну выяўленне намагільных канструкцый часта немагчыма), можна канстатаваць апраўданасць падыходу для выяўлення і вызначэння пахавальных помнікаў у межах храналагічнага дыяпазону XIV – XVIII стагоддзяў. Так, Л.В. Дучыц і В.М. Ляўко ў якасці маркераў пахаванняў XIV – XVIII стагоддзяў вылучаюць валунныя кладкі-вымасткі, каменныя абкладкі намагільнага насыпу па перыметры, вялікія валунныя камяні ў галавах або ў нагах пахавання, каменныя крыжы [13, с. 126, 136].

Безумоўна, варта ўлічваць, што дакладнае вызначэнне храналогіі пахаванняў магчыма толькі па выніках археалагічных раскопак, бо магілы з каменнымі крыжамі і абкладкамі могуць адносіцца і да XIX стагоддзя. Не выключана і «другаснае выкарыстанне» каменных крыжоў. Прымаючы да ўвагі, што на тэрыторыі Беларускага Падзвіння фіксуецца традыцыя працяглага выкарыстання могілнікаў і ў межах аднаго помніка часта сустракаюцца курганы і грунтовыя магілы з каменнымі вымасткамі, такое спалучэнне можна лічыць важкім аргументам на карысць выкарыстання могілніка ў XIV – XVIII стагоддзях і наяўнасці на ім пахаванняў гэтага перыяду.

Картаграфаванне пахавальных помнікаў XIV – XVIII стагоддзяў і пахавальных помнікаў са знешнімі прыкметамі пахаванняў XIV – XVIII стагоддзяў дазваляе выявіць асаблівасці іх размяшчэння. Пераважная большасць з іх лакалізавана на левабярэжжы Заходняй Дзвіны. Найбольшая шчыльнасць пахавальных комплексаў з каменнымі намагільнымі канструкцыямі назіраецца ў Глыбоцкім раёне, на паўднёвым захадзе Полацкага і ў Лепельскім раёнах. Канцэнтрацыя пахаванняў з каменнымі крыжамі назіраецца ў Глыбоцкім, паўднёвым захадзе Полацкага і ў Бешанковіцкім раёнах [11]. Калі разглядаць каменныя крыжы як маркер больш позніх (у межах XIV – XVIII стст.) пахавальных помнікаў, то супадзенне арэалаў распаўсюджвання пахаванняў з валуннымі намагільнымі канструкцыямі і з каменнымі крыжамі можна разглядаць як прыкмету пераемнасці ў традыцыі стварэння надмагілляў.

Пытанне класіфікацыі пахавальных помнікаў. Пытанне класіфікацыі пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў і вызначэння карэляцыі паміж таксонамі патрабуе асобнага разгляду, таму абмяжуемся самымі агульнымі момантамі, якія павінна ўлічваць такая класіфікацыя. Класіфікацыя можа быць праведзена на кожным узроўні пахавальнага помніка. На вышэйшым узроўні – узроўні пахавальнай групы – могілкі дзеляцца на сельскія і гарадскія (дакладней, могілкі ў гарадах, мястэчках і замках) [13, с. 129, 132, 135]. Паколькі ў пахавальную групу ўваходзяць не толькі пахавальныя комплексы, але і дадатковыя, звязаныя з могілкамі элементы, важным падаецца наяўнасць на могілках царквы, касцёла, капліцы – нейкай культавай пабудовы. Такім чынам, пахавальныя групы можна падзяліць на могілкі з культавымі пабудовамі ў метаструктуры пахавальнага помніка (або ў якасці дадатковай структуры) і могілкі без культавых пабудоў.

На ўзроўні пахавальнага комплексу вылучаюцца курганы і грунтовыя магілы, а таксама пахаванні ў культавых пабудовах. Грунтовыя магілы могуць быць без намагілляў або з каменнымі намагіллямі розных канструкцый (вымасткі, абкладкі разнастайных форм і памераў і г.д.). Асобна варта закрануць могілнікі, якія ўтвараюцца пахавальнымі комплексамі з рознатыповымі намагіллямі. Так, могілнікі, дзе маюцца земляныя і каменныя курганы, грунтовыя магілы з разнастайнымі каменнымі намагіллямі вызначаюцца як курганна-жальнічныя могілнікі [13, с. 125 – 126].

На ўзроўні пахаванняў плённым здаецца падзел паводле пахавальнага інвентару. Большасць пахаванняў XIV – XVIII стагоддзяў з'яўляюцца безынвентарнымі. Пахавальны інвентар мэтазгодна падзяліць на дзве групы. Да першай адносяцца дэталі вопраткі ў шырокім сэнсе (уключаючы ўласна адзенне, абутак,

галаўныя ўборы, дэталі касцюма), а таксама ювелірныя вырабы і прадметы – маркеры канфесійнай прыналежнасці. Наяўнасць у пахаваннях падобных рэчаў не супярэчыць нормам хрысціянскай рэлігіі. Да другой групы адносяцца манеты, асабістыя рэчы, посуд. Прысутнасць артэфектаў дадзенай групы будзе ўказваць на тое, што пахаванне зроблена не строга паводле хрысціянскіх канонаў.

Заклучэнне. Пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў уяўляюць пахаванні, пахавальныя комплексы, што ўтварыліся, і пахавальныя групы (могілкі), што функцыянавалі на тэрыторыі Беларускага Падзвіння ў XIV – XVIII стагоддзях. Пахавальны помнік уяўляе сабой трохузроўневую сістэму, што ў залежнасці ад узроўню можа ўключыць у свой склад пахавальныя помнікі ніжэйшых узроўняў у якасці структурных элементаў. Колькасць пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў, даследаваных з ускрыццём культурнага слоя, невялікая. Аднак кола пахавальных помнікаў можна пашырыць за кошт помнікаў са знешнімі прыкметамі пахаванняў XIV – XVIII стагоддзяў. Класіфікацыя пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў мусіць улічваць наяўнасць і форму намагільнага збудавання, наяўнасць культавай пабудовы ў структуры (метаструктуры) пахавальнага помніка і асаблівасці пахавальнага інвентару.

ЛІТАРАТУРА

1. Гуляев, В.И. Изучение погребального обряда в зарубежной археологии / В.И. Гуляев // Краткие сообщения института археологии РАН. – 2010. – Вып. 224. – С. 5 – 19.
2. Алексеев, Л.В. Археология и краеведение Беларуси: XVI в. – 30-е годы XX в. / Л.В. Алексеев; под ред. Б.А. Рыбакова. – Минск: Беларус. навука, 1996. – 206 с.
3. Брей, У. Археологический словарь / У. Брей, Д. Трамп. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.
4. Матюшин, Г.Н. Археологический словарь / Г.Н. Матюшин. – М.: Просвещение: учеб. лит., 1996. – 304 с.
5. Археалогія і нумізматыка Беларусі: Энцыкл. – Мінск: БелЭн, 1993. – 702 с.
6. Вайцяховіч, А.В. Пахавальны абрад / А.В. Вайцяховіч // Археалогія Беларусі: энцыклапедыя: у 2 т. – Мінск: БелЭн, 2011. – Т. 2: Л – Я. – С. 177 – 178.
7. Ольховский, В.С. Погребальная обрядность (содержание и структура) / В.С. Ольховский // Российская археология. – 1993. – № 1. – С. 78 – 93.
8. Леонова, Н.Б. Погребение как объект формального анализа / Н.Б. Леонова, Ю.А. Смирнов // Краткие сообщения института археологии. – 1977. – Вып. 148. – С. 16 – 23.
9. Смирнов, Ю.А. Морфология погребения (Опыт создания базовой модели) / Ю.А. Смирнов // Исследования в области балто-славянской духовной культуры. Погребальный обряд. – М.: Наука, 1990. – С. 216 – 224.
10. Ольховский, В.С. Погребально-поминальная обрядность в системе взаимосвязанных понятий / В.С. Ольховский // Советская археология. – 1986. – № 1. – С. 65 – 76.
11. Чараўко, В.У. Матэрыялы да карты пахавальных помнікаў Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў / В.У. Чараўко // Вестн. Полоц. гос. ун-та. Серия А. Гуманитарные науки. – 2010. – № 7. – С. 14 – 20.
12. Квятковская, А.В. Ятвяжские могильники Беларуси (конец XI – XVII вв.) / А.В. Квятковская. – Вильнюс: Diemedzio, 1998. – 327 с.
13. Археалогія Беларусі: у 4 т. / В.М. Ляўко [і інш.]; пад рэд. В.М. Ляўко [і інш.]. – Мінск: Беларус. навука, 1998 – 2001. – Т. 4: Помнікі XIV – XVIII стст. – 2001. – 597 с.

Паступіў 28.11.2011

THE FUNERAL MONUMENTS OF BELARUSSIAN DVINA REGION OF THE 14th – 18th CENTURIES: DEFINITION, STRUCTURE, CLASSIFICATION

V. CHEREVKO

The article considers theoretical approaches to the definition of a funeral monument as a category of archaeological science. It deals with the structure of the funeral monument in relation to Belarussian Dvina region of the 14th – 18th centuries. Under the funeral monument of Belarussian Dvina region of the 14th – 18th centuries we understand a burial, a funeral or cemetery complex, created on the territory of Belarussian Dvina region in the 14th – 18th centuries. The selection of the group of funeral monuments with external signs of burials of the 14th – 18th centuries allowed to expand the body of interest and trace the features of its spacial location. The classification of funeral monuments of Belarussian Dvina region is given depending on the presence of a grave mound, the existence of a worship place in the structure or metastructure of a funeral monument, the features of grave goods.

УДК 930.2(47+57):94(476)“13/17”

**САВЕЦКАЯ ГІСТАРЫЯ ГРАФІЯ ГАРАДСКОГА САМАКІРАВАННЯ БЕЛАРУСІ
Ў КАНЦЫ XIV – XVIII СТАГОДДЗЯ****канд. гіст. навук С.П. СТРЭНКОЎСКИ
(Мінскі дзяржаўны інстытут развіцця адукацыі)**

Аналізуюцца погляды савецкіх гісторыкаў міжваеннага і пасляваеннага перыядаў, у тым ліку дарэвалюцыйных, якія працягвалі даследаванні ў савецкі час, расійскіх і літоўскіх даследчыкаў на праблемы гарадскога самакіравання. Адзначана пераемнасць у даследаванні гэтай тэматыкі, працы гісторыкаў дарэвалюцыйнага перыядаў наклалі пачатак вывучэнню дадзенага пытання ў савецкі час. Ацэнка развіцця гарадоў у гэты час давалася з марксісцкіх пазіцый, што прывяло да недастатковай увагі да пытанняў самакіравання. Пры гэтым заслугай савецкіх гісторыкаў з’яўляецца адмаўленне адмоўнай ацэнкі магдэбургскага права ў гісторыі гарадоў Вялікага княства Літоўскага.

Гістарычная навука ў Беларусі атрымала новыя магчымасці для свайго развіцця пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі. Станаўленне БССР абудзіла цікавасць да больш ґрунтоўных пошукаў у галіне гістарычнага мінулага беларускага народа. Новыя метадалагічныя падыходы, звязаныя з усталяваннем улады бальшавікоў, выклікалі неабходнасць пераасэнсавання ранейшых даследаванняў. Вынікі апошніх знайшлі сваё адлюстраванне ў працах дарэвалюцыйных гісторыкаў М.К. Любаўскага і У.І. Пічэты, якія былі апублікаваныя пасля рэвалюцыі.

Так, М.К. Любаўскі ў кнізе “Асноўныя моманты гісторыі Беларусі” з папраўкай на новыя рэаліі жыцця ізноў паўтарыў свае думкі пра тое, што магдэбургскае права “адмежавала і адасобіла ад народнай масы гарадское насельніцтва, замкнула яго ў сябелюбівых пачуццях і імкненнях і адхіліла ад шырокай будоўлі народнага жыцця”. Гісторык адзначыў, што нямецкае права было дадзена буйным гарадскім цэнтрам, што некаторы час у Падняпроўскіх і Задзвінскіх валасцях існавала мяшчанска-сялянскае самакіраванне, якое захоўвала “рускую даўніну”. Як і ў дарэвалюцыйных працах, М.К. Любаўскі падкрэсліў паланізацыю мяшчанства буйных гарадоў, што прыводзіла да змены іх “рускага” характара на польскі [1, с. 18].

У сваіх кнігах “Гісторыя Літоўскай дзяржавы да Люблінскай уніі” і “Гісторыя беларускага народа” У.І. Пічэта прыводзіць паўторна свае погляды пра большыя праявы гарадскога жыцця ў заходніх раёнах ВКЛ, пра жаданне павелічэння гандлю і прамысловасці як падстаў, якімі кіраваўся ўрад, надаючы гарадам магдэбургскае права [2, с. 32, 146]. Асаблівы ўздым надання магдэбургскага права ў XVI стагоддзі гісторык звязваў з “выключным гандлёва-прамысловым уздымам” [2, с. 146]. Ва ўсходніх рэгіёнах Беларусі ў якасці такой прычыны ён прыводзіў іх пераход да “сельскагаспадарчай культуры” і ўцягванне іх у арбіту “заходнеўрапейскіх гандлёвых адносін” [2, с. 49]. Пры гэтым у “Гісторыі Літоўскай дзяржавы” У.І. Пічэта чамусьці не прыводзіў звесткі пра атрыманне магдэбургскага права Берасцем у 1390 годзе. Вучоны адзначаў, што магдэбургскае права прывяло да адасаблення гарадоў ад валасцей, што да канца XVI – пачатку XVII стагоддзя яно ахапіла ўсе “найбольш відныя гарадскія цэнтры”, вылучыўшы іх у асобныя адміністрацыйна-судовыя адзінкі [2, с. 49]. Распаўсюджанне нямецкага права адносіў ва ўсходніх абласцях ВКЛ да другой паловы XVI стагоддзя, да гэтага ж стагоддзя – у прыватных гарадах [2, с. 29, 32]. На чале гарадоў У.І. Пічэта змясціў прызначаемых гаспадарамі войтаў, якія ў XVI стагоддзі сталі выбарнымі, пажыццёвых лаўнікаў, што ажыццяўлялі суд па крымінальных справах, бурмістраў і радцаў, якія ажыццяўлялі бягучае кіраванне, займаліся паліцыяй, судом, гарадскімі маёмасцямі, надзорам за гандлем, мерамі і маральным станам гараджан [2, с. 32]. Як тыповыя У.І. Пічэта прывёў звесткі па самакіраванню Полацка, Мінска, Віцебска, Магілёва. Як тыповыя рысы права на самакіраванне адзначыў дакладнае вызначэнне павіннасцяў, права на таргі і кірмашы, права склада [2, с. 30, 32]. Адзначаў адзінкавы выпадак надання магдэбургскага права нехрысціянскаму насельніцтву – караімам у Троках (назваў іх яўрэямі) [2, с. 63]. Набыццё магдэбургскага права прызнаваў працэсам аб’ектыўным. Падкрэсліваў, што яно давала самакіраванню “знешнюю форму, нікольні не забіваючы мясцовага права і мясцовых звычаяў”, пры гэтым формы самакіравання ў розных гарадах былі рознымі, садзейнічала росквіту гарадоў [2, с. 146]. Ён адзначаў неабходнасць штогадовай справаздачы рады перад грамадой, магчымасць апеляцыі ад яе прысудаў да войта, а потым да вялікага князя [2, с. 147]. Лічыў, што пасля выкупа гарадамі войтаўскіх пасадаў рада стала органам, які валодаў першыствам, сама сябе папаўняла, выбірала таксама лаўнікаў, па прычыне чаго абшчыны стваралі асобныя заканадаўчыя органы з 40 чалавек [2, с. 147]. Падрывалі гарадское самакіраванне, на думку У.І. Пічэты, умяшальніцтва каралеўскіх ураднікаў і буйных землеўласнікаў, выданне шляхтай законаў вузка-саслоўнага характара, а таксама “падзенне замежнага транзітнага гандлю і змена гандлёвых шляхоў”, “прывілеі шляхты” [2, с. 146 – 147].

Тэма гарадоў працягваецца на старонках даследаванняў гісторыкаў паслярэвалюцыйнага часу. У 20 – 30 гады XX стагоддзя было апублікавана некалькі артыкулаў, гаворка ў якіх ішла пра гарады Беларусі ў XVI – XVII стагоддзях.

Абагульняючы характар мелі працы В.Д. Дружчыца, у якіх ён разглядае формы і функцыі войтаўскай улады і магістратаў у беларускіх гарадах. У працы “Войты і іх улада” В.Д. Дружчыц падкрэсліваў вельмі слабы ўзровень даследавання гэтых пытанняў [3]. Прычыну ўтварэння асобных органаў улады ў гарадах бачыў у выдзяленні іх ў асобныя адзінкі. Ён бачыў войтаў прадстаўнікамі вялікага князя (па прычыне прыналежнасці гарадоў гаспадару), аднак адзначаў пры гэтым, што даваліся гэтыя пасады і тым людзям, за якіх прасілі мяшчане. Звяртаў увагу В.Д. Дружчыц і на розніцу ў пасадах і паўнамоцтвах войтаў у розных гарадах, знаходзіў у прызначэнні войтаў з шляхецкага асяроддзя прычыну прыніжанага становішча гараджан. Лічыў, што неяснасць кампетэнцыі войтаў і магістратаў выклікала барацьбу паміж імі, пэўны канчаток якой паклаў Віленскі вількер 1620 года, які выкарыстоўваўся і іншымі гарадамі ВКЛ.

У працы “Магістрат у беларускіх месцах” гісторык даследаваў узнікненне і арганізацыю гарадскога ўрада на прыкладзе Вільні, Берасця, Полацка, Мінска, Магілёва, Віцебска і юрыдыкі ў іх [4]. Падкрэсліваючы нязначную колькасць крыніц па гісторыі магістратаў, адзначаў, што прывілеі на магдэбургскае права самі па сабе даюць няшмат звестак па іх арганізацыі, што гарадскі ўрад у іх адзначаўся толькі агульнымі рысамі. Па прычыне апошняга гарады самі вымушаны былі ствараць свае ўрады. Гэты працэс займаў дастаткова вялікі прамежак часу: да канца XVI і нават другой паловы XVII стагоддзя ў асобных гарадах. Працэс утварэння гарадскога самакіравання, па меркаванні В.Д. Дружчыца, суправаджаўся значнай барацьбой паміж асобнымі сацыяльнымі групамі, вынікам якой стаў актыўны ўдзел гараджан у выбарах службоўцаў горада. На склад магістрата значны ўплыў аказвала дамагдэбургскае развіццё гарадоў. Пры гэтым В.Д. Дружчыц наўнасць паспалітых сцвярджаў асаблівасцю Магілёва, прычым адзінкавай на Беларусі. Да склада магістрата гісторык адносіў бурмістраў, радцаў і лаўнікаў, хоць прыводзіў звескі пра аднясенне да яго войтаў, а таксама пра неабходнасць неўключэння ў яго лаўнікаў. Ён адзначаў, што ў некаторых гарадах рада і лава па сутнасці не раздзяляліся, утвараючы адзіны ўрад, што існавалі рочныя змены ўрада з рознай яго колькасцю ў розных гарадах. Таксама падкрэсліваў, што гарады пасля надання магдэбургскага права “не былі цэлымі адзінкамі ў адміністрацыйных адносінах” і што яно не распаўсюджвалася на ўсю тэрыторыю горада. Пад дзеяннем магдэбургскага права заставалася толькі тая частка горада, якая не ўваходзіла ў прыватныя юрыдыкі.

Дружчыц В.Д. з’яўляецца таксама аўтарам прац пра Вільню ў першай палове XVI стагоддзя і Менск у канцы XV – пачатку XVI стагоддзяў [5; 6]. Пры гэтым, гаворачы пра Мінск, заўважаў, што прывілеі не гаварылі аб тым, якімі выданнямі магдэбургскага права трэба карыстацца [6, с. 6]. Адзначаў таксама, што парадак выбараў радцаў вызначыць нельга, што ў рочных зменах бурмістраў, радцаў і лаўнікаў замянялі тыя ж службоўцы старой рады [6, с. 11]. У наданні магдэбургскага права Вільні і яго пацверджаннях у далейшым бачыў уплыў міжусобнай барацьбы ў ВКЛ [5, с. 5]. Не пагаджаўся з Ю. Крашэўскім наконт выбарнасці войтаў у Вільні ад пачатку іх існавання [5, с. 13]. Падрабязна разгледзеў склад віленскага самакіравання [5, с. 13 – 14]. Ва ўсіх артыкулах В.Д. Дружчыц зазначаў уплыў канкрэтных умоў Беларусі XV – XVII стагоддзяў на арганізацыю гарадскога самакіравання, лічыў іх падставай для арганізацыі і дзейнасці гарадской улады. Усе артыкулы багатыя фактычным матэрыялам. Да тагож В.Д. Дружчыц у сваёй працы “Беларускія месцы ў гістарычнай літаратуры” робіць гістарыяграфічны агляд пытання [7].

Бурдзейка А.В. даследаваў сацыяльна-эканамічнае жыццё Навагрудка ў XVI стагоддзі [8]. Пры гэтым навуковец рагледзеў і асобныя пытанні самакіравання: змест магдэбургскага прывілея 1511 года, пацвярджалых прывілеяў, абавязкі службоўцаў, правы і павіннасці мяшчан, адносіны горада і замка. Вызначаў як уласна прадстаўнікоў мяшчан бурмістраў і радцаў [8, с. 7]. Лічыў, што магдэбургскія прывілеі мелі вялікую вартасць для гараджан, таму што “даваліся не дарма”, а за пэўны грашовы ўзнос [8, с. 9 – 10]. Прычынамі надання нямецкага права лічыў просьбу саміх мяшчан, клопат уладаў пра гарадскі скарб, імкненне павялічыць эканамічную ролю горада і наогул забяспечыць яго развіццё [8, с. 11].

Гісторыі Берасця ў XVI стагоддзі прысвечаны артыкул Т.І. Забэлы [9]. У ім разгледжаны падаткі і павіннасці мяшчан Берасця, іх прывілеі, склад і прыбыткі месцага ўрада і горада ў цэлым, палажэнне прыватнаўласніцкага насельніцтва горада і яго ўзаемаадносіны з магдэбургскім. Носьбітамі прывілеяў Т.І. Забэла лічыў купецка-гандлёвую групу, аб’яднаную ў гільдыю, і рамеснікаў, аб’яднаных у цэхі [9, с. 21]. Адзначаў недакладнае вызначэнне прывілеямі складу гарадскіх уладаў, на падставе ўскосных звестак прыводзіў парадак выбараў і колькасць службоўцаў горада [9, с. 21 – 23].

Сцяпанаў Ц. разглядаў гісторыю Магілёва [10]. Ён сцвярджаў, што прычынай надання яму магдэбургскага права было эканамічнае развіццё горада, барацьба гараджан за свае правы і незалежнасць, а не хадаініцтва старосты.

Даўгяла Зм., які ўнёс вялікі ўклад у публікацыю крыніц па самакіраванню Мінска, Магілёва, у артыкуле “Брацтва прасалаў” паказаў адносіны паміж гэтым брацтвам і гарадскімі ўладамі Магілёва, аднак знаходзіў у брацтвах і цэхах элементы капіталістычных адносін [11].

Вывучэнне гісторыі гарадоў у пасляваенныя гады значна актывізавалася. Беларускімі гісторыкамі-урбаністамі ў 60 – 70 гады XX стагоддзя апублікаваны шэраг даследаванняў развіцця беларускіх гарадоў феадальнай эпохі.

У манаграфіі З.Ю. Капыскага “Эканамічнае развіццё гарадоў Беларусі ў XVI – першай палове XVII стагоддзя” пэўнае месца адводзіцца гарадскому самакіраванню [12]. Гісторык пераканаўча робіць вывад аб тым, што ў гарадах Беларусі адбывалася своеасаблівая ўніфікацыя юрыдычных нормаў, што аб’ядноўвала магдэбургскае права і агульнадзяржаўнае заканадаўства. Грунтоўны аналіз развіцця юрыдык дазваляе яму зрабіць вывад аб небяспецы іх для гарадскіх абшчын і аб барацьбе гарадскіх уладаў за распаўсюджанне сваёй юрысдыкцыі на ўсё насельніцтва гарадоў.

Праблема сацыяльна-палітычнага становішча гарадоў знайшла сваё адлюстраванне ў працах: З.Ю. Капыскага “Сацыяльна-палітычнае развіццё гарадоў Беларусі ў XVI – першай палове XVII ст.”, “Магдэбургскае права ў гарадах Беларусі”, “З гісторыі грамадска-палітычнага жыцця гарадоў Беларусі ў XVI – першай палове XVII ст.”, А.П. Грыцкевіча “Сацыяльная барацьба гараджан Беларусі ў XVI – XVIII стст.”; “Кіраванне прыватнаўладальніцкіх гарадоў Беларусі без магдэбургскага права (XVI – XVIII стст.)”, “Прыватнаўладальніцкія гарады Беларусі ў XVI – XVIII стст.” [13 – 18]. Указаныя даследаванні дазволілі абвергнуць няслушныя ўяўленні па пытаннях магдэбургскага права, якія існавалі ў буржуазнай гістарыяграфіі. Аўтарамі даказана, што вялікае значэнне ў падарванні гарадам правоў прадстаўлялі жалаваныя граматы вялікіх князёў. Яны ўсталёўвалі юрыдычнае становішча гараджан, якое, аднак, не стала на Беларусі самастойнай палітычнай сілай. Навукоўцы З.Ю. Капыскі і А.П. Грыцкевіч канстатавалі сур’ёзную ролю магдэбургскага права ў эканамічным і сацыяльна-палітычным жыцці гарадоў. У адпаведнасці з ім складалася сістэма гарадскога самакіравання. Гісторыкі пераканаўча паказалі, што магдэбургскі лад не ствараў перашкод развіццю гарадоў і што ўвядзенне яго абумоўлена аб’ектыўнымі прычынамі, а не капрызмамі вярхоўнай улады. Выяўлена таксама існаванне характэрнага спалучэння магдэбургскіх і старажытна рускіх норм права.

Капыскі З.Ю. лічыў, што магдэбургскае права было вылучана на парадак дня новымі гістарычнымі ўмовамі. Вечавы лад не адпавядаў ужо інтарэсам гандлёва-рамесніцкага насельніцтва. Даследчык паказаў склад магістратаў у розных гарадах, дзейнасць органаў самакіравання. Па меркаванні З.Ю. Капыскага, магдэбургскае права не магло забяспечваць прывілеяванае становішча нямецкага і польскага купецтва, бо яны складалі выключэнне сярод гараджан; што гарадская палітыка вялікіх князёў базіравалася на пераўтварэнні эканамічнай дзейнасці гарадоў у пастаянную крыніцу даходаў скарба. Самакіраванне, якое ўсталёўвалася ў гарадах, было сродкам абароны і выканання правоў і прывілеяў, якія былі дадзены гораду. Гісторык на падставе аналізу прывілеяў гарадам лічыў, што ў граматах не агаворвалася кола асоб, якія маглі быць выбранымі ў гарадское самакіраванне. Таксама сцвярджаў, што магдэбургскі ўзор не ўтрымліваў дэмакратычных прынцыпаў арганізацыі гарадскога самакіравання [14].

Як лічыў А.П. Грыцкевіч, самакіраванне прыватнаўласніцкіх гарадоў уводзілася на аснове формаў магдэбургскага права з рознымі мадыфікацыямі і запазычаннямі. Уводзілася яно паступова, бо першапачаткова было няпоўным. Першаснай фігурай у ім быў войт. З цягам часу памяншалася роля адміністрацыі ўладальніка і адпаведна пашыралася роля магістратаў, хоць яны і працягвалі знаходзіцца пад уладаўніцкім кантролем. Залежнасць гараджан ад уладальніка ў такіх гарадах не была прыгоннай. Паўнамоцтвы магістрата пашыраліся не толькі на мяшчан, але і на іншае насельніцтва горада. Прычым А.П. Грыцкевіч сцвярджае, што магістраты прыватнаўласніцкіх гарадоў карысталіся большымі правамі, чым у каралеўскіх, знаходзячыся пры гэтым пад жорсткім кантролем уладальніка; што роля магістратаў захоўвалася да канца XVIII стагоддзя [16, с. 199 – 201].

Карпачоў А.М., які разглядаў магдэбургскае права ў беларускіх гарадах XVII – XVIII стагоддзяў, гаворыў аб тым, што яно ўмацоўвала саслоўныя правы мяшчан, абмяжоўвала ўладу над імі каралеўскіх службоўцаў, дапамагала ў барацьбе са свавольствамі феодалаў, задавальняла агульныя інтарэсы гараджан, а ў найбольшай ступені гарадскіх вярхоў, якія мелі алігархічную па сутнасці ўладу. На яго думку, у другой палове XVIII стагоддзя прававое становішча мяшчан пагаршалася, пастанова сейма 1776 года аб ліквідацыі магдэбургскага права ў большасці гарадоў ВКЛ датычылася толькі ўласна магдэбургскіх судаў, а элементы самакіравання засталіся [19]. Таксама А.М. Карпачоў разглядаў пытанні існавання феадальных юрыдык у гарадах Беларусі ў параўнанні з польскімі гарадамі, у тым ліку ажыццяўленне ў іх самакіравання і суда [20].

Мялешка В.І., які даследаваў гісторыю Магілёва ў XVI – першай палове XVII стагоддзя, сцвярджаў, што самакіраванне садзейнічала росту гарадоў, што граматы на самакіраванне даваліся гарадам Беларусі ў перыяд іх росту, што магдэбургскае права “не было механічным перанясеннем нямецкага права ў яго чыстым выглядзе на тэрыторыю Беларусі”, што беларускія гарады мелі свае асаблівасці, якія ўплывалі на змены асобных палажэнняў магдэбургскага права [21, с. 176 – 177]. Мялешка В.І. таксама лічыў, што ў ВКЛ гарадскія суды неаднойчы падзяляліся на войтаўска-лаўніцкія і бурмістроўска-радзецкія; што такі падзел звужаў правы і функцыі рады, бо яе судзевная кампетэнцыя не распаўсюджвалася на ўсіх гараджан (хоць згодна магдэбургскаму праву рада і не павінна была займацца ўсімі судовымі пытаннямі); што падзел судаў вёў да пашырэння правоў феодалаў і павелічэння даходаў войтаў [21, с. 185 – 187]; што судовыя рашэнні магілёўскім магістратам выносіліся на аснове перакладаў Ландрэхта і Вейхбільда Граіцкім і Шчэрбічам, “цэзарскага” і “земскага” права [21, с. 191]. Няслушным здаецца выснова В.І. Мялешкі пра тое, што суды ў Магілёве знаходзіліся поўнаасцю ў веданні рады [21, с. 190], бо ва ўсіх судовых працэдурах адлюстроўваецца прысутнасць на судовых паседжаннях войтаў ці ландвойтаў і лаўнікаў.

Даследаваннем самакіравання гарадоў плённа займаўся гісторык права Я.А. Юхо – разглядаў прававое становішча насельніцтва Беларусі феадальнага перыяду. На яго думку, у XV – XVI стагоддзях на Беларусі склалася новая галіна права – феадальнае гарадское права, адной з асноўных крыніц якога былі прывілеі [22 – 23]. Агульныя нормы гэтага права вызначалі структуру органаў кіравання і суда, павіннасці і некаторыя ільготы мяшчан [22, с. 23, 24, 30, 31]. Па меркаванні Я.А. Юхо, ужо ў XV стагоддзі аформілася саслоўе мяшчан і ішоў шпаркі працэс яго прававога афармлення. Уладныя паўнамоцтвы ў адносінах да мяшчан атрымоўвалі войт, ландвойт, бурмістры, радцы і лаўнікі. Кнігі П. Шчэрбіча і Б. Граіцкага даследчык лічыць дапаможнымі крыніцамі ў тых выпадках, калі іх палажэнні не супярэчылі нормам мясцовага права і правасумленню мясцовых ураднікаў. Запозычаны з нямецкага права па адміністрацыйных і крымінальна-працэсуальных пытаннях былі дапасаваныя да мясцовых умоў [23, с. 26 – 31].

Расійскі гісторык А.Ю. Дварнічэнка лічыць, што ўвядзенне магдэбургскага права было абумоўлена не толькі зменай сацыяльнай структуры насельніцтва і ўзроўню эканамічнай дзейнасці гарадоў, але і развіццём феадальнага землеўладання і ростам польскага ўплыву [24].

Шэраг даследаванняў па гарадскому самакіраванню ў ВКЛ правялі савецкія літоўскія гісторыкі.

Так, магдэбургскае права ў літоўскіх гарадах ВКЛ даследавалася Ю.М. Юргінісам, які лічыў, што да часоў заканчэння панавання Уладзіслава IV вярхоўная ўлада ВКЛ абараняла мяшчан ад свавольства шляхты і мясцовай адміністрацыі, імкнулася палепшыць эканамічнае становішча гарадоў і павялічыць даходы казны. Але пасля таго, як убачылі, што гэтыя надзеі не спраўдзіліся, урад спыняе клопаты пра гарады. Юрыдыкі, на думку Ю.М. Юргініса, падзялялі гарады на асобныя судова-адміністрацыйныя адзінкі, якія разбуралі гаспадарку горада; супярэчнасці наконт зямельных правоў мяшчан, якія існавалі ў статутным і магдэбургскім праве, прыводзілі да канфліктаў паміж магістратамі і вялікакняжацкімі ўраднікамі. Па словах Ю.М. Юргініса, урад ВКЛ не мог забяспечыць мястэчкам цвёрдую аўтаномію, таму даваў ім асобныя гандлёвыя ільготы і прывілеі, каб падтрымаць іх дабрабыт. Магдэбургскае права ў Літве і Беларусі не было скарыстана з-за манаполіі шляхты на зямельную ўласнасць з поўным феадальным імунітэтам [25].

Прывілеі мястэчкам Літвы ў складзе Літоўскай Метрыкі даследаваў Э. Мейлус [26]. Развіццё магдэбургскага права ў асобных гарадах Літвы разглядаў З. Кяўпа [27 – 30]. Вельмі каштоўнай з’яўляецца яго праца па даследаванні Віленскіх вількераў, палажэнні якіх ужываліся і беларускімі гарадамі [28]. Гэтыя даследаванні ствараюць магчымасць для параўнання самакіравання беларускіх гарадоў з літоўскімі.

Заклучэнне. Можна сцвярджаць, што ў міжваенны перыяд тэма гарадскога самакіравання не набыла ў савецкай гістарыяграфіі значнага вывучэння. Прычынай гэтага можа быць недастатковая апублікаванасць і захаванасць крыніц. Пры гэтым апублікаваныя кнігі даследчыкаў дарэвалюцыйнага перыяду і гісторыкаў паслярэвалюцыйнага часу забяспечылі, па-першае, пераемнасць у вывучэнні гарадской тэматыкі, а па-другое, паклалі пачатак навуковаму разгляду працэсаў станаўлення і развіцця гарадскога самакіравання як неад’емнай часткі развіцця феадальнага грамадства.

Працы пасляваеннага перыяду з марксістскіх пазіцый ацэньвалі прычыны ўсталявання гарадскога самакіравання, аддаючы перавагу сацыяльна-эканамічным. Адной з вядучых праблем, якія разгледжаны гісторыкамі гэтага часу, з’яўлялася сацыяльная барацьба ў гарадах, яе класавы характар, цесная сувязь з нацыянальна-вызваленчым рухам. Пры гэтым былі абвержаны ўяўленні расійскіх дарэвалюцыйных гісторыкаў аб адмоўным характары магдэбургскага права, яго насаджэнні вярхоўнай уладай, падкрэслена спалучэнне нямецкага права з мясцовымі традыцыямі.

ЛІТАРАТУРА

1. Любавский, М.К. Основные моменты истории Белоруссии / М.К. Любавский. – М.: Тип. А.П. Яроцкого, 1918.
2. Пичета, В.И. История белорусского народа / В.И. Пичета. – Минск: Изд. центр БГУ, 2003. – 184 с. (Scriptor universitatis).
3. Дружчыц, В.Д. Войты і іх улада ў беларускіх месцах з магдэбургскім правам / В. Дружчыц; Інбелкульт. – Мінск, 1928. – 58 с.
4. Дружчыц, В.Д. Магістрат у беларускіх месцах з магдэбургскім правам у XV – XVII стагоддзях / В.Д. Дружчыц. – Мінск: Друкарня Беларус. акад. навук [192?]. – 31 с.
5. Дружчыц, В. Места Вільня ў першай палове XVI стагоддзя / В. Дружчыц. – Менск, 1926. – 20 с.
6. Дружчыц, В. Места Менск у канцы XV і пачатку XVI ст. / В. Дружчыц // Працы БДУ. – 1926. – № 12. – С. 1 – 22.
7. Дружчыц, В.Д. Беларускія месцы ў гістарыяграфічнай літаратуры / В.Д. Дружчыц // Гіст.-археал. зб. – 1927. – № 1. – С. 251 – 276.
8. Бурдзейка, А. Нарыс сацыяльна-эканамічнага жыцця места Навагрудку ў XVI ст. / А. Бурдзейка // Гістарычна-археалагічны зборнік. – Мінск, 1927. – № 1.
9. Забела, Т. Места Берасцейскае ў XVI ст. / Т. Забела // Запіскі аддзелу гуманітарных навук. Кн. 8: Працы клясы гісторыі. – Менск, 1929. – Т. III. – С. 83 – 109.

10. Сцяпанаў, Ц. Гісторыя места Магілёва да надання яму Магдэбургскага права / Ц. Сцяпанаў // Зап. аддз. гуманіт. навук. Працы класа гісторыі. – Менск, 1928. – Т. 2. – С. 308 – 317.
11. Даўгяла, З. Магілёўскае “Брацтва прасалаў” / З. Даўгяла. – Менск, 1926. – 11 с.
12. Копыцкий, З.Ю. Экономическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З.Ю. Копыцкий; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск: «Наука и техника», 1966. – 227 с.
13. Копыцкий, З.Ю. Социально-политическое развитие городов Белоруссии в XVI – первой половине XVII в. / З.Ю. Копыцкий; Акад. наук БССР, Ин-т истории. – Минск: «Наука и техника», 1975. – 191 с.
14. Копыцкий, З.Ю. Магдебургское право в городах Белоруссии (конец XV – первая половина XVII в.) / З.Ю. Копыцкий // Советское славяноведение. – 1972. – № 5. – С. 26 – 41.
15. Капыскі, З.Ю. 3 гісторыі грамадска-палітычнага жыцця гарадоў Беларусі ў XVI – першай палове XVII ст. / З.Ю. Капыскі // Труды Ин-та истории АН БССР. Досоветский период. – 1958. – Вып. 3. – С. 15 – 46.
16. Грыцкевич, А.П. Частновладельческие города Белоруссии в XVI – XVIII вв. / А.П. Грыцкевич; АН БССР, Ин-т истории. – Минск: «Наука и техника», 1975. – 248 с.: 1 л. карт.
17. Грыцкевіч, А.П. Кіраванне прыватнаўладальніцкіх гарадоў Беларусі без магдэбургскага права (XVI – XVIII стст.) / А.П. Грыцкевіч // Весці Акад. навук Беларус. ССР. – Серыя грамадскіх навук. – 1974. – № 4. – С. 49 – 58.
18. Грыцкевич, А.П. Социальная борьба горожан Белоруссии (XVI – XVIII вв.) / А.П. Грыцкевич; науч. ред. В.С. Поссе. – Минск: Наука и техника, 1979. – 152 с.
19. Карпачоў, А.М. Самакіраванне гарадоў Беларусі па “Магдэбургскаму праву” ў другой палове XVII – XVIII ст. / А.М. Карпачоў // Весці Акад. навук Беларус. ССР. Серыя грамадскіх навук. – 1969. – № 2. – С. 56 – 64.
20. Карпачёв, А.М. Феодалные юридики в королевских городах Белоруссии XVII – XVIII веков / А.М. Карпачёв // Советское славяноведение. – 1968. – № 6. – С. 27 – 38.
21. Мелешко, В.И. Могилёв в XVI – первой половине XVII в. / В.И. Мелешко; под ред. З.Ю. Копыцкого. – Минск: Наука и техника, 1988. – 264 с.
22. Юхо, И.А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01 / И.А. Юхо. – Киев, 1980. – 47 с.
23. Юхо, И.А. Правовое положение населения Белоруссии в XV в. / И.А. Юхо. – Минск: Изд-во Белорус. гос. ун-та, 1978. – 141 с., [2].
24. Дворниченко, А.Ю. О предпосылках введения магдебургского права в городах западнорусских земель в XIV – XV вв. / А.Ю. Дворниченко // Вестн. Ленингр. ун-та. История. Язык. Литература. – Вып. 1. – 1982. – № 2. – С. 105 – 107.
25. Юргинис, Ю.М. Судьба магдебургского права в литовских городах / Ю.М. Юргинис // История СССР. – 1975. – № 4. – С. 145 – 155.
26. Мейлус, Э. Привилеи местечкам Литвы на локацию и торги в ЛМ (вторая половина XVII – 1795 г.) / Э. Мейлус // Литовская Метрика. – Вильнюс, 1988. – С. 24 – 25.
27. Kiaupa, Z. Vaito rinkimas Kauno magistrato (XVI – XVIII a.) / Z. Kiaupa // Lietuvos istorijos metraštis. 1974 metai. – Vilnius, 1976. – P. 13 – 16.
28. Kiaupa, Z. 1551 m. ir 1620 m. Vilneaus vilkerai ir ju taikymas Lietuvos Didziosios Kunigaikstystės miestuose / Z. Kiaupa // Jaunuju istoriku darbai. Miedziaga respublikinei jaunuju istoriku mokslinei konferencijai. 1976 m. spalio, t. 1. – Vilniaus, 1976. – P. 41 – 51.
29. Kiaupa, Z. Vilniaus ir Kauno vaitų teisinės galios raida XV – XVII amžiais / Z. Kiaupa // Lietuvos TSR Mokslų akademijos darbai. A serija, 4(49) t. – Vilnius, 1974. – P. 83 – 89.
30. Kiaupa, Z. Vaito rinkimas Kauno magistrato (XVI – XVIIIa.) / Z. Kiaupa // Lietuvos istorijos metraštis, 1974 metai, Vilniaus. – P. 13 – 18.

Паступіў 04.07.2011

SOVIET HISTORIOGRAPHY OF TOWN SELF-GOVERNING OF BELARUS AT THE END OF XIV – XVIII CENTURIES

S. STRENKOUSKI

The author in his article analyzes the views of Soviet historians of interwar and after-war periods, including pre-revolutionary ones, which continued the research in Soviet times, and Lithuanian historians on the problems of towns' self-governing. Continuity of the researched theme should be noted, because the works of scientists of pre-revolutionary period initiated the working out of the question in Soviet times. The estimation of towns' development during this period were made from the Marxist positions that led to insufficient attention to the problems of self-governing. Herewith the merit of Soviet historians composes the refusal of negative estimation of Magdeburg rights in the history of towns of Grand Duchy of Lithuania.

УДК 340.0(09)+947.032.4

ВЛИЯНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ОПЫТА НА РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ И СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОЙ КУЛЬТУРЫ ШЛЯХТЫ ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В XV – ПЕРВОЙ ТРЕТИ XVI ВЕКА**канд. ист. наук, доц. И.Ю. УВАРОВ****(Гомельский государственный технический университет им. П.О. Сухого)**

Исследуется система правовых отношений в период становления государственности на белорусских землях. В отдельных городах средневековой Европы XIV – XV веков был достигнут высокий уровень развития правовой системы и законопослушания граждан. Тем временем в Великом княжестве Литовском под влиянием распространившихся правовых идей международного значения сложились предпосылки к изданию собственного систематизированного закона, которым явился Судебник великого князя Казимира Ягеллончика 1468 года – первое собрание правовых актов феодального государства. Показано развитие правовой системы судопроизводства. Новые условия жизни феодального общества в ВКЛ – рост правосознания и расцвет правовой культуры шляхты – привели к потребности в обновлении законодательства всей страны. Следствием этого явился Статут 1529 года – полномасштабный для своей эпохи свод законов.

Настоящее исследование системы правовых отношений в период становления государственности на белорусских землях в период развития Великого княжества Литовского в XV – первой трети XVI века относится к периоду упадка средневековья, повсеместному проявлению гуманистических идей и реформационного движения. Эпоха феодализма явилась подлинным основанием идеально-типичного осмысления этого строя. Путем анализа особенностей чувств и мыслей средневекового человека, проникнув в глубину социально-правовой жизни, сделан ряд интересных выводов.

В качестве объекта исследования рассмотрены статьи Судебника Казимира 1468 года и Статут 1529 года. Изучен обширный комплекс документов, связанных с развитием правовых и политических отношений. Источники права характеризуются высокой степенью информированности. Методологическую основу статьи составляет принцип историзма и объективности. В работе были использованы общенаучные методы единства исторического и логического анализа и историко-сравнительный метод, который позволяет рассматривать любую проблему в комплексе, раскрывая многообразие ее связей.

Основная часть. Западноевропейское общество в период XIV – XV веков уже имело развитую для своего времени законодательную систему, что вполне было естественным для государств, испытавших на себе влияние эпохи Возрождения. Европейцы в рассматриваемый период жили в соответствии с устоявшимися традициями норм законодательного права [1, с. 131, 133, 143].

В статутах XIV века таких городов, как Марсель, Авиньон и др., были опубликованы фактические признаки гражданского общества, при условии их применения в городской жизни. Средневековые статуты Европы включали ряд требований и запретов для обеспечения нормальной жизнедеятельности общества. Всеобщая регламентация норм общественного порядка зависела от характера письменного оформления и правового регулирования. Следует помнить, что в позднем средневековье в обществе противостояли друг другу две группы людей – это огромное большинство неграмотных и малая часть грамотных. Поэтому народ можно было подчинить верховной власти только силой закона. Таким образом, рядовые граждане не только слушали на городских площадях еженедельные читки статутов, но и привлекались к ответственности за неподчинение им.

Самые первые городские Статуты Западной Европы регулировали профессиональную деятельность и семейно-брачные отношения среди людей. Составители из числа образованных юристов обсуждали в городском совете правила земельных сделок, финансовые операции и многое другое. Особое наказание предусматривалось за обман, воровство, хитрость, изощренную ложь и т.д. Придавалось большое значение различию: своё и чужое, общее и частное имущество. Так начинали внедряться первичные нормы гражданского поведения людей. Эти законы требовали соблюдения правил личной гигиены, чистоты своего дома, соседней улицы и общей дороги. Запрещались свалки мусора, регламентировалось содержание домашних животных и ограничивалось разведение костров. Нормы служебного долга сочетались с требованиями к гражданам соблюдать честность, порядочность и качество выполняемой работы. Важной сферой нормирования являлось повседневное поведение горожан на улице и в общественных местах. Городские Статуты запрещали ночные сборища, бродяжничество, азартные игры и шумные драки. Такие ограничения способствовали воспитанию личной ответственности каждого человека и сознательному исполнению норм законопослушания.

В Великом княжестве Литовском при издании привилеев первой половины XV века, составлении Судебника 1468 года, а затем и Статута 1529 года правоведам во многом учли приобретенный европейцами опыт в этой области знаний.

Под правовой культурой шляхты ВКЛ в XVI веке следует понимать совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, затрагивающих отношения между государством и его подданными. К данному понятию можно отнести стремление шляхты к обособлению и замкнутости своих сословных интересов. Ориентация участников этого процесса направлена на то, чтобы требовать от верховной власти гуманного и справедливого для себя закона, удовлетворяющего их потребности, запросы, вольности и привилегии. В это время политику в ВКЛ вершили крупнейшие магнаты – владельцы обширных земельных латифундий, под контролем которых с середины XV века фактически находилась власть великого князя, господаря. Это и многое другое способствовало оформлению сословно-представительного органа власти вального сейма, без решения которого монарх не мог принимать самостоятельно важные государственные решения.

В отличие от большинства западноевропейских стран, в которых при формировании представительных органов власти активно участвовало третье сословие, парламентаризма в ВКЛ не было. Правовая культура привилегированного сословия шляхты сводилась к осознанию ею своих собственных прав и свобод, это совокупность позиций, ценностей и образцов поведения, затрагивающих отношения между государством и его подданными. Воздействие шляхетских вольностей и рост правосознания других сословий страны создавали в государстве предпосылки становления гражданского общества. Об этом и многом другом свидетельствуют реформы, проведенные правительством в конце XVIII века.

В медиэвистике второй половины XX – начале XXI века заметно возросло внимание к трактовке исторического значения правовых актов, изданных господарской канцелярией ВКЛ в XV – первой половине XVI века. В исследованиях целого ряда специалистов по данной теме были изложены различные мнения на данную проблему. Эти документы изучались историками в правовом, политическом и экономическом аспектах. Однако содержащаяся в правовых актах обильная и разнообразная информация не была изучена основательно и должным образом.

При рассмотрении целого комплекса вопросов, касающихся развития правовой системы ВКЛ, еще раз отметим значение для истории Беларуси Судебника 1468 года Казимира IV Ягеллончика. Этот свод законов был издан на Виленском сейме 29 февраля 1468 года и известен в широких кругах историков под названием Судебник 1468 года [2, с. 103]. Это первое систематизированное собрание законов ВКЛ, на основе которых было заложено начало развития теории, практики и кодификации всей правовой системы феодального общества. В дальнейшем этот процесс был продолжен с изданием трех Статутов Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 годов. Данный Судебник был обнаружен в фондах Новгородской Софийской библиотеки сотрудником румянцевского кружка В.Г. Анастасевичем в 1817 году [3, с. 116 – 117]. Сразу же развернулась скрупулезная работа по описанию и обработке его текста. Этот памятник правовой культуры был представлен тремя списками редакции конца XV – начала XVI века. Текст был написан мелким полууставом на старобелорусском, как тогда говорили, русском языке. Впервые этот источник опубликовали в 1826 году в Вильне, организатором этой работы выступил И. Данилович. Так возникла потребность провести сравнительную характеристику отдельных статей этого памятника старинны. Судебник 1468 года отражал основные нормы и положения правовой жизни феодального государства, накопленные системой судопроизводства к третьей четверти XV века. Созданию Судебника Казимира послужили привилегии ВКЛ 1432, 1434 и 1447 годов, ставшие основой оформления прав и свобод всего сословия шляхты [4, с. 147]. На протяжении длительного времени выдающиеся историки медиэвисты и археографы, исследователи по истории русского права отмечали в своих трудах большую значимость этого памятника правовой мысли ВКЛ второй половины XV века.

Уже первое изучение текста Судебника дало серьезные результаты относительно его общегосударственного значения, что опровергло версию относительно того, был ли этот первый кодекс единым для всех земель ВКЛ или он имел распространение на отдельные территории страны. У этой версии оказались свои сторонники и противники.

Так, например, специалист по проблемам славянского права В.А. Мацевский, опираясь в своем исследовании на широкий круг источников и литературы, писал, что Судебник Казимира это есть «Статут белорусский». Он мотивировал такое название тем, что статьи Судебника регламентировали основные положения законов, имеющих распространение на территории «русских» земель ВКЛ [5, с. 208]. Противоположностью этой теории была выдвинута концепция, согласно которой Судебник 1468 года имел особое для ВКЛ значение как привилегий [6, с. 113; 7, с. 468]. Поскольку в названии этого исторического памятника присутствует слово «лист», такое обозначение применялось к различным актам привилегий, которые давались как отдельным личностям, так и городам и целым регионам ВКЛ. Далее сомнительным может показаться слово «воевода», поскольку данная должность была введена в ВКЛ актом Городельской унии 1413 года, а первые великокняжеские наместники появились в Виленском и Троцких воеводствах [7, с. 399 – 400; 8, с. 225 – 229; 9, с. 115 – 118]. Однако известно, что воеводские уряды имели место и в других регионах ВКЛ в середине XV века [10, с. 578 – 580]. В начале XVI века появились должности воевод в Полоцке, Витебске и Смоленске [7, с. 397 – 398].

В актуальной для своего времени работе И.Б. Якубовского о земских привилегиях, издаваемых в Великом княжестве Литовском, представлено исследование, в котором автор приводит список всех извест-

ных общеземских привилеев ВКЛ с 1387 по 1568 год. Среди обширного перечня названий, представленных в специальной таблице, привилея Казимира от 1468 года нет. Это значит, что Судебник данного правителя был издан как закон для всего государства, а не как привилей [11, с. 277 – 278].

Если рассматривать Виленский сейм 1468 года в качестве созыва представителей привилегированного сословия от всех земель ВКЛ, то вполне ясно, что Судебник Казимира – это общегосударственный юридическо-правовой документ. По свидетельству представителя русской дореволюционной историографии М.К. Любавского, на Виленском сейме 1468 года был издан закон для Великого княжества Литовского [12, с. 125].

Судебник Казимира по содержанию правовой базы существенно уступает Статуту ВКЛ 1529 года. Но как признают исследователи текста Судебника, он оказал большое влияние на кодификаторов при составлении XIII раздела Статута 1529 года [13, XIII, с. 1 – 24]. Данный раздел отражает основные положения уголовного права [14, с. 68]. Это и многое другое содержит особую актуальность настоящего исторического источника и придает большое значение для новых исследований в этом направлении.

В начале XVI века законодательство ВКЛ уже не соответствовало в полной мере интересам различных групп населения, в первую очередь требованиям класса феодалов, в частности сословия шляхты [15, с. 34]. Новый закон должен был регулировать отношения государства с привилегированными группами граждан и зависимым населением [16, с. 584]. Добиваясь этого закона, шляхта желала обновить нормы судопроизводства, что давало бы ей защиту своего имущества и безопасность сословных интересов [13, с. 23; 9, с. 128 – 130].

Вопрос о кодификации права был поднят шляхтой на вальном сейме в Вильно в феврале 1514 года. Делегаты обратились к господарю с просьбой «... о даровании им писаных прав и законов» [12, с. 199; 17, с. 94; 18, с. 74]. На городском сейме 1522 года послы от поветовой шляхты вновь затронули вопрос об утверждении нового письменного закона: «... Право им прирекли дати и ... как ся поданныи наши мають справовать и радити» [19, с. 516; 18, с. 74]. За основу при составлении Статута 1529 года были взяты Судебник 1468 года и привилеи ВКЛ, изданные в XIV – XV века, и привилей Сигизмунда I от 7 декабря 1506 года. Новый Статут не только подвел итог всему законотворческому процессу, но и оформил его юридически на более высоком уровне [11, с. 277; 20, с. 12; 21, с. 4]. Текст Статута был окончательно утвержден на сейме 1528 – 1529 годов [18, с. 74].

Статут 1529 года явился фундаментальным трудом из области средневекового права для всей Западной и Восточной Европы. Главными его составителями были сами феодалы, интересы которых он должен был защищать [18, с. 79; 22, с. 47]. Статут был написан на старобелорусском языке и переведен на латинский [23, с. 36]. Новый закон определял общее направление деятельности органов власти, объединял и согласовывал работу государственного управления. Судебная власть в ВКЛ до издания Статута 1529 года принадлежала великокняжеским чиновникам-воеводам, старостам, земским маршалкам и государственным державцам в каждом повете. Тот же порядок сохранился и после принятия этого закона, только с одним условием, чтобы названные лица при решении судебных и других дел руководствовались не ранее существовавшими нормами законодательной власти, а новоизданным Статутом. Для судебных разбирательств в каждом повете в качестве помощи местным делопроизводителям были избраны специальные представители от местного шляхетства. Этим чиновникам из числа высшего и состоятельного сословия феодалов была предоставлена вся полнота административной и судебной власти [17, с. 95; 20, с. 12; 24, с. XXX – XXXII; 25, с. 20].

Статут 1529 года представлял собой совокупность шляхетского права, с одной стороны, и обязательства великого князя в отношении шляхты – с другой. Закон защищал права шляхты и предоставлял ей определенные политические и социально-экономические свободы за исполнение земской службы. Статут послужил началом оформления законодательного права феодалов и формирования особой системы судебных органов, которые разбирали разные конфликты в среде шляхты. Так, например, если шляхтичу требовалось доказать свою принадлежность к данному сословию, то это можно было доказать в судебном порядке, опираясь на букву закона [13, III–11; 26, с. 1313 – 1314]. Судопроизводство ВКЛ в XVI веке неоднократно сталкивалось с подобными рода случаями. Процедура доказательства шляхетства представляла собой сложный процесс, который строился на недоверии со стороны верховной власти. Поэтому было установлено правило: шляхтич, который желал подтвердить свои шляхетские права, должен был представить документ или свидетелей [27, с. 543]. Однако в поисках правды и защиты своих интересов военно-служилые люди искали подтверждения своих прав, часто обращаясь к великому князю. Эту информацию широко иллюстрируют разного рода документы [28, с. 20 – 21, 99 – 100, 220 – 225].

Шляхетское право согласно Статуту распространялось на весь класс феодалов-землевладельцев [13, III–7]. Закон регламентировал положение простых крестьян по отношению к шляхтичам, которые имели полное господство над зависимым населением страны. Сословное неравенство подчеркивалось тем, что при всяких преступлениях крестьян закон стоял на стороне шляхтича, а меры наказания крестьян были более суровыми, чем за те же действия шляхтича против простого человека [13, III–14; 22, с. 176]. Это нашло свое отражение в последующих статутах ВКЛ 1566 и 1588 годов, когда было установлено над

народом самое жестокое почти трехсотлетнее крепостное право и духовно-религиозное порабощение людей с насильственным ополячиванием и окатоличиванием православных.

Статут 1529 года регламентировал ответственность военнообязанных феодалов в период военных действий и сбора войска, когда объявлялась мобилизация служилых людей из каждой шляхетской семьи [27, с. 548; 13, II–1]. Если кто-нибудь из владельцев имений погибал или умирал, то за его детьми сохранялось право находиться во главе своего владения [13, III–9; 29, с. 6 – 7]. Статут 1529 года предписывал землевладельцам, которые не имели зависимых людей, на войну выезжать самим. В сеймовом постановлении 1529 года сказано, что мелкая шляхта несет земскую службу единолично, по мере возможностей своих сил и ответственности каждого.

Если шляхтич отказывался отбывать военную службу, то он терял право на владение землей, закон угрожал ему конфискацией имения [13, II–1, 7]. Однако если причина отсутствия была уважительная, то такая неявка не считалась незаконной и не влекла за собой конфискации имущества [13, II–6]. При наличии у шляхтича взрослого сына, который пожелал бы отправиться вместо отца на войну, то с согласия гетмана такая замена отца сыном была возможна [13, II–1, 5, 6]. Если при отправке на войну шляхтич по пути следования к месту сбора нарушал общественный порядок в других имениях, то за это он должен был платить штраф [13, III–14, 13].

Статут 1529 года впервые на официальном уровне разделял представителей военно-служилого сословия на шляхтичей и бояре [13, III–7]. Так произошло выделение шляхетства в особое привилегированное сословие. При этом в документах начала XVI века часто упоминаются служилые люди – бояре, а термин «шляхтич» встречается крайне редко.

Что касается реорганизации совета панов-рады, то в Статуте было указано, чтобы члены рады были уроженцами ВКЛ и христианской веры. Сам совет панов-рады являлся исполнительным, законодательным, судебным и контролирующим органом власти в стране. Рада должна была решать следующие вопросы: выбор господара, организация земской службы, внешняя политика, издание законодательных актов и др. [4, с. 105; 13, VI–3].

Заключение. Судебник 1468 года стал первым собранием правовых актов феодального государства. На основании его получила свое развитие правовая система судопроизводства. Статут 1529 года явился полномасштабным сводом законов для своей эпохи. Однако в условиях феодального общества система законодательной власти целиком и полностью стояла на стороне привилегированного сословия. На практике закон защищал интересы феодальной верхушки и других земельных собственников. Низшие слои общества оставались полностью бесправными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Сванидзе, А.А. Городские хартии и распространение муниципальных привилегий в шведских городах с середины XIII по XV в. / А.А. Сванидзе // Средние века. Сб. Вып. 35. – М., 1972. – С. 131 – 153.
2. Уваров, И.Ю. Становление правовой системы в Великом княжестве Литовском во второй половине XV в. / И.Ю. Уваров // Проблемы и перспективы становления гражданского общества: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2-х ч. Ч. 2, Могилев, 20 – 21 мая 2010 г.; Могилевский гос. ун-т продовольствия; редкол.: Ю.М. Бубнов (отв. ред.), Т.Г. Бобкова [и др.]. – Могилев: УО «МГУП», 2010. – 247 с.
3. Козлов, В.П. Колумбы российских древностей / В.П. Козлов. – М.: Наука, 1981. – 167 с.
4. Юхо, Я.А. Кароткі нарыс гісторыі дзяржавы і права Беларусі: вучэб. дапам. / Я.А. Юхо. – Мінск: Універсітэцкае, 1992. – 270 с.
5. Historia Prawodawstw Słowiańskich przez W.A. Maciejowskiego. – Warszawa, 1856. – Т. I. – 376 с.
6. Бестужев-Рюмин, К.Н. Русская история / К.Н. Бестужев-Рюмин. – СПб., 1825. – Т. II, вып. I. – 212 с.
7. Вялікае княства Літоўскае: энцыкл.: у 2 т. / рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – 2-е выд. – Мінск: БелЭн, 2007. – Т. 2: Кадэцкі корпус – Яцкевіч. – 792 с.
8. Гудавичюс, Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 года / Э. Гудавичюс; Е.Л. Назарова (науч. ред.). – М.: Фонд им. И.Д. Сытина. Baltrys, 2005. – 679 с.
9. Белоруссия в эпоху феодализма: сб. док. и материалов: в 3 т. / сост.: З.Ю. Копыцкий, М.Ф. Залого. – Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1959. – Т. 1: С древнейших времен до середины XVII века. – 516 с.
10. Лаппо, И.И. Великое княжество Литовское за время от заключения Люблинской унии до смерти Стефана Батория (1569 – 1586). Опыт исследования полит. и обществ. строя / И.И. Лаппо. – СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1901. – Т. I. – 780 с.
11. Якубовский, И.Б. Земские привилегии Великого княжества Литовского / И.Б. Якубовский // Журнал М-ва народного просвещения. – Пр., 1903. – № 4, 5. – С. 240 – 278.
12. Любавский, М.К. Литовско-русский сейм. Опыт из истории учреждения в связи с внутренним строем и внешней жизнью государства / М.К. Любавский. – М.: О-во истории и древностей рос. при Моск. ун-те, 1900. – 850 с.

13. Статут Великого княжества Литовского 1529 года: Текст, перевод и словарь-комментарий / под ред. К.И. Яблонскиса. – М.: Изд-во АН БССР, 1960. – 253 с.
14. Максимейко, Н.А. Источники уголовных законов Литовского статута / Н.А. Максимейко. – Киев: Тип. ун-та св. Владимира, 1894. – 184 с.
15. Юхо, И.А. Общественно-политический строй и право Белоруссии в XVI веке: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / И.А. Юхо; Киевск. гос. ун-т им. Т.Г. Шевченко. – Киев: Б.И., 1980. – 47 с.
16. Довнар-Запольский, М.В. Государственное хозяйство Великого княжества Литовского при Ягеллонах / М.В. Довнар-Запольский. – Киев: Тип. Ун-та, 1901. – 884 с.
17. Kosman, M. Historia Bialorusi / M. Kosman. – Wrocław, Warszawa, Krakow, Ossolineum, 1979. – 405 s.
18. Бардах, Ю. Литовские статуты – памятники права периода Возрождения / Ю. Бардах // Культурные связи народов Восточной Европы в XVI в.: Проблемы взаимоотношений Польши, России, Украины, Белоруссии и Литвы в эпоху Возрождения: сб. ст. / АН СССР; под ред. Б.А. Рыбакова. – М.: Наука, 1976. – С. 71 – 82.
19. Документы Московского архива Министерства юстиции / предисл. М.В. Довнар-Запольского. – М., 1897. – Т. 1: Тексты актов Литовской Метрики. – 570 с.
20. Лазутка, С.А. Первый Литовский Статут: Палеогр. и текстол. анализ списков / С.А. Лазутка, Э. Гудавичюс. – Вильнюс: Митнис, 1983. – Т. 1, ч. 1. – 419 с.
21. Ясинский, М.Н. Уставные земские грамоты Литовско-Русского государства / М.Н. Ясинский. – Киев: Унив. тип., 1889. – 210 с.
22. Юхо, И.А. Основные черты судоустройства и судопроизводства по Статуту Великого княжества Литовского 1529 года / И.А. Юхо // Первый Литовский Статут 1529 года: материалы респ. науч. конф., посв. 450-летию Первого Статута, Вильнюс, 27 – 28 нояб. 1979 г.; редкол.: С. Лазутка (отв. ред.) [и др.]. – Вильнюс: Минвуз Лит ССР, 1982. – С. 146 – 154.
23. Пісьмовыя крыніцы па гісторыі Беларусі IX – XVIII ст.: Метад. парады на курсе «Крыніцазнаўства гісторыі Беларусі» для студэнтаў спец. 02.07 – «Гісторыя» / Гродзен. дзярж. ун-т ім. Я. Купалы; склад. В. Палуцкая. – Гродна, 1993. – 70 с.
24. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 1 – 39. – Вильна: Тип. Губ. права, 1895. – Т. 22: Акты Слонимского земского суда. 1555 – 1570 гг. – 471 с.
25. Бершадский, С.А. Литовский Статут и польская конституция: ист.-юрид. исслед. / С.А. Бершадский. – СПб.: Тип. М. Стасюкевича, 1893. – 114 с.
26. Русская историческая библиотека, издаваемая археографическою комиссиею. – Спб., 1903. – Т. 20: Литовская Метрика. Отд. 1, ч. 2. – 1599 с.
27. Любавский, М.К. Областное деление и местное управление Литовско-русского государства ко времени издания первого Литовского статута / М.К. Любавский. – М.: Унив. тип., 1892. – 884 с.
28. Акты, издаваемые Виленскою комиссиею для разбора древних актов. Т. 1 – 39. – Вильна: Тип. Губ. права, 1897. – Т. 24: Акты о боярах 1491 – 1796 гг. – 547 с.
29. Законодательные акты Великого княжества Литовского XV – XVI вв.: сб. материалов / подгот.: И.И. Яновкин. – Л.: Гос. соц. экон. изд-во, Ленингр. отд., 1936. – 153 с.

Поступила 08.04.2011

**THE INFLUENCE OF THE INTERNATIONAL EXPERIENCE
ON THE LEGISLATIVE SYSTEM DEVELOPMENT AND GENTRY'S LEGAL CULTURE
FORMATION IN THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA IN XV – FIRST THIRD XVI CENTURIES**

I. UVAROV

The present work is devoted to the actual theme, linked with such a phenomenon as that in some separated cities of the medieval Europe of XIV – XV centuries was achieved a high level of the legal system and the citizens lack obedience. At that time in the Grand Duchy of Lithuania under the propagated legal ideas of international importance were formed the preconditions for creation of the proper systematic law that was the «Sudebnik» of the great Duke Kazimer Jagellonchik in 1468. However, the new conditions of the life of feudal society in the Grand Duchy lead to the necessity of renewing of the legislation of the whole country that had to respond to the interests of the privileged estate of gentry. These reasons and a lot of others promoted the growth of the legal consciousness and the legal culture flourishing of the gentry. The result of it was published by the government of Grand Duchy of Lithuania «Statute» of 1529.

УДК 348.84.038(476.5)

**ПРАТЭСТАНТЫЗМ У ПОЛАЦКІМ ВАЯВОДСТВЕ
Ў ДРУГОЙ ПАЛОВЕ XVI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XVII СТАГОДДЗЯ****В. У. ЯКУБАЎ**
(*Полацкі дзяржаўны ўніверсітэт*)

Артыкул прысвечаны праблемам існавання пратэстанцкіх супольнасцяў у Полацкім ваяводстве ў XVI – XVII стагоддзях. Паказаны асноўныя падзеі ў канфесіянальнай гісторыі, уплыў на развіццё мясцовых кальвінісцкіх і лютэранскіх збораў эканамічных і палітычных фактараў як на рэгіянальным, так і на міжнародным узроўні, раскрываюцца пытанні ўзаемаадносін паміж пратэстанцкай, праваслаўнай, каталіцкай, уніяцкай абшчынамі горада і ваяводства. Робіцца выснова аб значнай залежнасці полацкіх пратэстантаў ад знешніх фактараў: рыжскіх лютэран, маскоўскіх юдаізантаў, дзейнасці езуітаў і праваслаўных, дзяржаўнай знешняй і ўнутранай палітыкі, падтрымкі феадалаў.

Гісторыя полацкай пратэстанцкай абшчыны (збору) вельмі слаба асветлена ў гістарыяграфіі. На сённяшні дзень вядомы толькі тры спецыяльныя артыкулы [1 – 3], а таксама працы аўтараў і ўзгадкі пра некаторыя моманты лакальнай гісторыі і асобаў мясцовых пратэстантаў. Галоўнай прычынай гэтага з’яўляецца амаль поўная адсутнасць першакрыніц, якія былі знішчаныя яшчэ ў XVI – XVII стагоддзях падчас войнаў і рэлігійных канфліктаў. Матэрыялы афіцыйнага справаводства па гісторыі пратэстанцкіх суполак азначанага перыяду і спрэчак вакол царкоўнай, мяшчанскай, шляхецкай маёмасці змяшчаюць комплекс “Літоўскай метрыкі” і Віленскі архіў пратэстанцкіх суполак [4].

Кантакты нямецкіх рэфарматараў з мяшчанами і шляхтай на тэрыторыі Полацкага ваяводства, верагодна, пачаліся пасля замацавання свабоды для лютэранскага веравызнання ў Інфлянтах у 1524 годзе. Гэтаму бяспрэчна спрыялі традыцыйныя сувязі з Рыгай, на якой быў завязаны полацкі гандаль. Не выключана, што ў асяроддзі рыжан у Полацку і магла функцыянаваць нейкая пратэстанцкая суполка. Яна магла атрымаць нямецкі касцёл, які быў у горадзе згодна з ранейшымі міжнароднымі дамовамі пасля перамогі Рэфармацыі ў Інфлянтах. Дакументы па жыцці нямецкай грамады і касцёла (збору) у горадзе пакуль не ўведзены ў навуковае абарачэнне.

Разам з тым, акрамя заходняга накірунку, змены ў традыцыйны погляд на хрысціянства для праваслаўнай большасці полацкіх мяшчан прынеслі маскоўскія ўцекачы-“іўдаізаны”: Феадосій Касы, Арцёмій і Фама. Яны заклікалі выкідаць з хат і цэркваў іконы, адмаўлялі святасць таямніц, манаскую аскезу і сцвярджалі, што царква замінае спасцігаць літасць Хрыста. Іх актыўнасць справакавала сутыкненні з праваслаўнай грамадой у Віцебску і іх перасяленне ў глыб Вялікага княства Літоўскага. У Полацку застаўся Фама, які ажаніўся на палачанцы і, магчыма, быў мясцовым пратэстанцкім святаром (міністрам) [1, с. 26].

У 1550-я гады, верагодна, быў заснаваны полацкі мяшчанскі збор, феадальнымі патронамі якога стала частка мясцовай шляхты. Згодна з інфармацыяй, якую падаюць маскоўскія крыніцы, праваслаўная большасць была варожа настроена да пратэстантаў. Летам 1562 года ў Полацку існавала пагроза анты-пратэстанцкага пагрому з боку праваслаўных [5, с. 76]. Іван IV маскоўскі паход на горад у 1563 годзе ідэалагічна абгрунтаваў уціскам праваслаўных з боку “бязбожнай Літвы і прыскверных Лютор” [6, с. 90]. Застаецца адкрытым пытанне аб рэальных адносінах праваслаўных да пратэстантаў, і хто былі гэтыя “люторы”: мясцовыя іншаверцы ў шырокім сэнсе, прыбалтыйскія лютэране, прыхільнікі маскоўскіх уцекачоў, ці гэты тэрмін калька тагачаснага польскага зняважлівага азначэння ератыкоў – “Iotr”. Таксама праблемнай на сёння застаецца лакалізацыя і колькасць пратэстанцкіх збораў у Полацку. Вядома, што ў 30 – 60-я гады XVII стагоддзя мясцовы кальвінісцкі збор месціўся на вуліцы Вялікай у Запалоцці, побач з домам Стаброўскіх [3], але па другім звесткам, верагодна, – на месцы будучага касцёла Францішка Ксавэрыя [7, с. 26], насупраць езуіцкага калегіума, каля рынку, мог быць малітоўны дом для рыжскіх лютэран.

Пасля захопу Полацка маскоўскімі войскамі ў 1563 годзе, паводле загаду цара Івана Жалівага, Фаму-“іўдаізанта” патапілі ў Дзвіне. Горад стаў выключна праваслаўным. Ацалелыя мяшчане перанеслі збор у Дзісну. Падчас найбольшага пашырэння Рэфармацыі ў 1550 – 1570 гадах XVI стагоддзя ў ВКЛ склалася прэсвітарыянская, синадальная мадэль арганізацыі евангеліцка-рэфармацкіх абшчын, у якую ўвайшлі Віленскае, Наваградскае, Брэсцкае, Рускае, Завілейскае, Жамойцкае суперінтэнданцтвы. Да Рускага суперінтэнданцтва адносіліся: Менск, Полацк, Орша, Віцебск, Мсціслаў [4, с. 24].

Пасля адваявання горада ВКЛ пратэстанты вярнуліся ў Полацк. Верагодна, у 1580 – 1590 гады галоўным патронам збору быў полацкі ваявода і, адпаведна, мясцовы войт Крыштоф Манівід Дарагастайскі (1576 – 1597), па фундацыі якога і быў адноўлены збор ужо ў 1579 годзе [8, с. 34]. У канцы XVI стагоддзя вялікая частка полацкай шляхты заставалася пратэстантамі (Стаброўскія, Дарагастайскія, Друцкія-

Саколінскія, Лукомскія, Цяпінскія, Корсакі), аднак у мяшчанскім асяроддзі пратэстанты перасталі быць значнай групай. Падчас наступлення контррэфармацыі пры Стэфане Баторыі (1576 – 1586) і Жыгімонце Вазе (1588 – 1632) пачынаюцца спробы стварэння абарончага саюза некатоліцкіх канфесій (разнаверцаў). Палітычнаму аб'яднанню пратэстантаў і праваслаўных садзейнічалі злоўжыванні мясцовых улад і канфлікты за былую царкоўную маёмасць.

Полацкія ваяводы К. Манівід Дарагастайскі і Андрэй Паўлавіч Сапега (1597 – 1613) жылі пераважна ў Кракаве і Вільні, а ўрад перадавалі ў субарэнду. Асабліва неппулярным сярод мяшчан стаў А.П. Сапега, які мала таго, што перадаваў пасаду ў трыманне Паўлу Сапезе і Даніэлю Шчыгу Забельскаму (вядомых сваімі эканамічнымі злоўжываннямі супраць полацкіх і віленскіх мяшчан), але апантана імкнуўся пашырыць каталіцтва ў горадзе [9, с. 226 – 227; 10, с. 169 – 226].

З самага пачатку свайго кіравання ў ваяводстве ён увайшоў у канфлікт з мясцовай элітай, калі склаў пратэст супраць інструкцыі полацкага перадсоймавага з'езда 27 студзеня 1598 года і прызначэння двух пратэстантаў пасламі ад ваяводства. Паслы павінны былі “стаяць намёртва да перамогі” ў абароне правоў праваслаўных дызунітаў, пратэстантаў і аўтаноміі касцёла ВКЛ ад Польшчы, а А.П. Сапега быў абвінавачаны ў прысваенні фальваркаў (Чарсвяты і Курылавічы), якія належылі полацкаму замку [11]. Гэты канфлікт дасягнуў сваёй вяршыні вясной 1599 года, калі слугі ваяводы паспрабавалі прымусіць мяшчан замыкаць свае крамы ў каталіцкія святы [12, с. 173]. Пачаліся хваляванні, раззлаваны мяшчане пагражалі спаліць замак, горад, касцёл св. Стэфана і езуіцкі калегіум, а самі перасяліцца да маскоўскіх аднаверцаў [13, с. 221 – 222]. У гэтым змаганні мяшчане выйгралі. Ужо з 1600 года А.П. Сапега вымушаны быў шукаць пакупніка на пасаду, а калі ў 1609 годзе ваявода наведаў Полацк, ізноў пачаліся хваляванні, і ён мусіў выехаць з горада. Прадаць пасаду ўдалося толькі ў 1613 годзе.

Неабходна адзначыць, што канфлікт пратэстанцкага і праваслаўнага насельніцтва Полацка з католікамі меў глыбокія эканамічныя падставы. Паводле ўніверсала 22 студзеня 1582 года, Стэфан Баторый перадаў 322 вымарачных і царкоўных (Полацкага архіепіскапства) зямельных надзелаў у горадзе і наваколлі езуітам [14, с. 165]. Акрамя традыцыйна дамінуючай праваслаўнай большасці ў Полацку, на манаполію якой пачалося рэальнае наступленне, у разгледжаны перыяд змянялася і колькасць пратэстанцкіх двароў, якіх паводле запісаў сінодаў 1636 і 1643 гадоў у горадзе было каля 15 [2, с. 26].

На сённяшні дзень не захавалася дастаткова крыніц, прысвечаных правядзенню Рэфармацыі ў шляхецкіх маёнтках і горадзе напярэдадні і падчас Інфлянцкіх войнаў 1558 – 1582 гадоў і пераходу царкоўнай маёмасці ў прыватныя рукі. Мяшчане імкнуліся захапіць землі, якія перайшлі ва ўласнасць езуітаў у 1582 годзе; многія з іх на момант выдачы каралеўскага ўніверсала на стварэнне калегіума жылі на іх. Шляхта праводзіла судовыя спрэчкі і іншымі метадамі змагалася за маёнткі з езуітамі і каталіцкім клірам. Кнігі судовых запісаў Метрыкі ВКЛ канца XVI – XVII стагоддзяў змяшчаюць вялікую колькасць дакументаў, прысвечаных маёмасным канфліктам паміж мясцовым насельніцтвам і езуітамі. Толькі за 1605 год [15, с. 41] езуіты судзіліся з полацкімі зямлянамі Янам Нарушэвічам, Аляксандрам і Філонам Сцяпанавічамі Казачонкамі [15, с. 51], з Янам Варлехоўскім за валоданне пашай полацкага Машонцкага манастыра каля р. Дзісна, а ў верасні 1606 года – з кухмістрам ВКЛ Мікалаем Сапегам за маёмасць вакол Наўліцкага возера, якая раней належала Спаскаму манастыру. Шэраг уладанняў, і не толькі зямельных, у Полацкага архіепіскапства, спасылаючыся на прывілеі ранейшых гаспадароў, адсудзіла віленская капітула. Так, у 1608 годзе адбыўся шэраг судовых спраў паміж шляхтай, мяшчанамі і нават полацкім уніяцкім архіепіскапам Г. Бральніцкім за права шынкаваць гарэлку ў кутнай карчме ў Віцебску [16, с. 113 – 119].

Акрамя езуітаў-католікаў значныя канфлікты былі паміж насельніцтвам і ўніяцкім клірам. Перадзена ўніятам частка ўласнасці полацкага архіепіскапства змяніла гаспадароў пасля Інфлянцкай вайны, а з іншага боку, сам працэс увядзення Берасцейскай уніі стварыў праблемы з легітымнасцю кіраўніцтва грэка-каталіцкай царквы, што ў сваю чаргу дазваляла насельніцтву шукаць магчымасці адмаўляцца ад выканання царкоўных абрадаў і феадальных павіннасцяў на яго карысць.

Найбольш моцныя канфлікты ўзніклі з пратэстанцкай часткай шляхты, якая захапіла пасля вайны царкоўную маёмасць і не жадала яе вяртаць. Нават спробы цэнтральных улад атрымаць адэкватную ацэнку маёмасці, сутыкнуліся са значным супраціўленнем. Спаслаўшыся на загад свайго пана, слугі М. Монівіда Дарагастайскага з узброенымі полацкімі казакамі на чале з Станіславам Бароўскім, 1 – 13 студзеня 1588 года не дапусцілі каралеўскага камісара Ф.І. Гадзецкага зрабіць люстрацыю маёмасці полацкага ўладыкі [17]. У 1597 годзе полацкі ўніяцкі мітрапаліт Г. Загорскі паспрабаваў адсудзіць маёнткі полацкага Барысаглебскага манастыра, якія (верагодна, пасля вайны) былі заняты Корсакамі, Саламярэцкімі і Жыжкевічамі і іх жонкамі-сёстрамі, народжанымі Корсакамі, аднак развязка канфлікта наступіла толькі ў 1619 годзе [18]. Дзейнасць па вяртанні маёмасці ўніятам і прымусэнне да пераходу праваслаўных у грэка-каталіцтва з боку І. Кунцэвіча справакавала выступленні супраць яго ў Полацку, Магілёве і затым яго забойства ў Віцебску [19, с. 111 – 113].

Паводле падлікаў М. Ледке, у гэты перыяд прыкладна пяць прадстаўнікоў роду Корсакаў былі кальвіністамі [20, с. 119 – 120]. Яны былі багацейшымі феодаламі ваяводства і адным з найбольш шматлікіх, але непаслядоўных пратэстанцкіх родаў ВКЛ. Найбольш уплывовым прадстаўніком дому ў гэты час з’яўляўся Юры Корсак, які займаў сенатарскія пасады кашталяна менскага, затым полацкага (1597 – 1618), ён жа стаў правізарам евангеліцкага сінода ў 1597 годзе [21, с. 253].

У 1600 годзе Г. Загорскі пры абароне слугі, абвінавачанага за разбой у Полацку, выкарыстоўваў сваіх татар-мусульман, якія забілі аднаго з вяззеных слуг і схавалі злчынца. Уніаты А. Корсак Галубіцкі і Д. Корсак і “іншыя хрэсціяне” папрасілі І. Пацея прыехаць у Полацк не толькі з-за таго, што Г. Загорскі “паганцаў пры царкве Божай хавае”, але і з-за таго, што па яго бяздзейнасці “замак і могілкі побач з царквой не раз крывёй памазаны” [22, с. 9]. Магчыма, што эмацыянальнасць ліста тлумачыцца ўплывам эканамічнага канфлікту паміж уніяцкім архіепіскапам і мацнейшым феадальным родам ваяводства – Корсакамі.

У снежні 1605 года Г. Бральніцкі адсудзіў вёску Парогі Мікольскія, што раней належала сабору св. Сафіі, якую скарбны ВКЛ і дзісенскі староста Лукаш Мамоніч захапіў сабе ў 1579 годзе [15]. Цікава, што ў судовых справах фігуруе тлумачэнне ад шляхты, што ў 1579 годзе С. Баторый дазволіў пры вызваленні Полацкага ваяводства ад маскоўцаў феодалам, якія прыйдуць змагацца, атрымаць тое, што тыя захопяць сваімі сіламі. Аднак гэтае абяцанне, відаць, не было запісана і пры разглядзе справаў на падставе апытання камісарамі мясцовых жыхароў, агучвання прывілеяў і попісаў маёмасці сабора св. Сафіі была даведзена прыналежнасць вёсак да ўладывства [15].

Духоўнае жыццё пратэстантаў у Полацку гэтага часу не вылучалася багаццем. Мясцовыя пратэстанты не маглі прыраўняцца да езуітаў, якія жылі ў горадзе, сярод якіх трэба адзначыць першага рэктара Полацкага калегіума, каралеўскага казначэя П. Скаргу і аднаго з лепшых новалацінскіх паэтаў і прамоўцу эпохі П. Сарбеўскага. Пратэстанты праводзілі публічныя дыспуты з езуітамі, прыцягваючы на дапамогу прадстаўнікоў з іншых гарадоў. Найбольш вядомы быў дыспут 1589 года паміж полацкімі езуітамі і кальвіністамі (або антытрынітарыямі) С. Будным і Ф. Даманеўскім. Навучанне ў езуіцкім калегіуме ўключала ўдзел у дыспутах з разнаверцамі, а калі яны не з’яўляліся на спрэчку, іх аргументы агучвалі самі настаўнікі, аднак пасля гэтага значных публічных дыспутаў паміж пратэстантамі і католікамі ў Полацку не фіксавалася.

Слабасць пратэстанцкага мяшчанства горада ў некаторай ступені кампенсавалася іх палітычнай актыўнасцю, саюзам з праваслаўнымі і наяўнасцю вялікай колькасці кальвіністаў сярод шляхты. Наяўнасць саюза разнаверцаў не дазваляе размяжоўваць інцытывы і дзеянні праваслаўных і пратэстантаў. Для вырашэння сваіх праблем палачане як грамада без увагі на розніцы ў веравызнанні ўступалі ў хаўрусныя адносіны паміж сабой і з мяшчанамі іншых гарадоў. Так, у лістападзе 1605 года віленскія і полацкія мяшчане паспрабавалі дамагацца трыбунальскага суда над кіеўскім уніяцкім мітрапалітам І. Пацеем.

Эканамічныя і палітычныя канфлікты розных грамадскіх слаёў з прадстаўнікамі свецкай і царкоўнай улады зрабілі Полацкае ваяводства адным з найбольш апазіцыйных да Жыгімонта Вазы падчас рокашу Я. Радзівіла – М. Зэбжыдоўскага ў ВКЛ 1606 – 1608 гадоў. Ахова інтарэсаў разнаверцаў была адной з галоўных задач полацкага пасла на сойм 1606 года, парнаўскага кашталяна П. Стаброўскага (у 1599 годзе ён быў правізарам сінода ВКЛ [21, с. 259]), аднаго з найбольш яркіх аратараў і соймавых дзеячоў падчас рокашу 1606 – 1608 гадоў. Пад яго ўплывам на рэляцыйным соймаку 16 мая 1606 года шляхта выступіла на баку ракашан і выслала двух паслоў на Люблінскі ракашовы сойм (Язэпа Есьмана і Фрыдрыху Неміровіча Шчыга). Інструкцыя паслам была падпісана 30 шляхціцамі, пераважна некатолікамі [23]. На грамадскім з’ездзе 2 лютага 1607 года 40 полацкіх шляхціцаў, галоўным чынам кальвіністаў і праваслаўных, звярнулася з падзякай за барацьбу за іх свабоду да маршалка рокашу Я. Радзівіла. На соймаку 19 сакавіка 1607 года справа дайшла да падзелу ўдзельнікаў. Адна частка запатрабавала завяршэння рокашу і прызначыла на з’езд пад Енджэювам пасламі П. Стаброўскага, Д. Корсака і П. Каніньскага, якім было загадана дамагацца ўраўнавання вісліцкіх (рэгаліцкіх) і сандамірскіх (ракашовых) артыкулаў, пазбаўлення Віленскага праваслаўнага брацтва ад усялякага прыцяснення, прасіць караля аб зацвярджэнні полацкага ўладыкі, якога павінна была абіраць сама полацкая шляхта, і абароне ўласнасці архіепіскапства падчас вакансіі [24; 25]. Кароль паабяцаў задаволіць шмат з патрабаванняў разнаверцаў, а сойм 1607 года заклікаў мясцовае насельніцтва да адбудовы св. Сафіі, пашкоджанай яшчэ падчас Інфлянцкіх войнаў 1559 – 1582 гадоў, у якой павінны былі не толькі спраўляцца рэлігійныя абрады, але і захоўвацца мяшчанская і шляхецкая дакументацыя [26].

Паражэнне ракашан не змяніла асноўных патрабаванняў полацкай шляхты ў канфесійнай сферы: полацкая інструкцыя на сойм 1611 года патрабавала ад свайго пасла П. Стаброўскага настойваць на выкананні канстытуцыі 1609 года “аб рэлігіі грэцкай” і пакаранні ўдзельнікаў віленскага тумульту 1609 года (пагрому і спалення католікамі мясцовага збору), падтрымаць віленскіх мяшчан у іх змаганні з І. Пацеем, прасіць выпусціць з вязніцы пісара Віленскага брацтва Л. Карповіча і спыніць ўсялякія ўніяцкія “інквізіцыі”

(злоўжыванні) у дачыненні да праваслаўных. Дакумент падпісалі кальвіністы П. Стаброўскі, Міхал Друцкі-Сакалінскі, Фрыдрых Лукомскі і ўніят А. Корсак-Галубіцкі [8, с. 267; 27, с. 89].

Арышт, накладзены на маёмасць П. Стаброўскага пасля рокашу, захоўваў моц да 1618 года, тым не менш ён працягваў актыўна ўдзельнічаць не толькі ў палітычным, але і царкоўным жыцці. Паводле яго прапановы, з сялян у маёнтках пратэстанцкай шляхты ў 1611 годзе быў уведзены падатак у 6 грошаў на сінод. На сінодзе 1615 года ў маёнтках евангеліцкай шляхты прапанавалася забараніць будаваць новыя і дабудоваць старыя цэрквы, там дзе іх раней не было [4, с. 29]. “Для разбудовы царквы”, збліжэнні з насельніцтвам сінод дазволіў у Рускім дыстрыкце пры святкаванні святаў у 1616 годзе адзначыць іх па старым (юліянскім) і па новым (грыгарыянскім) календары [4, с. 38].

Актыўнымі прадстаўнікамі полацкай кальвінісцкай шляхты з сярэдзіны XVI стагоддзя сталі Франкевічы Радзімінскія. Справу падтрымкі разнаверцаў на агульнадзяржаўным узроўні ў пачатку XVII стагоддзя працягваў Ян Франкевіч Радзімінскі, які ў 1623 годзе перадаў віленскаму збору на наём пяхоты 50 злотых [4, с. 83], а ў 1624 годзе ён быў абраны дырэктарам сінода [4, с. 91]. Аднак увогуле маёмаснае становішча полацкіх пратэстантаў было кепскім, таму па рашэнні віленскага сінода на патрэбы полацкага збору ў 1621 годзе П. Стаброўскаму са скрынкі сінода было выдадзена 20 коп грошай [4, с. 65], а ў 1622 годзе ў рукі сеньера полацкага збору Марціна Прылюбскага – 300 злотых ад Паўла Маслоўскага. У тым жа 1622 годзе да палачан быў дасланы міністр Сімон Серуаціўс, які павінны быў таксама па дамоўленасці з мясцовым зборам ездзіць да Глыбокага [4, с. 70]. У 1632 годзе полацкі сеньёр Крыштоф Гарайскі папрасіў сінод аб запрашэнні новага прапаведніка; у 1634 годзе будынак збору быў знішчаны падчас вайны супраць Маскоўскай дзяржавы 1632 – 1634 гадоў. Але ўжо ў 1634 годзе збор падтрымала жонка Яна Пуцяты, і ў 1636 годзе тут зноў з’явіўся сталы прапаведнік – Мусоніюш. Ён засведчыў тагачасную сітуацыю – збор знаходзіцца ў заняпадзе з-за “непрывяцеля маскавіціна і адсутнасці падтрымкі з боку паноў-патронаў” [21, с. 219].

Полацкая шляхта ў 1632 годзе папрасіла вальны сойм дазволіць будаваць рознаверчыя, у тым ліку пратэстанцкія, зборы на старых месцах у гарадах і маёнтках шляхты. Аднак напруга паміж канфесіямі засталася. Значным скандалам ва ўнутрыпалітычным жыцці ўсёй Рэчы Паспалітай стала знішчэнне ў ноч з 23 на 24 ліпеня 1638 года, натоўпам якім кіравалі вучні езуітаў – маладыя Корсакі, кальвінісцкага збору ў Полацку. Кароль Уладзіслаў Ваза запатрабаваў ад мясцовага ваяводы Януша Кішкі і гарадскіх улад хапіць і пакараць вінаватых і прасачыць за выкараненнем усялякага ўціску над дысідэнтамі ў іх набажэнстве [8, с. 464]. На думку В. Галубовіча, да манарха інфармацыя пра падзеі, хутчэй за ўсё, трапіла дзякуючы падтрымцы біржанскіх Радзівілаў. Але відавочна і тое, што сам Уладзіслаў на жадаў пэцкаць рукі ў гэтай справе і “абачліва” даручыў яе Янушу Кішке. Ведаючы меланхалічны характар полацкага ваяводы, які не быў асобай публічнай і досыць слаба кантраляваў падначаленае яму ваяводства, можна не сумнявацца, што каралеўскае распараджэнне, калі і было выканана, то з мінімальнымі наступствамі для злачынцаў. Рэалізацыя прысуду не пераўтварылася ў гучную справу і ў Вялікім княстве Літоўскім вялікага розгаласу з нагоды пакарання не было. Гэта можна сцвярджаць ужо па тым, што ні ў Радзівілаўскім, ні ў Кішкаўскім архівах, ні ў захаваных полацкіх дакументах працягу справы знайсці не ўдалося [28, с. 67].

Слабасць мясцовай пратэстанцкай абшчыны прывяла да таго, што ў 1650 годзе полацкія езуіты паспрабавалі захапіць маёмасць збору, што прывяло да іх судовага супрацьстаяння з лідскім маршалкам Раецкім. Найбольш важным апекуном пратэстантаў ВКЛ у гэты час становіцца вялікі гетман Януш Радзівіл, якому сінод даручыў асабліваю апеку над полацкім зборам [21, с. 219]. Аднак на 1669 год некаторыя мяшчане, якія раней былі залежнымі ад збору, усё ж патрапілі пад уладу езуітаў [3, с. 68].

Па падліках В. Красінскага, у Полацкім ваяводстве ў разгледжаны перыяд налічвалася 5 кальвінісцкіх збораў, віцебскім – 7, месіслаўскім – 2, у мінскім – 11, з якіх толькі па два ў Менскім і Полацкім ваяводстве пратрывала да вайны 1654 – 1667 гадоў [21, с. 140]. Найбольш значнымі цэнтрамі пратэстантызму ў ваяводстве, акрамя Полацка, былі Глыбокае, Беразвечча, Княжыца і Цяпіна. Усе яны ўтрымліваліся за кошт феадальных патронаў – Васіль Цяпінскі на ўласныя сродкі заснаваў друкарню і збор у Цяпіна пад Лепелем, берасцейскі ваявода Крыштоф Зяновіч фундаваў кальвінісцкі збор у Глыбокім да 1616 года [21, с. 210], адзін з Прылюбскіх у 1622 годзе запісаў на полацкі збор 300 злотых, а другі з прадстаўнікоў гэтага роду папрасіў сінод аб прысылцы прапаведніка ў Беразвечча ў 1629 годзе [21, с. 208]. У першай палове XVII стагоддзя Юры Зяновіч заснаваў у Глыбокім кальвінісцкі збор, а пры ім школу. Заняпад пратэстанцкай абшчыны ў Глыбокім варта адносіць да пачатку XVII стагоддзя, калі Міхал Зяновіч змяніў сваю канфесію з пратэстанцкай на каталіцкую і заснаваў у мястэчку касцёл св. Міхала [29, с. 11].

Полацкі збор не займаў лідэрскай пазіцыі ў Рускім суперінтэнданцтве не толькі з пункту гледжання маёмасці і багатых патронаў, але і па ўдаласці кар’ер яго прадстаўнікоў у ВКЛ. Рускія суперінтэнданты, прынамсі ў другім дзесяцігоддзі XVII стагоддзя, не былі звязаныя з Полацкам: Марцін Цертуліян Белянскі (1614 – 1616) кансультаваўся з аршанскім судзей Варапаем, Федар Здановіч (1619 – 1620) быў казнадзеем у Оршы [4, с. 40], Ян Тамашэвіч (1621 – 1623) – рабіў казанні ў Менску, затым у Копысі [4, с. 126].

Хутчэй за ўсё першыństwo ў суперінтэнданцтве па эканамічных і палітычных матывах знаходзілася ў Менскага збору, які пры падтрымцы Радзівілаў і іншых патронаў-феадалаў праіснаваў да пачатку XIX стагоддзя [21, с. 140]. Так, у 1623 годзе было прынята рашэнне аб тым, што ў Менскім зборы былі ўведзены ахоўнікі-“пастаянныя мешканцы”, паколькі падчас Трыбунала ВКЛ у гэты горад прыязжаюць шматлікія вернікі розных канфесій і, адпаведна, трэба сачыць за памяшканнем і будынкам. Віцебскія зборы з 1570-х па 1680-я гады падтрымлівалі Саламярэцкія і Храпавіцкія [21, с. 226], мсціслаўскія – М. Нарушэвіч [21, с. 255] і Галоўчынскія [21, с. 251]. Разбурэнні і дэпартацыі насельніцтва падчас войнаў 1654 – 1667 гадоў прывялі да спынення існавання полацкага пратэстанцкага збору. Частка полацкіх пратэстантаў перасялілася ў Якабілс, і з іх асяродку, верагодна, паходзіла Марта Скаўронская (расійская імператрыца Кацярына I). У самім горадзе пратэстантызм працягвалі спавядаць немцы, на грошы якіх у XIX стагоддзі была збудавана лютэранская кірха на вул. Ніжняй Пакроўскай.

Заклучэнне. Стварэнне пратэстанцкай абшчыны ў Полацку знаходзілася пад моцным уплывам знешніх фактараў. Карані яе ўзнікнення знаходзяцца ў кантактах полацкіх мяшчан з прыбалтыйскімі лютэранамі і маскоўскімі “іўдаізантамі” ў сярэдзіне XVI стагоддзя. У 1563 – 1579 гадах падчас маскоўскай акупацыі дзейнасць пратэстантаў у горадзе была пад забаронай. Пасляваеннае аднаўленне пратэстанцкай абшчыны звязана падтрымкай значнай часткі шляхты (Манівід Дарагастайскія, Стаброўскія, Корсакі, Талвашы і інш.). На гэтым этапе асноўнай плынню ў межах пратэстантызму становіцца кальвінізм. З канца XVI стагоддзя да 1630-х гадоў дзейнічаў палітычны саюз паміж пратэстантамі і праваслаўнымі ў ўмовах падтрымкі афіцыйнымі ўладамі Рэчы Паспалітай контррэфармацыйнага руху. Пратэстанцка-праваслаўны саюз моцна ўплываў на выпрацоўку мясцовай шляхтай рашэнняў на соймаках, у якіх адлюстроўваліся інтарэсы некатолікаў і патрабавалася талерантнае стаўленне ад улад да пратэстантаў. Да сярэдзіны XVII стагоддзя адбываецца працэс паступовага пераходу прадстаўнікоў пратэстанцкай шляхты ў каталіцызм. Страта пратэстанцкай абшчынай палітычнай і эканамічнай апекі ад феадалаў, а таксама наступствы “тумульту” 1638 года і ваенныя разбурэнні 1632 – 1634 і 1654 – 1667 гадоў прывялі да істотнага змяншэння ўплыву пратэстанцкіх канфесій ў рэгіёне.

ЛІТАРАТУРА

1. Иванова, Л.С. Из истории реформационной церкви в Полоцке (вторая половина XVI – первая половина XVII в.) / Л.С. Иванова // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы навук. канф.; склад. Т.А. Джумантаева. – Полацк, 1992. – С. 25 – 27.
2. Говорский, К. О введении, распространении и судьбе кальвинизма в Белоруссии / К. Говорский // Вестн. Западной России. Год 2. Т. 4. – 1864, февраль. – Отд. 2. – С. 19 – 21.
3. Дзярновіч, А. Гарадская сядзіба Полацка XVII ст. (паводле інвентара з Радзівілаўскага архіва) / А. Дзярновіч // Гісторыя і археалогія Полацка і Полацкай зямлі: матэрыялы V міжнар. навук. канф., Полацк, 24 – 25 кастр. 2007 г. – Полацк: НППКМЗ, 2009. – С. 65 – 75.
4. Zbiór Pomników Reformacji kościoła polskiego i litewskiego / Serja IV, Zeszyt II: Akta Synodów prowincjalnych jednoty Litewskiej 1611 – 1625. – Wilno, Warszawa: Druk. Ginsa, 1915. – 136 s.
5. Янушкевіч, А. Загадка выправы Івана Грознага на Полацк / А. Янушкевіч // Архэ. Пачатак. – 2009. – № 4. – С. 76.
6. Александров, Д.Н. Борьба за Полоцк между Литвой и Русью в XII – XVI веках / Д.Н. Александров, Д.М. Володихин. – М.: Изд. предприятие «Аванта+», 1994. – 134 с.
7. Дук, Д. Сацыятапаграфічная структура і забудова Полацка ў XVI – XVII стст. / Д. Дук // Архэ. Пачатак. – 2010. – № 3. – С. 7 – 61.
8. Kempa, T. Wobec kontreformacji. Protestanci i prawosławni w obronie swobód wyznaniowych w Rzeczypospolitej w końcu XVI i w pierwszej połowie XVII wieku / T. Kempa. – Toruń: Wydawnictwo Adam Marszałek, 2007. – 624 s.
9. Витебская старина: в 5 т. / сост. и изд. А. Сапунов. – Витебск: Витебский губернский статист. комитет, 1883 – 1888. – Т. 5, ч. 1: Материалы для истории Полоцкой епархии. – 1888. – 650 с.
10. Inglot, S. Sprawy gospodarcze Lwa Sapehy / S. Inglot // Studia z Historii społecznej i gospodarczej, poświęconych profesorowi dr. Fr. Bujakowi. – Lwów: Nakład Wydawnictwa Polskiego, 1939. – S. 169 – 226.
11. Бібліятэка-архіў Чаргарыйскіх (BCz). – Rkps. 2234. sygn. 51. Instrukcja Połocka na zjazd Słonimski (1598 r.).
12. Sapieha, E. Dom Sapieżyński / E. Sapieha, J. Tazbir. – Warszawa: Wydawnictwo naukowe PWN, 1995. – 805 s.
13. Archiwum domu Sapiechów / wyd. A. Prochaska. – Lwów: Drukarnia zakładu narodowego imeni Ossolińskich, 1892. – Т. 1: (Listy z lat 1575 – 1606). – S. 221 – 222.
14. Памяць: гіст.-дакум. хроніка Полацка / рэд. кал.: Г.П. Пашкоў [і інш.]. – Мінск: БелЭн, 2002.
15. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі (НГАБ). – КМФ 18. – Спр. 291. Кніга запісаў метрыкі ВКЛ.

16. НГАБ. – КМФ 18. – Спр. 292. Книга записаў метрыкі ВКЛ.
17. 1588 декабра 13. Увязчій (вводный) ліст дворянина Годабскаго епископу Полацкаму Афонасию Терлецкому на владения архиепископии с инвентарём // Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. – Вильна, 1867. – Т. 1. – С. 167 – 174 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://pbc.biaman.pl/dlibra/doccontent?id=560&dirids=1>//date 4.10.2009.
18. Вернікоўская, А. Супраціўленне праваслаўных Полацкай епархіі ўвядзенню уніі і забойства Язафата Кунцэвіча // Беларускі гістарычны агляд, Снежань 2001. – Т. 8. Сшытак 1 – 2 (14 – 15) [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: <http://www.lingvo.minsk.by/~bha/08/bha08idx.htm>// date 4.10.2009.
19. Жукович, П.Н. Сеймовая борьба православного западно-русского дворянства с церковной унией с 1609 г. / П.Н. Жукович. – СПб.: Тип. главного управления уделов, 1904. – Т. 2. – 121 с.
20. Ledke, M. Od prawosławia do katolicyzmu. Rusczy możni i szlachta Wielkiego Księstwa Litewskiego wobec wzywań reformacyjnych / M. Ledke. – Białostock: Wydawnictwo uniwersytetu Białostockiego, 2004. – 313 s.
21. Krasieński, W. Zarys dziejów powstania i reformacji w Polsce / W. Krasieński. – Warszawa: Zwiastun Ewangeliczny, 1905. – Т. 2, cz. 2. – 274 s.
22. Kempa, T. Prawosławie i unia we wschodnich województwach WKL w końcu XVI i pierwszej połowie XVII w. / T. Kempa // Białoruskie zeszyty historyczne Białystok. – 2004. – Т. 22. – S. 5 – 41.
23. Архіў Галоўны актаў Даўніх (AGAD). – AR. – Dz. II. – Sygn. 450. Instrukcja szlachty Połockiej na zjazd Lubelski od 16. V. 1606 г. Połock.
24. AGAD. – AR. – Dz. II. – Sygn. 510. Інструкцыя шляхты Полацкага паведа ад 19.03.1607 г.
25. Wisner, H. Litwa wobec rokoszu (1606 – 1607) / H. Wisner // Kwartalnik Historyczny. – Warszawa, 1972. – Т. 1. – S. 294.
26. Volumina legum: w 9 t. / nakładem i drukiem Jozofata Ohryzki. – St. Petersburg: przedruk zbioru praw staraniem xx. pijarów w Warszawie, od roku 1732 do roku 1782, wydanego, Drukarnia J. Ohryzki, 1859. – Т. II: Ab anno 1550 ad annum 1609. – 450 s.
27. Мірановіч, А. Праваслаўная Беларусь / А. Мірановіч. – Беласток: Offset Print, 2009. – 352 s.
28. Міжканфесійныя адносіны ў Полацкім ваяводстве (другая палова XVI – першая палова XVII стст.): справаздача па НДР (заклуч.) / Полацкі дзярж. ун-т; кір. тэмы І.А. Бортнік. – Наваполацк, 2011. – 92 с. – № Г09ПЛ-003 от 01.04.2009 г.
29. Hedemann, O. Głębokie / O. Hedemann. – Wilno: Oddział Polskiego Towarzystwa krajoznawczego w Głębokiem, 1935. – 58 s.

Пасмыніў 26.11.2011

PROTESTANTISM IN POLOTSK VOIVODESHIP THE SECOND HALF OF XVI – THE FIRST HALF OF XVII CENTURIES

V. YAKUBAU

This paper deals with problems of the existence of Protestant communities in the Polotsk Voivodeship, in XVI – XVII century. Are the major events in religious history, impact on the local Calvinist and Lutheran charges of economic and political factors at both the regional and international levels, presents issues relation between Protestant, Orthodox, Catholic, Unitarian communities of city and province. It is concluded that a significant dependence of the Protestants of Polotsk on external factors: Riga Lutheran, Moscow Judaizant heretics, activities of the Jesuits and the Orthodox, the state's foreign and domestic policies, support for the feudal lords.

УДК 94(476):070

**ПОЛЕМИКА В ПРЕССЕ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ ВОПРОСУ В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ КРАЕ
(ПО СТРАНИЦАМ ГАЗЕТЫ «ОКРАИНЫ РОССИИ»)****Е.П. ЦУМАРЕВА***(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)*

Исследуется дискуссия левомонархической газеты «Окраины России» с органами польской и белорусской прессы, развернувшаяся в начале XX века. Отражены важнейшие темы полемики, среди которых особо выделены вопросы о степени влияния российской и польской культур в Северо-Западном крае, о признании белорусской нации и белорусского языка. Причинами дискуссии явилось разное видение российскими и польскими СМИ белорусского информационного пространства и дальнейшего исторического развития региона. В острой полемике между российской и польской прессой возникла своеобразная ниша для развития белорусской национальной печати. Данное утверждение автором раскрыто в русле популярной в современной историографии модели «ниши», суть которой заключается в том, что, создавая противовес польской гегемонии, имперские власти иногда сознательно, чаще невольно открывали простор для национально-культурного развития третьих сил.

В Российской империи начала XX века периодическая печать играла главенствующую роль в качестве средства массовой информации. В условиях усиления русификации формировалась почва для роста национальной активности [1, с. 148]. В 1905 году в России впервые сформировалась легальная многопартийная пресса [2, с. 4]. В такой ситуации издания были рупором определенных политических сил, которые добивались «своих целей путем печати» [3, с. 121]. Организованная в 1906 году в Санкт-Петербурге, газета «Окраины России» была посвящена «исследованию окраинных вопросов с чисто русско-государственной точки зрения» [4]. Цель данного исследования – осветить полемику в прессе по острым вопросам национального развития Северо-Западного края, основываясь на материалах еженедельника «Окраины России».

Основная часть. Характер отношений «Окраин России» с другими печатными изданиями во многом определился со дня его задумки, когда основатель издания А.М. Золотарев в письме А.С. Суворину охарактеризовал большую часть российской прессы как «недостаточно патриотичную», недалекую, «играющую даже в руку крамоле, в руку инородцам» [4]. Газета постоянно призывала к критике национальных движений на окраинах, однозначно расцениваемых ею как сепаратизмы; указывала на недовольство «молчанием» журналистики по проблеме роста национальных движений [5, с. 196]. «Окраины России» настоятельно предлагали власти ужесточить позицию в отношении прав и свобод прессы. Новые правила о печати, расширившие гласность и права изданий, признавались газетой «скоропелыми» и давшими толчок развитию «зловредной иудейско-польско-бундистской прессе», находящейся в руках «шулеров, шантажистов» [6, с. 502]. Критику вызвали постановления, воспрещающие СМИ суждение о каком-либо нарушителе закона. Эти постановления ограничивали возможность уличения на страницах газет чиновников, не поддерживающих русское дело в крае [7, с. 530]. Возмущение правого лагеря вызывал также рост свободного распространения по деревням Северо-Западного края «специальных» изданий для народа: «Пшияцель Люду», «Зожа Виленска», «Рольник Литевский» и множества брошюр, не соответствующих официально-охранительной позиции газеты [3, с. 121]. Монархическая пресса также описала пути «моментального» распространения «вредной» информации, особо выделив деятельность специальных корреспондентов в оппозиционных газетах, телеграф, почту, «посредство “Биржевки”, “Русского Слова”, “Речи”, “Раннего Утра”, “Свободного Слова” и др.» [7, с. 530].

В условиях обострения национальных противоречий газеты, книги, пропаганда представляли сильное оружие [8, с. 218]. Борьба между политическими лагерями ярко проявилась в соперничестве печатных изданий. «Окраины России» описывают такой прием политической борьбы, как бойкот, который был применен поляками в союзе с евреями в отношении монархических изданий «Западный Вестник» и «Белая Русь» [9, с. 140].

Со страниц газет политические силы обращались к аудитории прежде всего с целью влияния на выбор национально-политических приоритетов. Являясь национальной окраиной Российской империи, Северо-Западный край представлял собой территорию сосуществования и противоборства российских и польских политических элит. Вопрос о степени влияния двух центров являлся остро дискуссионным в общественном мнении и освещался различными органами печати поляризованно. Особое значение позиция прессы приобретала в атмосфере противостояния польской и русской культур и зарождения белорусской нации. Все политические и культурные процессы в крае, проявления самобытности белорусов

рассматривались сквозь призму польского вопроса [1, с. 139]. Постоянно в центре внимания стояла проблема соперничества за читателя-белоруса.

Печатные издания были мощным средством идеологии, средством выражения самоидентификации. Ярким свидетельством значения прессы как оплота национальных и религиозных взглядов является заметка о вновь строящемся костеле в м. Крены Виленской губернии. Под фундамент здания в торжественной обстановке были заложены не тексты евангелия, а «три номера патриотических газет – “Гонца Ежедневного”, ежедневного польского клерикального листка “Два гроша” и символизирующей возрождение – польской “Зари”». «Окраины России» расценивали эти газеты как политические «шпаргалки», а все действие охарактеризовали как «польский политический фарс» [10, с. 499].

Несомненный интерес представляет полемика альманаха с «Kurjer Litewski» о степени влияния русской и польской культуры в Северо-Западном крае. На страницах «Окраины России» местное население названо «тусклой и подчас неустойчивой частью русского элемента», которая по «слабости национального сознания» поддается инородческому влиянию. «Kurjer Litewski» задает вопрос: «вероятно это белорусский элемент?», тем самым подчеркивая существование этноса. «Окраины России» видели миссию русской интеллигенции в укреплении национального сознания в «белорусской части русского народа» посредством культурной работы [11, с. 218].

Продолжая полемику, «Гонец Виленский» (№ 195) отзывался так: «Очевидно, органу октябристов не до белорусов», считая, что газета не обсуждает главные проблемы белорусского общества: безграмотность, бедность, культурный застой, а печется «лишь бы белорус сделался русским» [12, с. 536].

Правая пресса неприемлемо относилась к идее о мирном соперничестве в крае обеих культур – польской и русской, раскрытой Красовским в «Виленском Вестнике». Автор допускал равноправие на совместную культурную работу, разграничение сфер этой работы. «Окраины России» считали, что принятие данной позиции будет означать признание за поляками права культивировать, т.е. «полонизировать» Литву [13, с. 218].

Многие газеты Северо-Западного края были обеспокоены лоббированием развития русского национализма и расценивали ситуацию как «нашествие» национализма. «Kurjer Wilenski» находил «развитие воинствующего национализма» губительным для государства, и считал, что его результатом может стать столкновение в крае других национализмов: литовского, польского, еврейского. На что «Окраины России» возражали, утверждая, что русский национализм всего лишь ответ «воинствующему национализму инородцев». Сокрушение у редакции вызывал факт, что даже некоторые русские, правые «также против национализма» [14, с. 329 – 330]. «Kurjer Litewski», кроме того, видел в деятельности монархической газеты не защиту русских интересов на окраинах, а «постоянные натравливания на инородцев». «Окраины России» пишут, что ложные обвинения выдвинуты потому, что они мешают польской печати «сеять... польскую ложь в России». Критикуются кадетские русские листки, «подпевающие» газетам «Kurjer Litewski», «Goniec Wilenski» [11, с. 218].

Остро обсуждаемым вопросом в данной теме явилось открытие в Минске отдела Всероссийского национального союза. «Kurjer Litewski» и «Slowo» рассматривали это событие как негативное для жизни края, полемизировали с новой русской газетой «Белорусская Жизнь». Так, «Kurjer Litewski» отмечал, что до этого события в крае русификаторами были «любители-националисты», слабоорганизованные, не имевшие возможности «слишком явно вести агитацию против нас». Возникновение данного общества расценено как «фаланга, которая захочет ворваться клином в нашу областную жизнь и объявит войну всему нероссийскому» [15, с. 376]. В контексте диспута «Окраины России» высказали надежду, что белорусы поведут войну против поляков-полонизаторов [15, с. 376].

Вопрос о польском влиянии в крае ярко проявился в дискуссии о введении земского самоуправления. Многие газеты, например октябристский «Голос Москвы», в обсуждении земского проекта печатали статьи, отражавшие колебания по польскому вопросу, на что обратили внимание «Гонец Виленский» и «Окраины России». В одной статье признавались права поляков в земском самоуправлении, в другой говорилось о польской опасности по поводу предполагаемого введения земства [12, с. 535]. Подобные сомнения были свойственны всему общественному мнению столиц и края.

В полемике между польской прессой, с одной стороны, и газетами «Виленский Вестник», «Северо-Западный Голос», литовской газетой «Vilniaus Zinios», с другой, «Окраины России» выступали с позиций поддержки изданий монархического лагеря [9, с. 140]. Альманах «Goniec Wilenski» назван «польской гончей, сильно оскалившей зубы», охарактеризован как «листок польских народовцев» [12, с. 535]. Его статьи о навязывании учащимся русской культуры «Окраины России» считали нелепым рассказом, фальшью, возбуждением «национального антагонизма» [11, с. 219].

Для монархической публицистики характерен взгляд на Беларусь как на внутреннюю периферию Российской империи. В прессе большое внимание отводилось белорусскому национальному вопросу. Данная полемика является свидетельством развития общественного мнения, в ходе которого многие либеральные силы поддерживали национальное движение в крае. Дискуссии в прессе по национальному

вопросу способствовали формулированию проблемы на государственном уровне, также влияли на формирование позиции правительства, выделяя опасные моменты для идеи целостности и независимости Российской империи.

Прежде всего, дискуссии вызвала проблема национальной школы, рассматривавшаяся также в Государственной Думе. Историческое развитие многонациональной империи поставило вопрос, каким должно быть преподавание на национальных окраинах, в котором правая пресса заняла жесткую позицию: «русское государство и русская национальная идея должны требовать для империи русскую национальную школу» [16, с. 679]. Возможность введения национальных инородческих школ «Окраины России» расценивала как путь России «к распадению государства» [16]. Газеты давали политические оценки деятельности депутатов, выступавших с идеей национальной школы на местах. Так, барон Мейендорф считал, что для народной русской школы не хватит русских культурных сил; литовский депутат Булат также доказывал пользу для государства от преподавания на «природном языке». Соответственно, речь октябриста барона Мейендорфа польская печать находила «высоко благородной, умной, правдивой и искренней». «Окраины России» же подчеркивали, что он инородец, дающий «рекламу инородческим культурным апостолам» [16]. Показательно, что партийная принадлежность не бралась в расчет, если взгляды депутата по национальному вопросу были расхожи с мнением газеты. Также после речи фон Анрепа польская печать выказывала уверенность, что вопрос о национальности учителей будет решен в «желательном для инородцев смысле» [16]. «Окраины России» считали позицию польской печати и польских депутатов в Государственной Думе «откровенно полонизаторской»; в организации преподавания призывали полагаться исключительно на свои, хотя и «скромные силы» [16].

Проявлением польского наступления в крае расценена позиция газет «Гонец Ежедневный», «Slowo» и др., считавших необходимым преподавание закона Божьего в начальных училищах для католического населения на польском языке [10, с. 499]. «Гонец Ежедневный» аргументом в пользу своего взгляда выдвигал, прежде всего, желание родителей в выборе языка обучения и данные опроса 1905 года, по результатам которого выбор был за польским языком [10, с. 499]. С мнением «Гонца» была солидарна газета «Slowo», которая приходила «в ужас при мысли, что “для белорусского населения, по мнению министерства внутренних дел, должен быть признан в костеле язык... российский”» [6, с. 375]. В ответ «Окраины России» считала необходимым подчеркнуть: «“Гонцу” и его единомышленникам, равно как и всем полякам, следовало бы оставить белорусов в покое... их судьба ближе к сердцу их кровным братьям великороссам» [10, с. 501].

Отдельно при рассмотрении в Государственной Думе национального вопроса выступала тема белорусского языка. «Kurjer Litewski» находил двойные стандарты в подходе к белорусскому языку: с одной стороны, в противовес польскому влиянию, русские националисты допускали обучение закону Божьему белорусов-крестьян «будто бы на языке белорусском», и в то же время не допускали этот язык в белорусских начальных училищах. «Окраины России» расценили статью как попытку иронии над депутатами [17, с. 312].

Рост национальных настроений в крае обеспокоил правые силы и ожесточил полемику в прессе. Монархическая пресса считала, что польская печать старается «раздуть значение “белорусинства”». В деле развития «сепаратистического взгляда» на будущее Северо-Западного края отмечены «Dziennik Petersburski», «Kurjer Litewski», «Gazeta Wilenska» и др. Неприязненное отношение вызвала корреспонденция польской газеты «Правда» о национальном движении белорусов, указывающая, что центром возрождения является часть исторической Белой Руси (Минская губерния и уезды Виленский и Дисненский Виленской губернии) как область с однородным белорусским населением, сохранившим «чистоту в простонародной культуре, обычаях, языке и традициях» [18, с. 413]. Систематически велась полемика с газетой «Slowo», выпускаемой в Варшаве. Так, «Slowo» (№ 124) обвиняло «Окраины России» в требованиях от правительства репрессий против «белорусинства» [19, с. 295]. «Окраины России» отрицала обвинения, однако четко высказала позицию: если «белорусинство» «не простая забава», а национальное движение наподобие «украинства», то «несомненно каждый... голос русской печати должен желать, чтобы сильная рука власти задержала развитие “сепаратизма”» [19, с. 295].

На основании анализа статей «Окраины России», можно во многом судить о развитии национальной прессы, так как количество критических статей увеличивалось, консервативная пресса все более высказывала беспокойство проявлением «энергии и искусства у предпринимателей белорусского сепаратизма» [20]. Центральное место в борьбе с белорусским национальным движением занимала борьба с газетой «Наша Нива». Как прием подавления, неприятия в отношении данного печатного издания употреблялся термин «газетка», а статьи определены как «коварные песни о сепаратизме», «грустное явление белорусского сепаратизма» [21]. Дозволительным правительством издания данного печатного органа расценивался как желание «пагубы белорусов» [22]. Показательным является нескрываемое злорадование о затруднениях «Нашей Нивы» при поиске редактора, денежное финансирование описано как «объедки... с польского стола» [23, с. 333]. Объективно отмечалось, что в «Нашей Ниве» есть статьи против ополячения, «доста-

ется в ней и польским панам, но как-то мягко, нежно...». Монархическая пресса расценивала это как популизм, так как «народ... читать не станет, если не будет чего-либо против поляков» [22, с. 307]. Противоречия между газетами ярко проявились в вопросе определения наций, населяющих Беларусь. «Нашей Нивой» был представлен взгляд на население Беларуси как на конгломерат наций: литвинов, поляков, «жидов», белорусов, русских [24]. Монархическая газета считала данную теорию неприемлемой [3, с. 122]. Особое негодование «Окраин России» вызывала позиция «Нашей Нивы», доказывающая существование белорусского языка. Многие статьи монархического альманаха начинаются фразами, что «Наша Нива» издается с целью «сочинить» белорусский язык, газета печатается на «quasi белорусском» языке [25, с. 446], печатается на «особом сочиненном жаргоне» [21, с. 681]. Критике подвержены статья С. Полуяна «Што рабиць?», где исследуется проблема языка преподавания в школах; статья В. Цитовича «Об нашей мове», где автор пишет: «Расейцы и поляки научились из нашей речи, а не мы из ихней» [20].

Полемику вызвали и исторические исследования, приведенные на страницах белорусского издания, в частности сведения о крепостном праве в Северо-Западном крае. Исследования доказывали ужесточение крепостного права после включения белорусских земель в состав Российской империи. В вопросе об отмене крепостного права приводилась сравнительная характеристика России и Европы, критиковался Манифест 19 февраля: «Какую волю крестьянам дали, – “об этом лучше не говорить”» [26, с. 12]. Данная позиция расходилась с официальной теорией спасения единоверного брата-белоруса от польского пана и ксендза, и “Окраины России” ставят вопрос: «значит, власть русских государей в крае, по словам этой газетки, оказалась для народа тяжелее польской» [26]. Монархическая пресса охарактеризовала данную статью как вранье. В опровержении, проведенном газетой «Крестьянин» и «Окраины России», подчеркивалось, что «была дана беспримерная воля», потому, что «ни в одном государстве крестьяне при освобождении... не получили земли», и только в России, благодаря Царю «крестьяне сразу... получили в собственность земельные участки. В других же государствах волю дали, но земли ни клочка» [26]. Далее проблема переводилась из экономического и правового аспекта в идеологический, и истинная свобода народа виделась в освобождении от влияния поляков «ксендзы и паны... держат народ... в темноте». В то же время отмечалось, что ксендзы и помещики организовали множество тайных «школок» для народа, которые вредили «правильно организованным» правительственным школам. Все это обозначено «духовной неволей» и «вторым крепостным правом» [26].

Политическая позиция «Нашей Нивы» неприемлема для консервативной прессы, так как в каждом номере содержался отчет о заседаниях Государственной Думы, «причем восхваляются все выступления оппозиции, особенно социалистов, и иногда поляков, всем правым достается от этой газеты...» [20, с. 97].

Особое внимание «Окраины России» уделила рассмотрению календаря, который был рассчитан на широкое распространение в народных массах. Неприятие вызвала религиозная толерантность и наличие трех рубрик в календаре: для православных, католиков и униатов, которых, по мнению монархического издания, «в Белорусии... совершенно пока нет, но которых затевал насадить там львовский униатский митрополит поляк граф Шептицкий» [20, с. 98]. В данном вопросе вероисповедное многообразие являлось препятствием в объединении белорусов и великороссов и всячески критиковалось газетой.

Среди белорусских изданий большое внимание уделено полемике с обществом «Загляне сонцэ і ў нашэ ваконцэ» и рассмотрению изданного им «Беларускага лемэнтара» (букваря). В критике названия как журналистский прием использованы антонимы: «скорее тьма заглянула бы в их окна, чем солнце» [27, с. 678]. Единственным критерием заботы о развитии «дзетак беларусаў» монархическая газета считала употребление всего российского: правописания, буквосочетания, оборотов речи [27]. «Окраины России» поместили аргументацию «Нашей Нивы» и «лемэнтара» о необходимости использования в печатных изданиях среди белорусов обоих азбук: кириллицы и «латинки». Это, по мнению общества, являлось основой для единства белорусского народа, ибо в этих азбуках выражаются «две культуры – восточная православная и западная католическая» [28, с. 3]. Ссоры белорусов-католиков с белорусами-православными авторами «лемэнтара» не поддерживались. Таким образом, белорусское пространство, в том числе информационное, авторами издания ощущалось как среда взаимовлияния и адаптации польской и русской культур. «Окраины России» проводила курс на разделение белорусского народа, а в попытке взгляда на белорусов-католиков и белорусов-православных как на единое целое видела польскую угрозу и опасность «русскому делу», исходила из тезиса противоборства культур. Поэтому газета охарактеризовала «лемэнтар» как изобретение «поляка или русского ренегата» [27, с. 677]. Монархическим альманахом был вынесен вердикт о вредности всех изданий общества, само петербургское общество названо полонизаторским [27, с. 678]. Критике подвергся и сельскохозяйственный журнал «Соха», издаваемый А. Власовым на белорусском языке.

В видении дальнейшего исторического развития края позиция белорусских и украинских деятелей национального движения огульно охарактеризована как мечты «наивных народников и сентиментальных федералистов» о Российских Соединенных Штатах. Данная позиция основывается на статье Сыромятникова в газете «Россия» [29, с. 75].

Редакционный состав «Окраин России» отслеживал деятельность печатных изданий в белорусских городах. Особое беспокойство монархической прессы вызывала малочисленность русских изданий в Вильне, где существовал всего один русский ежедневный орган – «Виленский Вестник» [9, с. 140]. Однако либеральная позиция этого «русского официоза» вызвала возмущение монархической прессы, так как в одной из своих статей «Виленский Вестник» допускал право на самоопределение народностей в Северо-Западном крае [22, с. 307].

Большое внимание уделено газетам «Минское Слово» и «Минский Голос». Две минские газеты сравнивались с позиций приверженности «правому, попираемому русскому делу на нашей окраине». В отношении «Минского Слова» дана положительная характеристика, особенно ее основателю и редактору, «покойному борцу за русское дело» Г.К. Шмиду, также руководителю Д.В. Скрынченко и секретарю редакции М.К. Шофэре, отмечено деятельное участие А.Н. Беляева [6]. В подведении некоторых итогов деятельности газеты по тысячному номеру, заслуги ее предлагалось считать по военному времени: она действовала «насаждая русские начала в крае и ведя энергично и победоносно войну с врагами России» [30]. «Честная русская газета» названа могучим орудием печатного слова для русских людей. Выделены категории читателей: сельские священники, псаломщики, народные учителя, крестьяне. По мнению редакции, существование подобных газет на окраинах приносит большую пользу [30].

Другая газета «Минский Голос» жестко критикуется. Прежде всего, частая смена ее названий обозначена как минус для солидной газеты, а критика издателей, как и других деятелей, начиналась с национальной и классовой принадлежности «панов и сионистов». Издатель, типограф Вульф Тасьман охарактеризован «безграмотным евреем». Газета «путем лжи и инсинуаций топчет в грязь все русское и всех русских», а также православие. Однозначной проблемой выделена поддержка «еврейско-бундистской шайки “Голоса”» некоторыми чиновниками, которые названы «шабес-гоями». Среди «предателей», сотрудников этой газеты назван помощник губернатора Доронин, прозванный Хамелеоном, чье сотрудничество с газетой, по мнению правой прессы, представляло «иудейско-чиновный альянс». Деятельность газеты оценена как наносящая огромный вред государственности [6].

Отдельным вопросом являлся вопрос о типографии в г. Минске. Отмечено, что вследствие «безалаберного и неумелого хозяйничанья», крайнего недостатка в средствах, значительного уменьшения доходов и сокращения заказов, дороговизны Минская губернская типография оказалась в кризисе. Критиковался вице-губернатор, который «совершенно устранился от заведывания типографией». Впоследствии, с огорчением, пишут «Окраины России», что стало не осуществимо решение смотрителя типографии Савельева издавать неофициальную часть при «Губернских Ведомостях» [31]. Выход из сложившейся ситуации газета видела в устройстве собственной русской типографии по примеру Виленского «Русского Почина». В эту типографию предполагалось перевести «Минское Слово» [31].

Недовольство правой прессы вызвала деятельность издания «Витебский Голос», критика либеральной позиции которого начиналась с национальной характеристики коллектива: «ведется несомненно евреями и по-еврейски: безграмотно, враждебно ко всему русскому». Особую неприязнь монархической прессы «Витебский Голос» снискал за критику партий, «сеющих национальную рознь, лишаящих возможности дружественного сожительства» в крае [32]. Такими представлялись витебские октябристы.

Оценка газетой «Окраины России» белорусской прессы от похвалы до порицания менялась в зависимости от характера статей по национальному вопросу. Например, «Белорусская жизнь» в своих публикациях использовала термин «белорусский язык», высказывала мысль, что изучение белорусской духовной жизни началось сначала поляками, а затем русскими. Это вызвало критику у монархической прессы. Однако после статей в «Белорусской жизни» о притеснении поляками русских и критики белорусов, поддерживающих поляков, монархическая печать устранила высказываемые ранее подозрения о «самоопределенческом направлении» этой газеты [29, с. 75].

Заключение. В рассмотрении национального развития Северо-Западного края газетой «Окраины России» ярко прослеживается антипольский рефрен. Газета стояла на позиции интегрирования края в имперское пространство, развитие белорусов виделось исключительно под эгидой России. По языковому, этническому, религиозному, управленческому и другим вопросам велась жесткая полемика с польской прессой. В этих сложных условиях формировалась национальная периодика, представлявшая новый взгляд на белорусскую нацию, язык и культуру.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горизонтов, Л.Е. «Большая русская нация» в имперской и региональной стратегии самодержавия / Л.Е. Горизонтов // Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности; под науч. ред. Б.В. Ананьича, С.И. Барзилова. – М.: Моск. обществ. науч. фонд, 2001. – С. 129 – 151.
2. Махонина, С.Я. История русской журналистики начала XX века: учеб.-метод. компл. (учеб. пособие, хрестоматия) / С.Я. Махонина. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 386 с.

3. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1908. – № 8. – С. 121 – 122.
4. Российский государственный архив литературы и искусства. – Фонд 459. – Оп. 1, ед. хр. 1536. Письма А.С. Суворину.
5. Новый поход на Белоруссию // Окраины России. – 1908. – № 13. – С. 195 – 197.
6. Леонидов, М. Обзорение событий и украинная жизнь. Минск-губ. / М. Леонидов // Окраины России. – 1910. – № 34 – 35. – С. 502.
7. Леонидов, М. Обзорение событий и украинная жизнь. Минск-губ. / М. Леонидов // Окраины России. – 1910. – № 36 – 37. – С. 530.
8. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1908. – № 14. – С. 218.
9. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1907. – № 9. – С. 138 – 140.
10. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1910. – № 34 – 35. – С. 499 – 501.
11. Обзор печати. Вильна // Окраины России. – 1909. – № 15. – С. 218 – 219.
12. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1909. – № 37 – 38. – С. 535 – 536.
13. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1908. – № 14. – С. 217 – 218.
14. Подъем русского национализма на Западной окраине // Окраины России. – 1911. – № 22. – С. 329 – 330.
15. Из польской печати // Окраины России. – 1911. – № 24. – С. 375 – 376.
16. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1910. – № 47. – С. 679 – 681.
17. Из польской печати // Окраины России. – 1912. – № 20. – С. 311 – 312.
18. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1909. – № 27 – 28. – С. 413.
19. Из польской печати // Окраины России. – 1912. – № 19. – С. 295.
20. Кулаковский, П. Русские сепаратизмы / П. Кулаковский // Окраины России. – 1912. – № 7. – С. 97 – 99.
21. Кто такие белорусы? // Окраины России. – 1912. – № 48. – С. 681 – 682.
22. Кулаковский, П. Новый вид сепаратизма – белорусофильство / П. Кулаковский // Окраины России. – 1907. – № 20. – С. 305 – 308.
23. Бобринский, В.А. Белая Русь / В.А. Бобринский // Окраины России. – 1911. – № 22. – С. 330 – 333.
24. Новое товарищество для шырэння асьветы // Наша Ніва. – 1908. – 4(17) стычня. – С. 5.
25. Из польской печати // Окраины России. – 1909. – № 29 – 30. – С. 446 – 447.
26. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1912. – № 1. – С. 12 – 14.
27. Божелко, Т. Заслуживают ли распространения в Северо-Западном крае «лемэнтар» и др. книги на «беларуском» языке, изд. общества «Загляне сонцэ»...? / Т. Божелко // Окраины России. – 1908. – № 47. – С. 676 – 678.
28. Гутаркі з чытачамі. Які шрыфт? // Наша Ніва. – 1912. – 23(7) лютаго. – С. 2 – 3.
29. Обзорение событий и украинная жизнь. Вильна // Окраины России. – 1911. – № 5. – С. 74 – 75.
30. Отголоски. Из Минска // Окраины России. – 1910. – № 22. – С. 334.
31. Из Минска // Окраины России. – 1907. – № 43. – С. 626.
32. Обзорение событий и украинная жизнь // Окраины России. – 1906. – № 39. – С. 659.

Поступила 15.06.2011

**DISPUTE IN PRESS ON THE NATIONAL ISSUE IN THE NORTHWEST REGION
(ON MATERIALS OF THE NEWSPAPER «OKRAINY ROSSII»)**

E. TSYMAREVA

The dispute of the left-monarchic newspaper “Okrainy Rossii” with the bodies of Polish and Belarusian press in the beginning of the XX century is examined in the article. The most essential topics of the dispute (among which issues of the degree of influence of Russian and Polish cultures in the Northwest Region, recognition of Belarusian nation and language are especially underlined) are depicted. The reasons for the discussion are the differences in vision of the Belarusian information space and further historical development of the region, which occurred in Russian and Polish media. In the acute debates between Russian and Polish press peculiar niche for the development of Belarusian national printed media occurred. The given statement is disclosed in the terms of the popular in the modern historiography “niche” model, which essence is that creating the counterbalance for Polish hegemony, imperial authorities sometimes consciously, more often involuntarily opened the scope for national-cultural development of the third forces.

УДК 351.749.6(476)(091)

**ОБРАЗОВАНИЕ И СТРУКТУРА ОРГАНОВ ЖАНДАРМСКОЙ ПОЛИЦИИ
НА ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГАХ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

*канд. ист. наук А.И. МУРАШКО
(Академия МВД Республики Беларусь, Минск)*

Рассматривается политика, проводимая руководством Российской империи в сфере обеспечения правопорядка и общественной безопасности на железных дорогах белорусских губерний во второй половине XIX – начале XX века. Исследуются процесс образования и структурно-организационные особенности жандармских полицейских управлений железных дорог. Указываются причины привлечения экстерриториальных подразделений жандармерии для обеспечения правопорядка на железных дорогах. В контексте жандармской реформы 1866 – 1867 годов рассматриваются изменения в сфере деятельности жандармской железнодорожной полиции. В частности, в результате жандармской реформы подразделения железнодорожной жандармерии вышли из подчинения Министерства путей сообщения и приобрели новый статус – органов правопорядка государственного механизма Российской империи. В работе отмечается, что структура органов железнодорожной полиции, разработанная в конце 60-х годов XIX века, к началу XX века перестала соответствовать реально складывающейся оперативной обстановке на железнодорожном транспорте и требовала реформирования.

Строительство железных дорог общего пользования в Российской империи началось в 1836 году с возведения Царскосельской железной дороги [1, с. 36]. К 1861 году эксплуатировались Царскосельская, Николаевская, отдельные участки Петербурго-Варшавской и Варшавско-Венской железных дорог. Всего было построено и сдано в эксплуатацию более 1,5 тыс. км железных дорог [1, с. 313 – 320]. Продолжалось строительство Петербурго-Варшавской, Московско-Нижегородской, Московско-Орловской, Орловско-Динабург-Либавской железных дорог, общей протяженностью около 4 000 км [1, с. 79].

Активное развитие железнодорожного транспорта в Российской империи вызвало необходимость привлечения к строительным работам значительного количества людей. В 1845 году на строительстве Петербурго-Московской (Николаевской) железной дороги, по данным полицейского управления этой дороги, было задействовано 50 719 рабочих, в 1846 году – 63 000 человек [2, с. 101]. Основную рабочую силу составляли крестьяне, иногда привлекались солдаты. Условия организации строительных работ и быта рабочих были тяжелыми, порой невыносимыми. Усугублялось положение рабочих беспощадной эксплуатацией, обманом в расчетах за выполненные работы, казнокрадством, коррупцией со стороны чиновников и подрядчиков. В таких условиях повышалась криминальная активность рабочих, выражавшаяся в виде массовых беспорядков, волнений и побегов со строительства, открытых столкновениях с приказчиками и представителями администрации. При строительстве Царскосельской железной дороги в 1836 году из 3 000 человек, работавших летом, к октябрю осталось только 750 [3, с. 23]. При строительстве Петербурго-Московской железной дороги побег крестьян с работ стали постоянными и приобрели массовый характер. Только с января по октябрь 1846 года с железной дороги бежало более 2 100 человек [2, с. 144]. Кроме того, тяжелое положение рабочих, задействованных на строительстве дорог, отрицательно сказывалось на взаимоотношениях с местным населением, что ухудшало криминогенную обстановку.

Для обеспечения порядка и общественной безопасности при строительстве, а затем и при эксплуатации железных дорог в 1844 году было организовано Полицейское управление Николаевской железной дороги и при нем жандармский эскадрон. Полицейское управление и жандармский эскадрон насчитывали 10 жандармских офицеров, 2 гражданских чиновника и 166 жандармских нижних чинов. На их содержание железной дорогой ежегодно выделялось до 50 тыс. руб. серебром [4, с. 24].

Привлечение жандармов к обеспечению порядка на строительстве железных дорог было обусловлено тем, что линии железных дорог строились на территории различных губерний и уездов, на разной отдаленности от населенных пунктов. Экстерриториальные жандармские команды и эскадроны, обладавшие значительной мобильностью передвижения, наиболее подходили, по сравнению с территориальными подразделениями полиции, для выполнения задач по охране порядка на железных дорогах.

Деятельность Полицейского управления Николаевской железной дороги не регламентировалась законами. В докладе главноуправляющего путями сообщения и публичными зданиями П.А. Клейнмихеля императору Николаю I «Об организации на время строительства Петербурго-Московской железной дороги особого полицейского управления» от 15 марта 1844 года отмечалось, что создание управления необходимо для осуществления контроля за тем:

- «1) чтоб рабочие были хорошо и удобно размещены;
- 2) чтоб все они были довольствуемы от подрядчиков сытною и свежю пищею и в достаточном количестве;

3) чтоб больные были своевременно призрены и каждый из них получал надлежащую помощь;

4) чтоб подрядчик расплачивался с рабочими своевременно и правильно» [5, с. 62].

На докладе собственноручная резолюция Николая I «Исполнить согласно предложению ...» [5, с. 62].

Подчинялись жандармы непосредственно главноуправляющему путями сообщения и публичными зданиями.

Основная часть. Первой железнодорожной линией, проложенной по территории белорусских губерний Российской империи, был участок железнодорожной магистрали С.-Петербург – Варшава от станции Поречье до Гродно. Строительство железной дороги началось в 1851 году. Постоянное движение поездов по дороге открылось 15 декабря 1862 года [6, с. 27].

Со строительством С.-Петербургско-Варшавской железной дороги связано появление на территории белорусских губерний органов железнодорожной жандармерии. 27 июля 1861 года император Александр II утвердил «Положение о полицейских управлениях С.-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог» [7, с. 195]. Именно это Положение положило начало созданию первых органов, обеспечивающих порядок на железных дорогах Беларуси.

Для осуществления полицейского надзора на С.-Петербургско-Варшавской железной дороге из чинов Корпуса Жандармов было создано Полицейское управление С.-Петербургско-Варшавской железной дороги. Управление состояло из 95 человек: начальника Полицейского управления, штаб-офицера Корпуса жандармов – 1; обер-офицеров Корпуса жандармов – 8; унтер-офицеров старшего оклада – 6; унтер-офицеров младшего оклада – 6; рядовых старшего оклада – 32; рядовых младшего оклада – 32; денщиков – 10. Место пребывания управления было определено в г. Вильно. Обер-офицеры располагались в Санкт-Петербурге, Пскове, Динабурге, Вильно, Гродно, Белостоке и Варшаве. Нижние чины размещались по станциям, в той мере, как «окажется действительная в том надобность» [7, с. 197, 282 – 283]. Помещения всем чинам Полицейского управления при станциях выделялось железной дорогой.

Управление находилось в ведении главноуправляющего путей сообщения с подчинением инспектору дороги. В круг обязанностей железнодорожных жандармов входило: наблюдение за точным исполнением рабочими и подрядчиками обязательств по осуществлению строительных работ; попечение о сохранении порядка на станциях и между проезжающими, служащими и проживающими на железных дорогах; разбирательство жалоб, предъявляемых рабочими, подрядчиками, служащими, проезжающими и проживающими на железных дорогах. Кроме этого, начальники управлений обязаны были осуществлять паспортный контроль над лицами, задействованными на железных дорогах [7, с. 195 – 196]. В своей деятельности жандармам рекомендовалось избегать сколь можно переписки и «решать полюбовно большее число дел чрез свое личное влияние» [7, с. 197].

В 1863 году началось строительство Динабургско-Витебской железной дороги [6, с. 31]. В декабре 1863 года были созданы Полицейские управления Рижско-Динабургской и Динабургско-Витебской железных дорог [8, с. 322]. Всего Полицейские управления насчитывали 28 жандармов. При исполнении своих служебных обязанностей они должны были руководствоваться «Положением о полицейских управлениях С.-Петербургско-Варшавской и Московско-Нижегородской железных дорог» 1861 года [8, с. 365 – 366].

В апреле 1866 года после неудачного покушения на Александра II шефом жандармов и Главным начальником III отделения собственной его императорского величества канцелярии (далее – с. е. и. в. к.) назначается генерал-лейтенант граф П.А. Шувалов [9, с. 43]. Первые мероприятия, проведенные графом П.А. Шуваловым как руководителем жандармского ведомства, были направлены на создание из Корпуса жандармов мощного органа политической полиции, способного обеспечить государственную безопасность. С этой целью была подготовлена и проведена жандармская реформа. Суть жандармской реформы сводилась к подчинению всех жандармских подразделений Российской империи единственному органу управления, во главе которого находился шеф жандармов.

Первым этапом жандармской реформы было подчинение жандармских полицейских управлений железных дорог шефу жандармов. К апрелю 1866 года в Российской империи действовало шесть жандармских полицейских управлений железных дорог [9, с. 47], из них два управления обслуживали участки железных дорог, проходящие по территории белорусских губерний. В правовом отношении железнодорожные жандармы находились в подчинении железнодорожной администрации, по сути, являлись ведомственным силовым органом Министерства путей сообщения. В апреле 1866 года по ходатайству П.А. Шувалова было создано полицейское управление Царскосельско-Петергофской железной дороги. Назначенные в него жандармы подчинялись Корпусу жандармов, а не инспекции железных дорог. Министр путей сообщения П.П. Мельников о создании полицейского управления заранее не был уведомлен [9, с. 49]. Этим шагом П.А. Шувалов ясно показал, что собирается вывести все жандармские полицейские управления железных дорог из подчинения инспекций железных дорог. И действительно в декабре 1866 года на основании доклада шефа жандармов императору Александру II последовал указ о подчинении железнодорожной полиции жандармскому руководству. На жандармские полицейские управления железных дорог кроме обязанностей по исполнению функций наружной полиции возлагались наблюдательные обязанности

политической полиции. Комплектование, прохождение службы и ответственность железнодорожных жандармов теперь зависели непосредственно от жандармского руководства [10, с. 34]. Взаимоотношения с железнодорожной администрацией сводились к тому, что: 1) «чины полицейских управлений железных дорог а) обязаны были исполнять все предписания министра путей сообщения, обращенные к ним непосредственно; б) исполнять все законные требования инспекции железных дорог, не противоречащие их обязанностям, в смысле водворения нарушенного порядка, а равно успешного и безостановочного движения всех поездов». В случае же невозможного выполнения требований железнодорожной инспекции жандармы должны были об этом докладывать своему руководству; 2) инспекторам железных дорог при установлении нарушений со стороны жандармов предоставлялось право доводить об этом до сведения шефа жандармов [10, с. 34].

9 сентября 1867 года император Александр II утвердил «Положение о Корпусе жандармов», которое определяло структуру и управление Корпусом жандармов, права и обязанности жандармов, комплектование корпуса, содержание и управление хозяйственной частью [10, с. 35 – 52]. Основные принципы организации служебной деятельности, заложенные в «Положении о корпусе жандармов», просуществовали практически без изменений до 1917 года и распространялись на всех жандармов, в том числе и железнодорожной полиции, которая структурно входила в Корпус жандармов. Принятие этого Положения было завершающим этапом жандармской реформы, в результате которой подразделения жандармской железнодорожной полиции приобрели новый статус – органов правопорядка государственного механизма Российской империи.

В результате жандармской реформы все жандармские подразделения были подчинены шефу жандармов, который осуществлял руководство в строевом отношении через Штаб корпуса, а по наблюдательной части через III отделение собственной его императорского величества канцелярии. Непосредственное руководство и контроль за деятельностью жандармских полицейских управлений железных дорог осуществляли структурные подразделения Штаба Отдельного корпуса жандармов, в частности, до 1893 года – пятое отделение Штаба, после 1893 года – 3 отделение [9, с. 45].

Дальнейшее строительство железных дорог на территории Беларуси предопределило создание новых подразделений жандармской железнодорожной полиции. Со строительством Витебско-Орловской железной дороги связано образование в июне 1868 года Жандармского полицейского управления Витебско-Орловской железной дороги [11, с. 892]. В августе 1868 года это управление было объединено с Жандармским полицейским управлением Рижско-Динабургской и Динабурго-Витебской железных дорог в Жандармское полицейское управление Митаво-Риго-Орловской железной дороги [12, с. 160]. Начальником управления был назначен полковник фон Роткирх [13, д. 1, л. 3]. В октябре 1869 года на Жандармское полицейское управление Митаво-Риго-Орловской железной дороги дополнительно были возложены обязанности по обеспечению порядка на строящихся Московско-Смоленской и Елецко-Орловской железных дорогах, управление было переименовано в Жандармское полицейское управление Митаво-Риго-Елецкой и Московско-Смоленской железных дорог [14, с. 122 – 123].

4 марта 1870 года было принято решение о строительстве Смоленско-Брестской железной дороги [6, с. 34], в августе 1870 года формируется Жандармское полицейское управление Московско-Брестской железной дороги, в состав которого было передано два отделения Жандармского полицейского управления Митаво-Риго-Елецкой и Московско-Смоленской железных дорог, последнее переименовывается в Жандармское полицейское управление Митаво-Риго-Елецкой железной дороги [15, с. 186 – 187].

Строительство дополнительных железнодорожных веток изменяло районы обслуживания жандармских полицейских управлений и вызывало неизбежную реорганизацию последних. Так, в октябре 1870 года в ведение Жандармского полицейского управления Митаво-Риго-Елецкой железной дороги передается ветвь железной дороги до г. Царицына и Волго-Донская железная дорога, управление реорганизовывается в Жандармское полицейское управление Риго-Царицынской и Волго-Донской железных дорог; Жандармское полицейское управление Московско-Брестской железной дороги включило в свою зону обслуживания железные дороги от Москвы до Ярославля и от Бреста до Киева и стало официально называться Жандармским полицейским управлением Ярославско-Брестской и Брестско-Киевской железных дорог [15, с. 327 – 328]. В июле 1871 года штаты указанного управления были увеличены в связи со строительством железной дороги от Ярославля до Вологды, а управление реорганизовано в Жандармское полицейское управление Вологодско-Ярославско-Московской и Московско-Брестско-Киевской железных дорог [16, с. 48].

С введением в эксплуатацию Ландворово-Роменской железной дороги связано образование в марте 1873 года Минского жандармского полицейского управления железных дорог, в зону обслуживания которого были переданы Московско-Брестская и Ландворово-Роменская железные дороги. Управление включало 6 отделений: Московское, Смоленское, Минское, Брестское, Бобруйское, Гомельское, и насчитывало в штате 8 офицеров, 175 нижних чинов и 2-х писарей [13, д. 1, л. 1 – 6].

С появлением новых железных дорог на территории Беларуси появлялись либо реорганизовывались из старых новые жандармские полицейские управления. К 1891 году порядок на железных дорогах Беларуси обеспечивали жандармы 18 отделений, входящих в состав пяти жандармских полицейских

управлений (Московско-Брестского, Виленского, С.-Петербурго-Варшавского, Варшавского, Киевского). Общее количество личного состава составляло 453 чина. Из них 5 начальников управлений, 5 адъютантов, 18 начальников отделений, 18 вахмистров, 407 унтер-офицеров [17]. В 1916 году железные дороги Беларуси находились в зоне обслуживания 21 отделения шести жандармских полицейских управлений (Московско-Рижского, Виленского, Варшавского, Киевского, Петроградо-Виндавского, Северо-Западных железных дорог). Личный состав насчитывал 606 служащих [18].

Необходимо отметить тенденцию увеличения количества подразделений жандармской железнодорожной полиции. Основная причина этого кроется в активном развитии железнодорожного транспорта во второй половине XIX – начале XX века, в увеличении функциональной нагрузки на деятельность жандармов. Со временем подразделения жандармской полиции стали наиболее многочисленны по сравнению с другими органами политической полиции. Для сравнения, в пяти губернских жандармских управлениях, действовавших на территории белорусских губерний в 1891 году, насчитывалось 72 жандарма, в 1916 году – 81 жандарм [17; 18].

Как отмечалось ранее, железнодорожная жандармская полиция была экстерриториальным органом правопорядка. Принятый 16 марта 1867 года «Порядок учреждения жандармского надзора на вновь проводимых железных дорогах» определял структурно-организационное построение подразделений железнодорожной жандармерии. Структура железнодорожной жандармерии строилась линейно, по линии железных дорог (линейный принцип построения органов внутренних дел на транспорте сохранился до настоящего времени). В ведении каждого жандармского полицейского управления железных дорог должно было находиться не более 2 тыс. верст железнодорожного пути. В свою очередь жандармское полицейское управление включало жандармские отделения, которые обслуживали участки железной дороги по 200 верст. Отделения делились на унтер-офицерские пункты, размещенные на железнодорожных станциях. На каждую станцию назначались по два унтер-офицера, а на столичные станции – по три жандарма [19, с. 165].

Функционировала жандармская железнодорожная полиция в рамках строго ограниченной территории, которая включала железнодорожные пути, вокзалы, станции, железнодорожные постройки и часть территории по обе стороны от рельсов, что входило в понятие «полоса отчуждения». Подъездные пути и ветви, предназначенные для частного пользования их владельцев, находились в зоне обслуживания местной городской и уездной полиции по принадлежности [20, с. 6 – 7].

Железнодорожная полиция, как и все жандармские подразделения, являлась военизированным формированием. Поэтому устройство жандармского полицейского управления железных дорог имело строгую военизованную иерархичность и выглядело следующим образом. Жандармское полицейское управление являлось структурным подразделением военного министерства и входило в состав Отдельного корпуса жандармов. Поэтому общее руководство деятельностью жандармских полицейских управлений железных дорог осуществлял командир этого корпуса. Непосредственно же управлением руководил начальник в звании полковника или генерал-майора. Применительно к воинским подразделениям должность начальника жандармского полицейского управления приравнивалась к должности командира полка.

Начальник управления руководил служебной деятельностью подведомственных ему служащих, организовывал исполнение законов и подзаконных актов, принятых вышестоящими органами, и в то же время издавал свои приказы, указания и разъяснения по организации служебной деятельности. Он распределял районы деятельности офицерских и нижних чинов, определял функциональные обязанности своих подчиненных, порядок несения полицейской службы на узловых станциях, которые находились в ведении нескольких отделений, осуществлял контроль за правильностью исполнения железнодорожными служащими обязанностей, которые были на них возложены. Не менее одного раза в два месяца начальник управления проверял на месте организацию и несение службы подведомственными жандармами в отделениях. При инспектировании отделений особое внимание уделялось порядку ведения секретного делопроизводства, вопросам уголовного и политического розысков, регистрации служащих и проживающих лиц в районе отделения, своевременному рассмотрению заявлений о происшествиях и жалоб, служебной подготовке нижних чинов отделения, подготовке района отделения для безопасного следования императорских поездов, хранению служебного имущества, квартирного расположения и материальным нуждам служащих отделения. При изучении службы нижних чинов обращалось внимание: на их общеобразовательное развитие и нравственные качества; строевую подготовку и знание действующих уставов воинской службы; степень подготовки к практической полицейской деятельности; знание судебных законов, Общего устава Российских железных дорог и подготовку к расследованию преступлений, проступков и происшествий на железных дорогах; знание инструкций и распоряжений, касающихся обеспечения безопасности при следовании императорских поездов; знание правил технической эксплуатации железных дорог; умение работать с телегайпом; ведение документации. По результатам издавался приказ, в котором отмечались положительные и отрицательные моменты организации служебной деятельности, выявленные при проверке. В обязанности начальника управления входила организация встреч и сопровождений императорских поездов, а также своего непосредственного начальства, исполнение особых поручений, возлагаемых ими лично на него. Дважды в год начальником проводились инспектор-

ские смотры [20, с. 78 – 87]. Он также рассматривал и проводил служебные расследования по поступившим к нему жалобам на жандармов [20, с. 87 – 88]. Кроме этого, начальник управления обязан был заботиться об обеспечении материальных нужд своих подчиненных и др. [20, с. 96].

Делопроизводством управления занимался адъютант, который назначался из числа обер-офицеров корпуса жандармов, окончивших подготовительные курсы при Штабе Отдельного корпуса жандармов. В подчинении у адъютанта находилось два писаря. Все делопроизводство жандармских полицейских управлений было сосредоточено в канцеляриях. Канцелярия состояла из трех частей: строевой, хозяйственной и секретной. В строевой части велись и хранились: «книга приказов, послужные списки офицерских и классных чинов, алфавитные послужные списки нижних чинов, журнал взысканий, наложенных на офицеров, журнал входящих и исходящих бумаг и рассылная книга» [21, л. 86 – 87], нормативные правовые акты (Свод Военных Постановлений, приказы по военному ведомству, приказы и циркуляры Отдельного корпуса жандармов и Министерства внутренних дел и др.). В хозяйственной части хранились документы, относящиеся к финансово-хозяйственной деятельности управления. В секретной части содержались секретные документы, касающиеся вопросов политического розыска, наблюдательной деятельности, оперативно-розыскной и следственной работы и др.

Жандармское железнодорожное отделение являлось основным исполнительным подразделением железнодорожной полиции. Возглавлял отделение начальник в звании подполковника или ротмистра. В соответствии с воинской структурой должность начальника отделения приравнивалась к должности командира жандармского эскадрона. На начальника отделения были возложены обязанности по организации служебной деятельности подчиненных ему жандармских нижних чинов. Он лично отвечал за правильным исполнением ими своих должностных обязанностей. Поэтому организация первоначальной подготовки поступивших на службу унтер-офицеров, проведение с ними занятий по изучению документов, регламентирующих деятельность жандармов, были вменены в обязанности начальника отделения. Начальник отделения обязан был полностью владеть оперативной обстановкой в районе своего отделения, хорошо знать свой район со всеми техническими и жилыми постройками, железнодорожных служащих и членов их семей, работающих и проживающих в пределах зоны обслуживания отделения, их политическую благонадежность. Не менее раза в месяц начальник обязан был лично инспектировать район своего отделения. Он самостоятельно проводил дознания по уголовным делам и важным происшествиям, рассматривал жалобы на подчиненных унтер-офицеров. В его обязанности входило сопровождение в районе своего отделения высших должностных лиц и непосредственного начальства и др. [20, с. 102 – 112].

В некоторых отделениях (в основном в приграничных) для осуществления контроля за соблюдением паспортного режима назначались помощники начальников отделений в звании подполковника или ротмистра с правами младшего офицера в роте или эскадроне.

В подчинении у начальников отделений состояли нижние чины в званиях унтер-офицеров, старших унтер-офицеров и вахмистров. Вахмистром, как правило, назначался один из унтер-офицеров для «ближайшего заведования нижними чинами и передачи им служебных приказаний начальника отделения» [20, с. 7 – 8]. В отсутствие начальника отделения вахмистр практически исполнял его функции, ему разрешалось вскрывать служебную документацию, адресуемую на имя начальника, при осложнении оперативной обстановки мог принимать соответствующие меры по ее стабилизации. В его обязанности входило проведение занятий по служебной подготовке с унтер-офицерами. На него возлагались функции по хозяйственной части, в частности он отвечал за исправное состояние казенного имущества и форменное обмундирование унтер-офицеров.

Унтер-офицеры распределялись по наиболее крупным станциям – унтер-офицерским пунктам. На пункте находилось не менее двух унтер-офицеров.

Подобная структура жандармского полицейского управления железных дорог сохранилась вплоть до расформирования жандармских подразделений в марте 1917 года.

Рассматривая структурно-организационное устройство жандармского полицейского управления, надо отметить, что к концу XIX века структура жандармской железнодорожной полиции перестала соответствовать реальным потребностям осуществления порядка на железных дорогах. В первую очередь это было связано с развитием железнодорожного транспорта, активным включением его в социально-экономические процессы Российской империи, приобретением им статуса стратегического объекта государства.

Указанная протяженность районов управления и отделений не всегда соответствовали действительности. На практике районы управлений и отделений определялись с учетом интенсивности движения железнодорожного транспорта и пассажиропотока. В 1891 году жандармские полицейские управления железных дорог, действовавшие на территории белорусских губерний, обслуживали от 1810 до 2784 верст железнодорожного полотна, районы отделений составляли от 196 до 294 верст, количество жандармов в отделениях насчитывалось от 16 до 32 человек [17].

С осени 1897 года по личному распоряжению императора начала работать особая межведомственная комиссия, учрежденная для надзора порядка организации и устройства жандармской полиции на железных дорогах [22, с. 165]. Перед комиссией стояла задача пересмотреть нормативно-правовое регулирование деятельности и структурно-организационное построение железнодорожной полиции. Основны-

ми рабочими вопросами комиссии были вопросы определения района деятельности железнодорожной полиции, организационно-штатная структура органов железнодорожной жандармерии, взаимоотношения полиции и железнодорожников.

К этому времени, как отмечал начальник Штаба Отдельного корпуса жандармов, структура жандармского полицейского управления железных дорог, определенная в 1867 году, не позволяла должным образом обеспечивать порядок на железных дорогах, устарела и нуждалась в реформировании. По его мнению, оптимальное количество отделений, входящих в состав жандармского полицейского управления, не должно было превышать 10 – 12, причем надо стремиться к тому, чтобы управление обслуживало целую железную дорогу без деления ее на участки (деление на участки необходимо было производить в случае большой протяженности железной дороги и невозможности ее обслуживания одним управлением), такой подход позволил бы более конструктивно обеспечивать взаимодействие жандармской полиции с железнодорожной администрацией. Учитывая пассажиропоток, развитость железнодорожной инфраструктуры, объем грузоперевозок, отделения было целесообразно разделить на три разряда по протяженности. К отделениям первого разряда должны были относиться отделения, прилегающие к столицам. Их район составлял не более 100 верст. Отделения, прилегающие к городам с населением в 150 тысяч и более человек, составляли второй разряд и обслуживали не более 200 верст. В других местностях, непосредственно не примыкающих к столицам и центрам, район отделения мог составлять до 300 верст и более [23, с. 42 – 43]. Определение количества нижних чинов в отделениях и распределение их по станциям должно было соответствовать оперативной обстановке в каждом конкретном районе отделения и утверждаться по особому наряду Штаба Отдельного корпуса жандармов. При расчете штатов жандармского полицейского управления, по мнению начальника этого штаба, необходимо было руководствоваться формулой: 1 унтер-офицер на 10 верст железной дороги [23, с. 45]. Кроме этого для правильной организации службы необходимо было увеличить количество обслуживающего персонала: писарей, делопроизводителей и др. При таком подходе расчеты показали, что для приведения жандармской железнодорожной полиции в соответствие с потребностями необходимо было увеличить количество унтер-офицерского состава на 347 и обслуживающего состава на 265 человек. Расходы на их содержание для казенных и частных железных дорог составили бы ежегодно – 135 981 рубль и одновременно – 24 853 рубля [22, с. 166]. В Министерстве финансов, ознакомившись с расчетами, не поддержали предложения об увеличении количества чинов железнодорожной полиции, а, наоборот, поставили вопрос об их сокращении [22, с. 166]. Таким образом, отсутствие у самодержавного аппарата финансовых возможностей дополнительного финансирования жандармской железнодорожной полиции не позволяло изменить устаревшую организационно-штатную структуру жандармского полицейского управления железных дорог, что отрицательно сказывалось на деятельности полиции по обеспечению общественного порядка и противодействию преступности на железных дорогах.

Заключение. Первые подразделения жандармской железнодорожной полиции на железных дорогах Беларуси появились в 1861 году и были предопределены строительством на территории белорусских губерний участков С.-Петербургско-Варшавской железной дороги. Привлечение жандармских подразделений было вызвано необходимостью обеспечения порядка в местах массового скопления рабочих, задействованных на строительстве железной дороги, улучшения криминальной обстановки. Дальнейшее развитие железнодорожного транспорта повлияло на формирование органов железнодорожной полиции. К началу XX века жандармская железнодорожная полиция стала наиболее многочисленным подразделением политической полиции, действовавшим на территории белорусских губерний. Подразделения железнодорожной жандармерии отличались от других органов правопорядка линейным принципом построения и имели строго определенную организационно-штатную структуру. Разработанная в конце 60-х годов XIX века структура органов железнодорожной полиции к началу XX века перестала соответствовать реально складывающейся оперативной обстановке на железнодорожном транспорте и требовала реформирования. Однако отсутствие необходимых финансовых средств не позволило осуществить необходимые реформы. Организационно-штатная структура подразделений жандармской железнодорожной полиции принципиально не изменилась вплоть до расформирования в 1917 году.

ЛИТЕРАТУРА

1. История железнодорожного транспорта России: в 2 т. / С.В. Амелин [и др.]; под общ. ред. Е.Я. Красковского, М.М. Уздина. – СПб.: АО «Иван Федоров», 1994. – Т. 1: 1836 – 1917 гг. / С.В. Амелин [и др.]. – 336 с.
2. Уродков, С.А. Петербурго-Московская железная дорога. История строительства / С.А. Уродков. – Л.: Изд-во ЛГУ им. А.А. Жданова, 1951. – 160 с.
3. Виргинский, В.С. Начало железнодорожного дела в России (до 40-х годов XIX в.) / В.С. Виргинский. – М.: Изд-во «Правда», 1949. – 32 с.
4. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е.: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 31, отделение 1: 1856. – 1857. – 1110 с.

5. Крутиков, М. Положение рабочих на постройке Петербурго-Московской железной дороги / М. Крутиков // Красный архив. – 1937. – № 4. – С. 45 – 106.
6. Железная дорога Беларуси: История и современность / А.Б. Бессольнов [и др.]; под общ. ред. В.Г. Рахманько. – Минск: ОДО «Триолета», 2001. – 488 с.
7. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 36, отделение 2: 1861. – 1863. – 673 с.
8. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 38, отделение 2: 1863. – 1866. – 1017 с.
9. Оржеховский, И.В. Реорганизация жандармского управления в связи с правительственной реакцией 60 – 70-х гг. XIX в. / И.В. Оржеховский // Ученые записки Горьков. гос. ун-та им. Н.И. Лобачевского. Сер. история. – Горький, 1971. – Вып. 151: Вопросы истории общественно-политической мысли и внутренней политики России в XIX в. – С. 42 – 88.
10. Романов, В.В. Закат политической полиции Российской империи: ликвидация подразделений Отдельного корпуса жандармов в Сибирской губернии в 1917 – конце 20-х гг. XX в. / В.В. Романов, Г.В. Романова. – Ульяновск: Изд-во СВНЦ, 2000. – 225 с.
11. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 43, отделение 1: 1868. – 1873. – 942 с.
12. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 43, отделение 2: 1868. – 1873. – 748 с.
13. Национальный исторический архив Беларуси. – Фонд 3365. – Оп. 1.
14. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 44, отделение 2: 1869. – 1873. – 452 с.
15. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 45, отд-ние 2: 1870. – 1874. – 639 с.
16. Полное собрание законов Российской Империи: Собр. 2-е: в 55 т. – СПб.: Тип. Второго отделения собственной Е.И.В. канцелярии, 1830 – 1884. – Т. 46, отд-ние 2: 1871. – 1874. – 814 с.
17. Общий состав управлений и чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 15 января 1891 г. – СПб.: Типо-литография Месника и Римана, 1891. – 350 с.
18. Список общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Исправлен по 10 октября 1916 г. – Петроград: Типография Штаба Отдельного корпуса жандармов, 1916. – 808 с.
19. Бульжкин, А.В. Некоторые вопросы становления органов внутренних дел на железнодорожном транспорте в России / А.В. Бульжкин // 80 лет транспортной милиции: История и современность: материалы науч.-практ. конф. / Моск. юрид. ин-т МВД России; редкол.: А.С. Емелина [и др.]. – М., 1999. – С. 164 – 169.
20. Обязанности жандармской железнодорожной полиции. По жандармско-полицейской части / сост. Л. Тимофеев. – 2-е изд. – СПб.: Типография МВД, 1912. – 1195 с.
21. Гончарова, Ю.В. Жандармские полицейские управления железных дорог (1867 – 1917 гг.): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Ю.В. Гончарова. – М., 2000. – 239 л.
22. Литвинов, Н.Д. Борьба с терроризмом на железнодорожном транспорте Российской империи: монография / Н.Д. Литвинов, А.Е. Рожков. – Воронеж: ВИ МВД России, 2001. – 193 с.
23. Противодействие антигосударственному террору на железных дорогах Российской империи: сб. документов и материалов / авт.-сост.: Н.Д. Литвинов, Ш.М. Нурадинов. – М.: Голос, 1999. – 144 с.

Поступила 17.02.2011

FORMATION AND ORGANIZATION OF THE GENDARME POLICE DEPARTMENTS OF BELARUS RAILWAYS IN THE SECOND HALF OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

A. MURASHKO

The article considers the policy pursued by the Russian Empire's administration in the field of law enforcement and public safety on the railways of Belarusian provinces in the second half of XIX – early XX centuries. The formation and structural and organizational features of the gendarme police departments of railways are investigated. The reasons for attracting extra-territorial units of the gendarmerie to ensure law and order on the railroads are pointed out. In the context of the gendarmerie reforms of 1866 – 1867 changes in the area of the gendarme of the Railway Police are examined. In particular, as a result of the reform of gendarme, railway gendarmerie units came out from the Ministry of Communications and acquired a new status – the state law enforcement mechanism of the Russian Empire. The paper notes that the structure of the Railway Police, developed in the late 1860s, by the early twentieth century ceased to meet actual operational situation prevailing in rail transport and demanded reforming.

УДК 947.6

**ПОЛИТИКА РОССИЙСКОГО САМОДЕРЖАВИЯ
В СФЕРЕ НАЧАЛЬНОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ
НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**

В.П. ВОРОН

(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)

Рассматриваются основные направления политики российского самодержавия в сфере начального аграрного образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века. Основу исследования составили документы Национального исторического архива Беларуси, а также законодательство Российской империи в области начального аграрного образования. Раскрываются причины расширения сети низших сельскохозяйственных школ пяти западных губерний в указанное время. Анализируется степень эффективности проведенных преобразований в системе начального аграрного образования Беларуси и их характерные черты. Особое внимание уделяется материальному и финансовому обеспечению учебных заведений, введению единых образовательных стандартов, использованию в качестве рычагов модернизации земских и общественных организаций.

Введение. Анализ проблем развития начального аграрного образования позволяет внести большую ясность в изучение процессов интенсификации сельскохозяйственного сектора во второй половине XIX – начале XX века на территории Беларуси. Кроме того, обобщение исторического опыта в данной области необходимо для понимания и дальнейшей корректировки процессов модернизации аграрного образования на современном этапе.

Необходимо отметить, что при высокой степени актуальности указанной темы исследования в данном направлении затрагивают лишь ряд отдельных вопросов. Первые шаги в ее изучении были сделаны представителем дореволюционной историографии Е.Н. Андреевым, главой комиссии Вольного Экономического Общества по разработке законодательной базы начального сельскохозяйственного образования, проанализировавшим процесс становления начальных аграрных школ Российской империи на протяжении первой половины XIX века [17]. В настоящее время исследованием особенностей функционирования низших сельскохозяйственных учебных учреждений Беларуси дореволюционного периода занимается Н.Е. Новик [7]. Роль научных обществ Минской, Виленской, Гродненской, Могилевской и Витебской губерний в развитии начальных аграрных школ исследовал В.А. Шаршунов [20]. Таким образом, отсутствие специальных работ по теме исследования также обуславливает актуальность ее изучения.

Основная часть. На протяжении второй половины XIX – начала XX века процесс расширения сети начальных сельскохозяйственных учебных заведений не носил линейного характера. Так, в 1870-е годы было сформировано две школы: Горы-Горецкое ремесленное училище (1872 г. Могилевская губ.) и Марьино-Горская низшая сельскохозяйственная школа (1876 г. Минская губ.) Дальнейшая активизация процессов создания подобных типов учебных заведений пришлось на 1890 – 1900-е годы, когда было образовано еще 10 учреждений [7, с. 98 – 99]. Более быстрыми темпами шло развитие системы общего начального образования. Если в 1868 году в пяти западных губерниях Виленского учебного округа насчитывалось 1249 соответствующих школ, то к 1911 году их количество достигло 8384 [2; 11, с. 12, 30, 44, 58, 78].

Основной причиной, обусловившей сравнительно медленное формирование низших аграрных учебных заведений, явилось отсутствие до 1883 года концепции начального сельскохозяйственного образования Министерства Государственных Имуществ (МГИ), хотя попытки ее создания предпринимались и ранее [8]. Факты свидетельствуют, что с 1840 по 1865 год на Беларуси функционировали учреждения начального типа с существенными структурными особенностями. К ним относятся Горы-Горецкая земледельческая школа (1840 – 1848 гг.), первый разряд которой предполагал элементарную подготовку по агрономическим дисциплинам с квалификацией «земледельческий ученик», и Горы-Горецкая учебная ферма (1845 – 1867 гг.) с преимущественно практическим обучением. Однако в этих учебных заведениях механизм конкурсного отбора крестьянских детей, составлявших основной контингент учащихся, подменялся административным принуждением, что препятствовало выявлению способных учеников, а также вызывало противодействие самих крестьян. В итоге проблемы функционирования этих двух учебных заведений привели к их закрытию [10; 17, с. 29 – 31].

Ситуация начала изменяться после создания на новой организационной основе Марьино-Горской низшей сельскохозяйственной школы, предполагающей добровольный характер обучения и сотрудничество с общественностью при подготовке заведения к работе [4]. А издание 27 декабря 1883 года «Нормального положения о низших сельскохозяйственных школах» привело к формированию системы преемственности общего и специального образования, унификации уже существующих аграрных учрежде-

ний. В соответствии с законом вводилась двухразрядная дифференциация начальных аграрных учебных заведений. В школы 1-го разряда могли поступать лица, окончившие двухклассные сельские училища, а школы 2-го разряда с более узким спектром изучаемых предметов были ориентированы на выпускников любых, главным образом одноклассных, начальных народных училищ [8]. Кроме того, закон 1883 года допускал бесплатное выделение школам до 546 га казенной земли и пособий Министерства Земледелия и Государственных Имуществ (МЗиГИ) до 3500 тыс. руб. в год вне зависимости от того, какими они являются – государственными, частными, земскими либо принадлежащими общественным организациям. Эти меры способствовали ускорению процессов организации в сельскохозяйственных училищах комплексов показательных хозяйств, необходимых для практического обучения. В частности, в 1897 году на переданных городской думой Бобруйской школе садоводства и огородничества 1-го разряда (1896 г. Минская губ.) 65 га земли были устроены ферма с садом [6]. Марьино-Горская сельскохозяйственная школа 1-го разряда, располагающая 384 га, как одно из наиболее обеспеченных земель образовательных учреждений, в 1908 году приняла участие в мероприятиях Главного Управления Землеустройства и Земледелия (ГУЗиЗ) по массовому устройству показательных хуторских хозяйств [18]. Оговоренное в «Положении» правительственное финансирование давало возможность избежать закрытия неустойчивых, слабо обеспеченных негосударственных сельскохозяйственных учебных заведений. Показателен в этом отношении пример Петровичской школы плодоводства и хмелеводства 2-го разряда (1884 г.), располагавшейся в Бобруйском повете Минской губернии и принадлежавшей М. Мышенкову. В мае 1896 года именно за счет ассигнований МЗиГИ в сумме в 3500 руб. школа была переведена в Бобруйск и преобразована в Бобруйскую школу садоводства и огородничества 1-го разряда. Вместе с тем наряду с финансовым содействием МЗиГИ городская дума также распорядилась предоставить разовую помощь на нужды школы в размере 5000 руб. и назначить ежегодное пособие в 1000 руб., что свидетельствует о возрастающей роли обществу в формировании сети начальных сельскохозяйственных учреждений. В начале XX века со стороны МЗиГИ предпринимались решительные меры, направленные на стимулирование научно-практической деятельности начальных аграрных школ. Согласно принятому 21 мая 1901 года «Положению о сельскохозяйственных опытных учреждениях» опытные станции, поля, участки, состоящие при учебных заведениях, могли получать государственную поддержку, которая помимо денежных дотаций включала в себя выделение казенных земель, отпуск материалов, льготные условия транспортировки приборов и реактивов. В первую очередь закон способствовал улучшению обеспечения необходимым инвентарем, дендроматериалами, породистым скотом и т.д. Так как «Положение» 1901 года декларировало беспроцентное получение товаров для опытных учреждений, харьковское общество сельского хозяйства в 1913 году, например, организовало продажу в Беларусь по значительно сниженным ценам дорогого оборудования – стальных гальванизированных разборных амбаров производства США [12; 14]. А подотчетность опытных учреждений Департаменту Земледелия создавала условия для координации их деятельности и внедрения научных программ в области агрономии. Так, в 1908 году с подачи ГУЗиЗ на опытном поле Марьино-Горской сельскохозяйственной школы проводились исследования по внедрению в регионе китайских зерновых культур [15]. Вместе с тем, несмотря на присущий «Положению» 1901 года патернализм в отношении опытных учреждений, вопрос их материального обеспечения по-прежнему оставался актуальным. Даже известная Марьино-Горская школа со сравнительно развитой структурой опытных учреждений в первом десятилетии XX века испытывала трудности, связанные с нехваткой средств, ввиду неоднократного сокращения со стороны министерства земледелия смет расходов планируемых заведений. В 1909 году ни одно опытное учреждение, находящееся в пяти западных губерниях, не получало субсидии департамента земледелия [19; 15].

Издание 26 мая 1904 года нового «Положения о сельскохозяйственном образовании» ознаменовало начало нового этапа реформирования системы низших аграрных учебных заведений. Во-первых, согласно закону заметно увеличивалась допустимая сумма правительственных ассигнований для государственных, частных, общественных, земских школ (до 7 тыс. руб., в зависимости от разряда начального учреждения). Во-вторых, для преодоления существовавшего в империи дефицита квалифицированных сельскохозяйственных рабочих создавались новые типы начальных аграрных учреждений – практические школы, для зачисления в которые достаточно было умения читать и писать по-русски [13]. В то же время их создание шло крайне медленно: по данным ГУЗиЗ к 1908 году на Беларуси имелось лишь одно такое заведение – Практическая школа скотников в имении «Левки», расположенная в Могилевской губернии [3, с. 772].

Основным фактором, сдерживающим распространение таких школ, являлся недостаток средств, выделяемых из казны на нужды начального сельскохозяйственного образования, несмотря на увеличение финансирования, предусмотренного законом 26 мая 1904 года. Причиной возникшего дефицита послужил резкий рост цен в Российской империи в начале XX века. В итоге лимиты расходов, определенные новым «Положением», уже через несколько лет перестали покрывать образовательные запросы [6]. В 1907 году образовавшаяся задолженность 3670 руб. в Марьино-Горской школе и 3500 руб. в Горечком

ремесленном училище поставила под удар реализацию комплекса необходимых мероприятий по части хозяйственных улучшений. Более того, в Марьиной-Горке было решено снизить уровень продовольственного обеспечения учеников, а в последующие годы сократить их набор со 100 до 60 человек [15]. В 1909 году по представлению Департамента Земледелия, из-за чрезмерных расходов школы, более чем вдвое повысилась плата за обучение, а предложение управляющего учебного заведения по увеличению государственных ассигнований было отвергнуто [16]. Радикальное изменение финансовой политики ГУЗиЗ игнорировало положение тех учеников, семьи которых не имели возможности покрывать все необходимые расходы на обучение. Следует заметить, что возникшая ситуация была не нова. Еще в 1897 году управляющему Бобруйской школой садоводства и огородничества направлялись многочисленные прошения родителей учащихся об определении последних «на казенный счет, принимая во внимание совершенную бедность» [5]. Параллельно ГУЗиЗ пыталось разработать стратегию, направленную на оптимизацию расходов на низшее аграрное образование. С этой целью специальным циркуляром 8 ноября 1908 года начальным сельскохозяйственным школам империи предлагалось составить подробные сметы продовольствия и экипировки учеников, с соответствующей аргументацией новых выработанных норм [6]. Однако правительство оказалось не в состоянии довести начатое до завершения.

Законодательством 1883 и 1904 годов допускалось участие сельскохозяйственных обществ и земств в процессах развития сети низших аграрных школ. Как правило, это выражалось в их сотрудничестве с уже существующими заведениями. Основным направлением деятельности земств в этой сфере было учреждение дополнительных стипендий, о количестве и размерах которых свидетельствует следующий факт. В 1907 году Минская губернская земская управа для учеников начальных аграрных школ, происходивших из наиболее бедных крестьянских семей, предоставила 10 стипендий по 100 руб. в год каждая. Таким образом, в определенной степени земства смягчали негативные тенденции финансовой политики ГУЗиЗ. Вместе с тем на результативности их деятельности негативно сказывалась консервативная политика самодержавия в вопросе самоуправления, поскольку в полном объеме земская реформа на Беларуси была реализована только в 1911 году [15; 1, с. 204]. Несколько иную роль играли сельскохозяйственные общества. В частности, они оказывали содействие аграрным школам в создании опытных учреждений. Наиболее успешная работа в этом направлении была проведена Минским обществом сельского хозяйства, благодаря которому к 1912 году Марьино-Горское сельскохозяйственное училище и Бобруйская школа садоводства располагали лучшими плодовыми питомниками в губернии. Кроме того, общества внесли определенный вклад и в создание новых начальных аграрных учебных заведений. В частности, в 1901 году Могилевским обществом сельского хозяйства была основана Зиновьевская практическая школа садоводства [20, с. 73 – 74]. Однако это учебное учреждение осталось единственным примером такого рода. Более того, в 1912 году Могилевское общество отказалось от школы и передало ее под юрисдикцию ГУЗиЗ [9, с. 78].

Заключение. Преобразования правительства Российской империи в сфере начального аграрного образования во второй половине XIX – начале XX века объективно способствовали развитию системы низших сельскохозяйственных школ на Беларуси. Позитивными аспектами реформаторской деятельности, обеспечившими им известный успех, стал рост государственных субсидий, унификация аграрного образования, а также предоставление карт-бланш земским и общественным организациям на деятельность в этой области. Вместе с тем не всегда последовательная финансовая политика Министерства земледелия, консерватизм правящих кругов в вопросах самоуправления наряду с недостаточной развитостью общественных институтов были факторами, умаляющими эффективность реформирования аграрного образования на территории пяти западных губерний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гісторыя Беларусі перыяду капіталізму: у 5 т. / рэдкал.: А.П. Жытко (пад агул. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БДПУ, 2005 – 2010. – Т. 2: Актуальныя праблемы аграрнай гісторыі / А.П. Жытко [і інш.]. – 2007. – 230 с.
2. Грамадска-палітычны рух у 60 – 90 гады XIX стагоддзя // Беларускі гістарычны партал [Электронны рэсурс]. – Рэжым доступу: http://www.belhistory.com/be/rules_politic_90.html. – Дата доступу: 25.07.2011.
3. Ежегодник Главного Управления Землеустройства и Земледелия по Департаменту Земледелия и Лесному Департаменту. – СПб., 1908. – 837 с.
4. Об уставе и штате Марьино-Горской сельскохозяйственной школы, 29 мая 1876 г., № 56012 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1876. – Т. 51. – Ст. 7, 3.
5. Отношения Департамента Земледелия с разъяснениями программ общеобразовательных и специальных предметов // Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 29. – Л. 1, 4, 6, 34.

6. Отношения управляющего школой в Департамент Земледелия // НИАБ. – Фонд 492. – Оп. 1. – Д. 30. – Л. 340, 54, 117.
7. Новік, Н.Я. Сельскагаспадарчая адукацыя ў дарэвалюцыйнай Беларусі / Н.Я. Новік // Адукацыя і выхаванне. – 1997. – № 11. – С. 96 – 100.
8. Нормальное положение о низших сельскохозяйственных школах, 27 декабря 1883 г., № 1919 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1883. – Т. 3. – Ст. 12.
9. Памятная книжка Могилевской губернии на 1912 год. – Могилев: Изд-во Могил. губ. стат. ком-та, 1912. – 387 с.
10. Положение о Горы-Горетской земледельческой школе, 24 апреля 1836 г., № 9797 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1836. – Т. 2. – Ст. 3, 12.
11. Покровский, В.И. Однодневная перепись начальных школ в империи, произведенная 18 января 1911 г. (Виленский учебный округ) / В.И. Покровский. – СПб.: Тип. «Экономия», 1914. – 134 с.
12. Положение о сельскохозяйственных опытных учреждениях, 28 мая 1901 г., № 20150 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1901. – Т. 21. – Ст. 28, 32.
13. Положение о сельскохозяйственном образовании, 26 мая 1904 г., № 24628 // Полн. Собр. Зак. Рос. имп. – 1904. – Т. 24. – Ст. 11, 65.
14. Представление управляющего школой в минское управление земледелия и государственных имуществ о целесообразности проведения курсов для учителей народных училищ // НИАБ. – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 98. – Л. 729.
15. Предписания минского управления земледелия и государственных имуществ об определении на должности учителей; о предоставлении отпусков преподавателям и учащимся // НИАБ. – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 122. – Л. 50, 30, 59, 18.
16. Предписания минского управления землеустройства и земледелия о командировании в Пинск на сельскохозяйственную выставку представителя школы для чтения лекций // НИАБ. – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 166. – Л. 98.
17. Труды комиссии по составлению проекта «Положения о низших сельскохозяйственных школах». – СПб., 1878. – 180 с.
18. Циркуляры и представление ГУЗиЗ о введении нового метода преподавания естественно-исторических дисциплин в школе, об организации при школе показательного, хуторского хозяйства и др. // НИАБ. – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 138. – Л. 108.
19. Циркуляры и предписания МзиГИ о бесплатном отпуске из питомника школы растений и семян народным, духовным и др. училищам; о высылке для библиотеки школы книг, о производстве дополнительного вычета на пенсии // НИАБ. – Фонд 491. – Оп. 1. – Д. 95. – Л. 10.
20. Шаршунов, В.А. Деятельность научных обществ и губернских комитетов по развитию сельского хозяйства в дореволюционной Беларуси / В.А. Шаршунов // Известия Национальной академии наук Беларуси. Сер. агр. наук. – 2003. – № 4. – С. 73 – 74.

Поступила 20.09.2011

**RUSSIAN AUTOCRACY'S POLICY IN THE SPHERE
OF PRIMARY AGRICULTURAL EDUCATION ON THE TERRITORY OF BELARUS
IN THE SECOND HALF OF THE XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURIES**

V. VORON

The article deals with the main directions of Russian Autocracy's policy in the sphere of primary agricultural education on the territory of Belarus in the second half of the 19th – the beginning of the 20th centuries. The core of the research are the documents of the National Record Office in Belarus and legislation of Russian Empire in primary agricultural education. The article regards the aims of expansion of the number of agricultural schools of 5 western provinces at that time. The article analyses the grade of effectiveness of some reforms in the system of primary agricultural education and their characteristic features in Belarus. Special attention is paid for material and financial ensuring, introduction of unique educational standards and using of modernization of district and public organization as accelerators.

УДК 94(476)“18/19”

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ГУБЕРНСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ В БЕЛАРУСИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА**Е.А. ПОДРОЖНЯЯ***(Белорусский государственный педагогический университет им. М. Танка, Минск)*

Анализируются особенности формирования губернской администрации на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века, когда после восстания 1863 – 1864 годов власти проводили политику по изменению кадрового состава местных государственных органов власти. На всех высших и ответственных должностях и должностях, связанных с народом, местные чиновники замещались выходцами из центральных губерний Российской империи. С целью привлечения на службу в край новых чиновников правительство предоставляло им значительные денежные и служебные льготы и привилегии, в то время как законодательно местные уроженцы православного и лютеранского исповедания занимали незначительные должности, а католики и иудеи были ограничены в праве на службу в местных государственных органах власти.

Введение. Социально-экономические преобразования в Российской империи, формирование капиталистического общества требовали пересмотра системы управления и принципа комплектования кадрового состава местных администраций. Современному государству необходимы были квалифицированные администраторы, способные грамотно реализовать поставленные правительством задачи и провести в жизнь принимаемые законы. Рассмотрение вопроса о формировании кадрового состава органов государственного управления на территории Беларуси не получило должного освещения в исторической науке. Дореволюционные издания в большинстве своем носили справочный характер, представляя собой систематизированные сборники законов по данному вопросу [1; 2]. В советской и современной исторической науке вопрос о формировании губернской администрации на западных окраинах во второй половине XIX – начале XX века авторами рассматривался фрагментарно в контексте более общих тем [3 – 5].

Основная часть. Формирование местной администрации приезжими из внутренних губерний чиновниками было одной из важнейших мер в правительственной программе русификации края. Правительство не могло рассчитывать в этом отношении на чиновников из местного «неблагонадежного элемента», принявших участие в восстании 1830 – 1831 годов, и принимало ряд мер по ограничению их служебных прав. Так, указом от 5 января 1837 года уроженцы западных губерний неправославного исповедания должны были на протяжении 5 лет прослужить в великорусских губерниях [1, с. 1].

Поворотным моментом в кадровой политике царских властей в Беларуси стало восстание 1863 – 1864 годов, в котором приняли участие многие чиновники местной администрации. Добровольная отставка гродненских мировых посредников в начале 1863 года ускорила решение вопроса о полной замене их по всему краю «благонадежными» выходцами «русского происхождения» из внутренних губерний. Само их присутствие создавало возможность прямой связи между русской государственной властью в лице ее представителей и местным населением, устраняя посредничество помещиков, управляющих, чиновников «польского происхождения». Многие из местных чиновников дискредитировали себя участием в восстании. Так, только за январь 1864 года в витебском тюремном замке за политические преступления из 105 арестованных 27 (25,7 %) принадлежали к служащим, в большинстве своем римско-католического исповедания [6, л. 21]. В таких условиях замещение в местной администрации чиновников-католиков было одной из важнейших мер в правительственной программе «утихомиривания» и русификации края. Для Беларуси со своеобразным национальным и вероисповедальным составом проблемы подготовки и расстановки бюрократических кадров приобрели в глазах высших местных и центральных властей первостепенное значение.

По указу от 18 апреля 1863 года должности уездных предводителей дворянства, уездных судей и мировых посредников замещались чиновниками из служащих министерств внутренних дел, госимуществ и юстиции [7, л. 1 – 18; 8, л. 10 – 22 об.]. Набирались они из внутренних губерний России из чиновников и офицеров, не имевших в крае земельной собственности и родственных связей среди местных помещиков [4, с. 26].

Согласно циркуляру виленского генерал-губернатора М.Н. Муравьева от 21 июля 1864 года все чиновники проверялись на благонадежность [9, с. 26]. Соответствующие сведения поступали к губернатору от военных начальников. На каждого чиновника писалась характеристика, в которой указывались его способности и моральные качества [7, л. 16]. На протяжении 1863 – 1868 годов служащим местных государственных учреждений запрещалось вступать в брак с местными уроженками без разрешения начальства [10, л. 2 об.].

Указами от 26 марта и 27 мая 1864 года католики не допускались к занятию высших служебных должностных мест и должностей, имеющих соприкосновение с народом [11, л. 1 – 3]. С 27 мая 1864 года все служебные места в крае, которые имели непосредственное отношение к народу, должны были замещаться исключительно лицами русского происхождения. По закону от 17 марта 1867 года генерал-губернатору было дано право замещать должности предводителей дворянства только лицами русского происхождения по назначению правительства. В результате должности предводителей дворянства в крае были заняты или местными русскими помещиками, или чиновниками МВД из внутренних губерний империи.

Царские власти поставили задачу привлечения в край русских чиновников, предоставив им ряд льгот и преимуществ, чтобы затем они осели и превратились в местных помещиков. Для водворения русского элемента и привлечения на службу в край чиновников русского происхождения на основании Инструкции 23 июля 1865 года без торгов продавались свободные имения на льготных основаниях [12, с. 6]. При покупке имений русские покупатели освобождались от платежа крепостной пошлыны при совершении актов покупки. Кроме того, военные и гражданские чины, служащие в западных губерниях, имели право приобретать землю или казенное в городе имущество в виде награды за отличную службу, не внося при получении участка никакого задатка. Оставшаяся сумма уплачивалась в течение 20 лет, начиная с 1 января каждого года, по равной части без процентов.

С 1863 по 1865 год в белорусские губернии на службу было определено 4619 новых чиновников, которые заняли наиболее значительные должности. Однако имений, подпавших под секвестр и конфискацию, оказалось недостаточно, чтобы решить вопрос о переходе недвижимости в руки благонадежного элемента. Только 574 чиновника белорусских губерний в награду за службу купили земли (259 258, 56 десятин) на особых льготных условиях по Инструкции 23 июля 1865 года [4, с. 48].

Решение кадровой проблемы наталкивалось на ограниченность государственного бюджета и отсутствие достаточного числа квалифицированных администраторов. При таких обстоятельствах власти пытались на протяжении многих лет решить трудную для себя проблему: как при небольших финансовых затратах, не отходя от общих принципов организации государственной службы, заполнить государственные учреждения в Беларуси и подыскать достойных представителей власти, чтобы добиться высокой эффективности действия государственной машины в регионе. Решению этой проблемы должен был способствовать ряд преимуществ, предоставляемых чиновникам, поступающим на службу в Беларусь.

Первоначально льготы и привилегии были не совсем ясно обозначены, что требовало постоянных разъяснений и еще более запутывало дело. Главноуправляющий II отделением Его Императорского Величества Канцелярии граф В.Н. Панин предложил осуществить общий пересмотр всех законодательных актов о преимуществах службы в отдаленных и малонаселенных местностях империи в особом межведомственном комитете, созданном в 1864 году при II отделении. В результате 21 ноября 1869 года было утверждено положение, предоставлявшее чиновникам ряд льгот и преимуществ. Согласно правилам от 21 ноября 1869 года служащим некоторых ведомств предоставлялась особая прибавка к жалованию, которая пополнялась из 10-, 5- и 1-процентных сборов с местных дворян-католиков. Лица, поступившие на службу в край до 1870 года, получали 50 % добавочного содержания, прибывшие в 1870 – 1875 годах – 30 – 40 %; после 1875 года – 15 – 20 % [13, с. 144 – 145]. Однако эти преимущества не могли существенно повлиять на качественный состав правительственного аппарата – в отчетах виленского генерал-губернатора и губернаторов зафиксированы жалобы на недостаток чиновников, их низкий профессиональный и моральный уровень [14, л. 15; 15, с. XVI; 16, л. 340]. Кроме того, имела место проблема финансового дефицита, поэтому правительство со временем начало изыскивать средства для сокращения расходов.

Были изданы дополнительные правила о преимуществах службы в отдаленных губерниях от 13 июня 1886 года [17, с. 9 – 10]. Согласно правилам, в западных губерниях (Виленской, Гродненской, Минской) особыми преимуществами пользовались служащие в канцеляриях духовных консисторий православного исповедания, в канцеляриях губернаторов, в городских и уездных полицейских управлениях, а также учителя приходских училищ – в размере 50 % получаемого ими жалования. Чиновникам от 14 до 8 класса включительно в губернских правлениях, приказах общественного призрения, комиссиях народного продовольствия, в почтовых конторах, в казенных палатах, в казначействах, в управлениях государственными имуществами, контрольных палатах, в духовных учебных заведениях и канцеляриях попечителей учебных округов, учебных заведениях ведомства Министерства народного просвещения и дирекциях народных училищ, уездным врачам и землемерам, чинам ведомства Министерства путей сообщения (кроме инженеров) полагалась надбавка в размере 20 % получаемого жалования [18, с. 14 – 15]. Под действие новых правил попадали те из чиновников, кто переводился на службу по распоряжению министров [2, с. 410 – 413].

Назначение дополнительных преимуществ по службе производилось при согласовании отраслевого министра с министрами финансов, юстиции и государственным контролером и направлялись в Сенат [18, с. 3]. При этом начальники администрации следили, чтобы оклад чиновника вместе с прибавкой не превышал содержания, получаемого в том же учреждении должностными лицами класса выше.

Особые преимущества заключались и в предоставлении прогонных денег в повышенном размере. По ведомству МВД на эти нужды отпускалось в Виленской, Ковенской и Гродненской губерниях ежегодно 1000 руб. в распоряжение генерал-губернатора [13, с. 144]. Лица русского происхождения, определяемые на должности по учебной и воспитательной части в учебных заведениях Виленского учебного округа, получали сверх прогонов пособие – в размере полугодового оклада жалования, а одинокие – в размере $\frac{1}{3}$ означенного оклада [18, с. 15]. Кроме того, чиновникам предоставлялся отпуск на льготных условиях и пенсионные преимущества. В случае смерти на службе чиновника его семье выплачивали пособие [18, с. 3 – 6]. Оклады чиновникам из внутренних губерний империи, вызванных для службы в крестьянских учреждениях, превосходили оклады служащих из местных уроженцев. Так как в Беларуси до начала XX века не было земских учреждений, то средства выделялись из общих земских сборов.

Вскоре власти столкнулись с проблемой нехватки кадров для пополнения местной администрации. Поэтому уже с конца 1860-х годов местные уроженцы стали привлекаться на незначительные должности в местных органах власти. Чиновники из местных уроженцев не пользовались льготами и преимуществами службы. Фактически, царские власти закрыли государственные учреждения Беларуси для местных уроженцев католического и иудейского вероисповедания. Исключение составляли те из них, кто имел высшее образование или местные уроженцы, прослужившие во внутренних губерниях не менее 10 лет.

Ситуация изменилась после назначения на должность виленского генерал-губернатора И.С. Коханова. С 1884 года началась чистка местной администрации от служащих-католиков. Кроме того, «Временные правила» 3 мая 1882 года запретили евреям поступать на государственную службу. К 1888 году все служащие католического и иудейского исповедания были заменены русскими чиновниками [9, с. 101]. Не желая в дальнейшем пополнять администрацию местными уроженцами, власти были вынуждены принять дополнительные правила для расширения круга лиц «русского происхождения» на должности в местных учреждениях. В западных губерниях разрешалось определять на гражданскую службу лиц, по общему закону не имевших права поступать в нее. Такие лица производились в первый классный чин наравне с канцелярскими служащими III разряда. Кроме того, в Беларуси разрешалось замещать должности до 8 класса и лицами, не имевшими классных чинов. Чиновники 9 и 8 классов определялись с разрешения главного местного начальства или соответствующих министерств и управлений. При этом назначение и перевод на должности от 14 до 8 классов включительно предоставлялись губернским учреждениям [2, с. 92]. Губернское начальство в западных губерниях определяло чиновников и на должности 7 класса из лиц, не имеющих классных чинов, если они имели свидетельства об окончании уездного училища или равного ему учебного заведения. При отсутствии образовательной подготовки, назначение на должности лиц, не имевших чинов, могли производиться с разрешения министерств и главных управлений, а в некоторых случаях – генерал-губернаторов [17, с. 54 – 55, 107 – 108].

Мероприятия по формированию администрации окраин на льготных основаниях требовали значительных средств государственного бюджета, а социально-экономическое развитие Российской империи вызывало необходимость выработки новых подходов к организации кадровой службы. По предложению министра финансов Н.Х. Бунге в 1895 году была учреждена новая комиссия под председательством члена Госсовета Е.А. Перетца, которая должна была решить, стоит ли распространять особые преимущества на всех чиновников, служащих на окраинах, или они должны быть ограничены классом должностей и предоставляться только чиновникам, прибывшим в белорусско-литовские губернии из так называемых непривилегированных губерний. По решению комиссии за чиновниками сохранялось право на получение денежных льгот, но было отменено награждение следующим чином при отправлении на службу в отдаленные местности. Главная причина такого решения заключалась в том, что чины и ордена давали право получения дворянства, поэтому их широкая раздача не отвечала интересам правительства. Другие изменения были менее значительны и в основном были направлены на сокращение казенных расходов [3, с. 46 – 52]. Несмотря на это за служащими западных окраин сохранялись права на льготы и преимущества. Вместе с тем дополнительно за служащими на должностях 8 и 9 классов русского происхождения в контрольных палатах 9 западных губерниях была назначена прибавка к содержанию. При этом сохранялось право на ее получение, пока чиновники занимали в контрольных палатах должности не выше 8 класса.

Проект комиссии предъявлял к новому чиновнику следующие критерии: сословное происхождение и наличие высшего или среднего образования. Наряду с традиционным формированием администрации наметилась тенденция допуска в систему управления и образованных представителей из разночинцев [19, с. 121]. Кроме того, проект предполагал, что представители высшей власти, в том числе генерал-губернаторы и губернаторы, должны действовать в единстве и наблюдать, чтобы чиновники подчиненных им ведомств оказывали друг другу содействие для пользы службы [2, с. 415].

Заключение. Ряд привилегий и льгот были направлены на то, чтобы администрация западных губерний пополнилась образованными людьми из центральных губерний России, что соответствовало государственным интересам – связать окраинные территории с внутренними. Однако несмотря на все усилия высшей власти по формированию деятельной и эффективной администрации в Беларуси, в значительной степени качественный состав приезжих чиновников был ниже всякой критики. В Беларусь отправлялись люди, не оправдавшие себя по своим деловым качествам в Европейской России, а также те, которые стремились поправить свое материальное положение за счет пособий и льгот. Таким образом, в белорусские губернии стекались худшие представители и без того стоящего на невысоком моральном уровне российского чиновничества. Они замещали высшие должности в местном управлении, в то время как местные уроженцы православного и лютеранского вероисповедания занимали незначительные посты. Католики и частично иудеи практически не могли влиться в состав местной администрации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Репинский, Г.К. Привлечение образованных людей на службу в провинции. Исторические материалы / Г.К. Репинский. – Б.м. и б.г. – 8 с.

2. Роговин, Л.М. Устав о службе по определению от правительства и положение об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях. Т. 3: Свода законов, изд. 1896 г. и по Продолжениям 1912 и 1913 гг., доп. узаконениями за 1914 г. и извлечениями из прочих частей Св. зак., трактуемыми о службе гражданской. С разъяснениями, извлеченными из циркуляров и предписаний М-в, Инспекторского отдела Собств. Его Императорского Величества Канцелярии, решений Прав. Сената и алфавитным предметным указателем / сост. Л.М. Роговин. – Петроград: Изд. книжного магазина П.В. Анисимова, 1915. – XLVI, 632 с.
3. Зайончковский, П.А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX веке / П.А. Зайончковский. – М.: «Мысль», 1978. – 288 с.
4. Самбук, С.М. Политика царизма в Белоруссии в 60 – 90-е гг. XIX века / С.М. Самбук. – Минск: «Наука и техника», 1980. – 244 с.
5. Зубов, В.Е. Реформа гражданской службы в России (конец XIX – начало XX века): моногр. / В.Е. Зубов. – Новосибирск: СибАГС, 2005. – 368 с.
6. Рапорты военных начальников с ведомостями о содержащихся в тюремных замках политических преступниках // Нац. исторический архив Беларуси (НИАБ). – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31584.
7. Дело о перемене и составе чиновников, служащих по выборам от дворянства за 1864 г. // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31753.
8. Предписание виленского генерал-губернатора об увольнении политически неблагонадежных мировых посредников. 1863 г. // НИАБ. – Фонд 242. – Оп. 1. – Д. 185.
9. Цылов, Н.И. Сборник распоряжений графа М.Н. Муравьева / Н.И. Цылов. – Вильна: Тип. А. Киркора и бр. Ромм, 1866. – 311 с.
10. О дозволении разным служащим вступать в брак // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 31772.
11. О порядке производства в чины лиц, назначенных правительством в западных губерниях на должности предводителя дворянства (9 апреля 1864 г.) // НИАБ. – Фонд 2512. – Оп. 1. – Д. 603.
12. Громачевский, С.Г. Ограничительные законы по землевладению в Западном крае, с историческим обзором их, законодательными мотивами и разъяснениями / С.Г. Громачевский. – Изд. 2-е. – СПб.: Тип. М.М. Сталюсевича, 1904. – 173 с.
13. Отзывы о наших окраинах и других местностях, в коих служащие пользуются особыми преимуществами. (Приложение к трудам Высочайше утвержденной, под председательством статс-секретаря Перетца, Комиссии для окончательной разработки проекта положений об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных краях империи. – СПб.: Гос. тип., 1885. – 150 с.
14. Дело по представлениям Витебской соединенной палаты уголовного и гражданского суда на утверждение губернатора приговоров суда о лицах, обвиняемых в разных злоупотреблениях по службе. 1877 – 1878 // НИАБ. – Фонд 1430. – Оп. 1. – Д. 36001.
15. Свод высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1893 год генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. – СПб.: Гос. тип., 1895. – XXXIX, 117 с.
16. Рапорт витебского губернатора императору 11 марта 1885 г. // Российский государственный исторический архив в г. Санкт-Петербурге. – Фонд 1263. – Оп. 1. – Д. 4451. – 306 – 345 л.
17. Станкевич, С.Ф. Сборник решений Правит. Сената по делам о преимуществах службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. С приложением текста законоположений и указаний пофамильного, хронологического и попредметного / сост. столоначальник Департамента Гос. Казначейства С.Ф. Станкевич. – СПб.: Тип. И. Флейтмана, 1899. – VII, 254, 40 с.
18. Правила об особых преимуществах гражданской службы в отдаленных местностях, а также в губерниях западных и Царства Польского. (Высочайше утверждены 13 июня 1886 года). – СПб.: Литотипография Эрнста Платеса, 1886. – 19 с.
19. Журнал высочайше учрежденной при Государственном совете Комиссии для пересмотра устава о гражданской службе. 1896 – 1897 гг. – Б.м. и б.г. – 121 с.

Поступила 02.11.2011

PARTICULAR FEATURES OF FORMATION OF PROVINCIAL ADMINISTRATION IN BELARUS IN THE SECOND HALF XIX – BEGINNING XX CENTURY

E. PODOROZHNYAYA

The article deals with the features of formation of provincial administration in territory of Belarus in second half 19 – beginning 20 century when after revolt 1863 – 1864 the power pursued a policy on change of personnel structure of local state authorities. On all responsible posts and the posts connected with the people, local officials were replaced with natives of the central provinces of Russian empire. For the purpose of attraction new officials to service in Belarus the government gave them considerable monetary and office privileges. While local orthodox and lutheran natives could hold insignificant posts, catholic and judaic natives have been limited legislatively in the right to service in local state authorities.

УДК 94(476)“19”

ТЕРРОРИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СОЮЗА СОЦИАЛИСТОВ-РЕВОЛЮЦИОНЕРОВ (ЭСЕРОВ) МАКСИМАЛИСТОВ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛОРУССКИХ ГУБЕРНИЙ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Л.Л. ДАВЫДОВА

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Анализируется террористическая деятельность Союза социалистов-революционеров (эсеров) максималистов на территории белорусских губерний, которая являлась главным и почти исключительным делом их организаций. Отмечается, что наибольший размах террористическая деятельность приобрела в годы революции (1905 – 1906 гг.), она была направлена против государственных чиновников и вызвала широкий общественный резонанс. Наиболее крупными акциями эсеров-максималистов на территории белорусских губерний были убийство 28 августа 1906 года в г. Гродно подполковника отдельного корпуса жандармов Н.А. Грибоедова и попытка экспроприации на станции Новогрудок 29 июня 1908 года. Террористической деятельностью и экспроприациями максималисты привлекли к себе пристальное внимание со стороны Департамента полиции, что в итоге повлекло за собой массу арестов эсеров-максималистов в 1907 – 1908 годах.

Введение. Продолжением терроризма народовольцев стал революционный терроризм начала XX века, активизировавшийся накануне революции 1905 – 1907 годов и достигший апогея во время массовых революционных выступлений. Террор был делом многих политических партий и организаций, в том числе и Союза социалистов-революционеров (эсеров) максималистов, исчислялся многими тысячами актов, объектами его были преимущественно государственные служащие низших ступеней иерархической лестницы, в том числе полицейские, городовые, приставы. В большинстве случаев террористических посягательств и убийств полиция была не в силах установить партийную принадлежность террористов.

В брошюре «Сущность максимализма», принятой на I учредительной конференции максималистов в г. Або (ныне г. Турку, Финляндия), отмечалось, что «Союз социалистов-революционеров максималистов признает все формы борьбы, от стачек, бойкота до террористических актов против наиболее видных представителей политического и экономического гнета... высказывается за экспроприацию казенных и общественных капиталов в целях пополнения касс, по постановлению местных организаций Союза, допускает и экспроприацию капиталов частных лиц с согласия Центрального Исполнительного Бюро Союза социалистов-революционеров максималистов» [1, с. 39].

Всестороннее исследование деятельности организаций Союза социалистов-революционеров максималистов на территории белорусских губерний в отечественной и зарубежной историографии до настоящего времени не проводилось. Иногда исследователи в своих работах затрагивали отдельные аспекты деятельности максималистов в белорусских губерниях, но в большей степени исследована деятельность московской и петербургской организаций партии. Тем не менее некоторые вопросы, относящиеся к истории Союза социалистов-революционеров максималистов белорусских губерний, получили освещение в ряде монографий и научных статей. Так, в 1979 году А.Ф. Жуковым была написана и издана монография о максималистах, хотя основная часть работы посвящена деятельности партии в 1917 – 1922 годах, но в первых двух частях затрагивались вопросы террористической деятельности [2]. В 1989 году вышла монография Д.Б. Павлова, в которой рассматривались как организационные и тактические принципы деятельности Союза эсеров-максималистов, так и его террористическая деятельность [3]. Отдельные аспекты террористической деятельности максималистов рассматривались в работах К.В. Гусева, О.В. Будницкого, Л.Г. Прайсмана, Р.А. Городницкого, М.И. Леонова [4 – 8].

Анализ научной разработки проблемы показывает, что деятельность Союза социалистов-революционеров максималистов на территории белорусских губерний в исторической литературе практически не освещена.

Цель данного исследования – обобщение, анализ и оценка террористической деятельности эсеров-максималистов на территории белорусских губерний в начале XX века.

Основная часть. Наибольший размах террористическая деятельность максималистов получила в Гродненской губернии, особенно в городах Гродно и Белосток. Так, город Белосток, насчитывавший около ста тысяч жителей, считался с 1905 года главнейшим центром революционного движения в Западном крае. В среде местного населения, в котором евреи составляли до 70 %, сложились многочисленные революционные организации, в том числе и группы максималистского толка, деятельность которых особенно усилилась после начала первой революции в России, выразившись в целом ряде убийств и покушений на убийства должностных лиц местной полиции и воинских команд [9, л. 2].

Из белостокской рабочей дружины социалистов-революционеров максималистов, принимавших активное участие в местной террористической борьбе в течение 1905 года, известны следующие лица: Давид Моисеевич Закгейм (уроженец местечка Ружаны, Гродненской губернии); Хаим Кац; Александр

Константинович Кишкель (уроженец мест. Крынки, Гродненской губернии, рабочий-кожевник); Давид Фарбер; Дора Казак; Мордух Беркович Шляхтер. По показаниям М. Шляхтера и по сведениям белостокского охранного отделения, в феврале 1905 года Закгейм стрелял в околоточного надзирателя Ходоровского, в июле бросил бомбу в полицмейстера Пеленкина, причем Кац был «патрульным», в августе руководил покушением на пристава Самсонова [5, с. 256]. Так, 24 августа Мордух Беркович Шляхтер совершил покушение на жизнь пристава 4-го участка г. Белостока С. Самсонова, бросив в него бомбу и ранив в бедро, за что был присужден к 10 годам каторги [10, с. 26; 11, л. 120]. Закгейм за покушение на полицмейстера Пеленкина был осужден на 12 лет каторжных работ [5, с. 256]. В связи с неблагоприятной обстановкой в Белостоке с сентября 1905 по 1 марта 1906 года было введено военное положение, однако после его отмены обстановка в городе вновь дестабилизировалась [9, л. 2].

Всего с 1 марта по 1 июня 1906 года в г. Белостоке было совершено 14 терактов в отношении должностных лиц и 6 вооруженных нападений на квартиры фабрикантов и банковскую контору, по их факту возбуждено было 45 следственных производств; в большинстве случаев виновники этих посягательств остались, однако, необнаруженными, так как очевидцы, опасаясь мести со стороны террористов, уклонялись от дачи каких-либо показаний. С июня 1905 по июнь 1906 года на должности Белостокского полицмейстера сменилось семь человек, причем три чиновника полиции, которым предлагалась эта должность, от нее отказались; за то же время сменилось пять человек на должности помощника полицмейстера; равным образом сменялся постоянно и состав приставов и их помощников. Белостокская полиция не решалась даже показываться в некоторых местностях города. Так, на Суражской улице, где сосредотачивались по преимуществу революционные организации, пришлось снять все полицейские посты, так как стоявшие на них чины полиции неизбежно делались жертвами преступных посягательств [9, л. 3].

Как следствие, напряженное состояние городского населения и вражда полиции к евреям создавали обстановку, в которой всякого рода беспорядки могли вспыхнуть с огромной силой при малейшем поводе. Этим поводом и явилось 1 июня – нападение на шествие православного крестного хода, в память воссоединения с православной церковью униатов, и католическую церковную процессию по случаю праздника «Тела Божьего», когда во время шествия были брошены в двух-трех местах разрывные снаряды и одновременно произведено обстреливание процессий и толпы из револьверов. Из-за этих действий армейские части, находившиеся поблизости, открыли огонь по домам, из которых, как они полагали, были произведены выстрелы и брошены разрывные снаряды. Почти одновременно вспыхнул погром христианским населением евреев без разбора на правых и виноватых; местами нападения вызвали вооруженный отпор евреев, что еще больше усиливало ярость толпы, погром не утихал 3 дня [9, л. 3]. Из более 80 убитых и свыше 80 раненых почти все были евреи. Было разграблено 169 жилых домов и магазинов, а ущерб, нанесенный имуществу, власти оценили приблизительно в 200 000 руб. [12, с. 27].

Известие о погроме дошло до Думы на второй день после его начала и вызвало продолжительные дебаты, двенадцать депутатов-евреев, выступившие во время дебатов, обвинили правительство и местные власти в том, что они допустили (и даже спровоцировали) этот погром. Два депутата предложили Думе пойти дальше и послать комиссию для расследования на места, где совершились злодеяния [12, с. 28].

Царские власти попытались опередить Думу, опубликовав собственный предварительный отчет об этом погроме в виде правительственного сообщения, излагающего официальную версию событий. В этом сообщении косвенно допускалось, что местная полиция участвовала в погроме. Среди причин погрома они отмечали крайне неблагоприятную обстановку в городе из-за присутствия в нём многочисленных членов революционных организаций, нападения на государственных чиновников, в частности на представителей полиции и армии, многие из которых были убиты, деморализацию местной полиции после череды убийств. Таким образом, когда христианское население начало совершать насильственные действия, отмечалось в сообщении, местная полиция не в состоянии была предотвратить погром [9, с. 2 – 4].

Действия революционеров не заставили долго ждать, 28 августа 1906 года в сквере на Парадной площади в г. Гродно максималистами было совершено покушение на подполковника отдельного корпуса жандармов Н.А. Грибоедова, причастного к погрому [13, с. 3]. Ответственность за террористический акт взяла на себя организация социалистов-революционеров максималистов, выпустившая вскоре после убийства гектографированное «заявление», подписанное «боевым летучим отрядом социалистов-революционеров максималистов» [14, с. 5]. В «заявлении» говорилось: «28 августа 1906 года в 4 часа дня членом боевого летучего отряда социалистов-революционеров максималистов был приведен в исполнение приговор в г. Гродно над жандармским подполковником Грибоедовым за его долголетнюю провокаторскую деятельность в г. Белостоке и деятельное участие в погроме» [15, л. 845].

Совершить убийство было поручено члену группы максималистов Исселю Валлаху, который и выслеживал подполковника Грибоедова. Последний, заказав себе в одном из магазинов офицерских вещей погоны, назначил время своего прибытия за ними около шести часов, и к этому времени И. Валлах должен был прийти к магазину. Но Грибоедов пришел за погонями раньше, около пяти часов дня, и работавший в этой мастерской в качестве подмастерья член группы максималистов Мовше Длугач (сооб-

шивший в группу сведения о подполковнике Грибоедове) боясь, что Грибоедов ускользнет, успел выбежать незаметно из магазина раньше подполковника Грибоедова и в 50-ти шагах от магазина совершил убийство. К убийству также были причастны максималисты Соня Гольберт, бывшая в патруле, и Давид Бехтер [16, л. 46]. Так, 3 июня 1907 года был арестован Меер Хемилевич Вайнтрауб, который, по агентурным сведениям, вместе с Иоселем Билянским был причастен к убийству, в результате обыска у Вайнтрауба были найдены листки № 3, 4 «Хлеб и Воля» и письмо из-за границы [17, л. 29]. Длугач М. задержан не был и, по агентурным сведениям, выехал в Лондон, затем в октябре 1907 года в Париж, где проживал некоторое время и работал на фабрике по изготовлению палок и ручек для зонтиков, на которой трудилось много русских политических эмигрантов, а с 1908 года снова проживал в Лондоне [18, л. 218 – 228; 19, л. 7].

Большинство террористических актов, совершенных в 1906 году в г. Гродно, совершались на Парадной площади, а лица, совершавшие их, скрывались в толпе еврейской молодежи. Осенью 1906 года после убийства подполковника Н. Грибоедова, убийца которого скрылся, полиция стала запрещать собираться там молодым евреям в большом количестве, хотя с наступлением теплой погоды, с апреля 1907 года названный сквер был снова полон молодежи, что вызывало беспокойство полиции, ожидавшей новых террористических актов [20, л. 163]. Хотя в г. Гродно наблюдением не были установлены террористические организации, но под руководством приезжих, особенно из таких очагов революции, как Варшава и Белосток, гродненские революционеры оказывали полное содействие последним в исполнении ими террористических актов [21, л. 159]. Так, 4 августа 1907 года около 10 часов вечера в Белостоке было произведено несколько выстрелов из «Браунинга» в ехавшего на коне коменданта станции Белосток Северо-Западной железной дороги, полковника А.А. Шретера, который еще в сознании был доставлен в Белостокскую окружную лечебницу и через 4 часа скончался [22, л. 27].

По подозрению в убийстве было арестовано 8 человек: Шмерель Файверелевич Гутштейн, 18 лет, мещанин г. Бреслава Ковенской губернии; Феликс Павлович Савицкий, 20 лет, крестьянин Каменковской волости Сокольского уезда; Эдля (незаконнорожденная) Фридман, 20 лет, Белостокская мещанка; Лейба Излаилевич Деректорович, 30 лет, мещанин м. Скиделя, Гродненского уезда; Шая Шмулевич Хворовский, 18 лет, мещанин Белостокского уезда; Абрам Лейбович Тетенбаум, 20 лет, мещанин посада Граево, Ломжинской губернии; Израиль Гилерович Станецкий, 22 года, мещанин м. Россь Волковысского уезда; Николай Александрович Меркулов, 24 года, дворянин Орловской губернии [22, л. 27 об.].

Вскоре после этого убийства максималисты выпустили гектографированное «заявление»: «Членами Летучего отряда боевой дружины Союза социалистов-революционеров максималистов приведен в исполнение в г. Белосток смертный приговор над комендантом Шретером, за активное участие в организации погрома в июле 1906 года на вокзале» [22, л. 31].

Было выяснено, что убийство было организовано максималистами Иошке Воллохом (Борух Шемелевич Воллох, мещанин г. Слонима) и максималистом по кличке «Ичке» (Ичко Рублянский, мещанин г. Янова, Сокольского уезда, бросивший бомбу в г. Гродно 7 мая 1906 года в казачьего есаула) [4, л. 39]. Ичко Рублянский вместе с максималистами Давидом Бехтером, Аделью Каган (участвовавший в ограблении на Фонарном переулке) и Мовше Длугачем в конце 1907 года выехали в Париж [22, л. 41]. Борух Шемелевич Воллох первоначально был задержан в г. Белостоке, 6 сентября 1906 года, при обыске у него были обнаружены: копия обвинительного акта по делу покушения на убийство революционерами помощника Сокольского исправника Полховского, городского Карпова и пристава Самсонова; брошюра нелегального издания под названием «Что нужно крестьянину». В итоге Воллох был сослан в Архангельскую губернию сроком на 2 года, откуда бежал и был взят окончательно под стражу в г. Белостоке 12 ноября 1907 года. Помощник начальника Гродненского губернского жандармского управления ходатайствовал о высылке Воллоха в самые отдаленные местности Восточной Сибири под гласный надзор полиции. Последний был выслан в Якутскую область [23, л. 442].

Часто жертвами максималистов становились ни в чем не повинные люди. Так, 16 марта 1907 года в 12 часов дня на Сенном базаре (Суражская улица) в г. Белостоке был убит крестьянин хутора Пишковки Старобельского уезда Харьковской губернии Федот Игнатьевич Литвинов 47 лет [24, л. 33]. Убитый Литвинов несколько дней подряд ходил по Песчаной улице, где подыскивал соответствующее помещение для трактирного заведения, ввиду чего был принят за филера и убит [24, л. 39]. Убийство совершено сапожником, мещанином г. Кузницы Сокольского уезда Иоселем Нахимовичем Белянским, принимавшим участие в убийстве подполковника Грибоедова в Гродно [25, л. 12].

Ввиду широкой провокаторской деятельности, а также особого внимания к организациям максималистов со стороны Департамента полиции последовал ряд терактов, направленных против лиц, заподозренных в связях с репрессивными органами самодержавия. Одним из них было покушение на Сруля-Симху Юдовича Кагана (мещанин г. Двинска, 21 года) 18 мая 1908 года на Мельничной улице, у дома Закройского. Сруль-Симха Юдович Каган был убит наповал, тремя выстрелами из револьвера системы «Браунинг». Каган принадлежал к группе социалистов-революционеров максималистов, но после выхода из нее единомышленники Кагана заподозрили его в провокаторстве [26, л. 6].

Вскоре после этого убийства, в конце мая 1908 года, было выпущено гектографированное извещение: «Северо-Западный Боевой Летучий Отряд извещает, что 18 мая, в 8 часов вечера, членом отряда приведен в исполнение смертный приговор над провокатором Симхе за принадлежность его к Белостокской охране» [26, л. 11]. Отряд этот сформирован был известным максималистом Ичкой Рубляньским, скрывающимся около Вильно [26, л. 12]. В число членов отряда входили и анархисты, что же касается Симхи Кагана, то он никогда в числе полицейских агентов не состоял, а не был арестован полицией лишь потому, что бездействовал [26, л. 12 об.].

По полученным агентурным путем сведениям, убийство Симхи Кагана совершил мещанин Пружанского уезда Шоель Хонович Хваловский, 18 лет, по профессии пекарь. После убийства Хваловский скрылся из г. Белостока, а брат его, Янкель Хваловский, известный под кличкой «Янкель-Вебер», уехал в Париж [26, л. 18].

В первой половине мая 1908 года в сыскное отделение полиции г. Белостока явились мещане Абрам Давидович Слепицкий и Мовша Шмулевич. Они назвались максималистами и изъявили желание сотрудничать с полицией. Впоследствии Шмулевич предал Слепицкого, и на последнего было совершено покушение [26, л. 23]. Раненый Слепицкий сообщил судебному следователю, что стреляли в него Шоель Хонович Хваловский (убивший Симху Кагана) и портной Шолом-Мейшке Иоселевич Контонист [26, л. 23 об.].

Денежные затруднения привели максималистов к мысли о необходимости организации экспроприаций. В одной из самых крупных экспроприаций – захвате казначейских сумм в Фонарном переулке в Петербурге – были замечены максималисты из Гродненской губернии: Федор Дорожко и Адель Каган. Дорожко Ф. был кучером пролетки, на которой А. Каган увезла награбленные деньги [19, л. 8]. Изъятая сумма составила около 400 тыс. руб. Экспропрированные деньги были благополучно переправлены на конспиративную квартиру организации. Впоследствии большая часть этой суммы бесследно исчезла [3, с. 183].

Начиная с 1907 года максималистские группы белорусских губерний захлестнула волна экспроприаций, боевики провели ряд акций, имевших ярко выраженный характер авантюры. Так, в сентябре 1907 года гомельской организацией эсеров-максималистов была предпринята попытка захвата поезда с государственной казной в Добруше Могилевской губернии. 18 сентября в Добруш направились 24 боевика-максималиста, а вместе с ними и осведомленная провокатором полиция. По прибытии на станцию один максималист был убит, арестованы Владек Гедеман, Садовник Гедельман-Вильгельм и еще трое боевиков, остальным удалось скрыться [27, л. 5].

Следует отметить казенную экспроприацию на станции Новогрудок 29 июня 1908 года. Организаторами ее были видные максималисты Эля Гиршевич Добковский, Ицко Рубляньский, Берко-Вольф Абрамович-Меерович Якобсон (партийная кличка «Борис», мещанин Витебской губернии, Двинского уезда) [28, л. 249, 249 об., 260].

Нападение на поезд № 8 Полесской железной дороги, прибывший на станцию Новогрудок в 5 часов утра, было совершено с целью ограбления дневной выручки, которая следовала в бронированном сундуке багажного вагона под охраной кондуктора. Как показал на допросе Гирша Ельяшевич Бляхер (мещанин м. Михалишки Виленской губернии), нападение готовилось заранее. Так, в г. Вильно, возле железной дороги, в лесу собрались максималисты (20 – 25 человек) и планировали учинить где-нибудь экспроприацию для пополнения средств партии. 27 июля в лесу близ Новогрудка прошло совещание максималистов, было принято решение совершить нападение на поезд, на котором на следующее утро должны были везти большие деньги. Станцию Новогрудок выбрали потому, что эта станция слабо охраняется и оттуда возможно незаметно скрыться. Всего предполагавших совершить нападение было 14 – 16 человек, причем все были вооружены браунингами, кроме того, «Борис» привез из Лиды четыре бомбы [28, л. 249]. На совещании в лесу Зубрицкий, Гудовский и Гульбе решили, что нужно будет убить станционного жандарма, как только он покажется на платформе. Это должны были сделать Гудовский и Гульбе [28, л. 250].

Несколько боевиков поджидали поезд на станции, а остальные боевики ехали на данном поезде, который был сразу же обстрелян по прибытии на платформу. Помощник начальника станции направился к багажному вагону, чтобы вложить выручку (1037 руб. 7 коп.), но, подходя к вагону, услышал выстрелы и бросился бежать в товарный двор, вдогонку ему было произведено несколько выстрелов, однако он успел скрыться и, таким образом, сохранил выручку [28, л. 246]. Пытаясь проникнуть в багажный вагон, где были деньги, Ицко Рубляньский неудачно бросил бомбу, в результате чего погиб от ее взрыва. Его соучастники отняли четыре частных подводы, стоявшие у вокзала, и направились в направлении к м. Дятлово Слонимского уезда [28, л. 249 об.].

Организованной погоней у м. Орли, на другом берегу Немана, в Лидском уезде Виленской губернии было задержано 8 человек из числа нападавших, все взятые с вокзала 4 подводы, 6 же боевиков бросились в лес и скрылись, но затем один из них был задержан в м. Зельва Волковысского уезда, а другой на ж/д переходе, шедший из м. Мосты в г. Гродно [28, л. 246]. Задержанный в м. Зельва предъявил паспортную книжку мещанина г. Белостока Моисея Шмулевича-Хаимовича Эльбаума. На самом же деле оказалось, как было установлено, он являлся известным максималистом Элией Гиршевичем Добковским [26, л. 44; 28, л. 263].

В 1908 году Союз социалистов-революционеров максималистов фактически прекратил свое существование из-за массовых арестов, спада революционного движения и наступления реакции, хотя в ряде городов (Белостоке, Минске, Гродно) небольшие группы сохранились [29, с. 32]. Так, по данным Департамента полиции, в г. Белостоке в 1910 году организация социалистов-революционеров максималистов практически не существовала, хотя ряд членов партии пытался возобновить работу [30, л. 9].

Так, летом 1910 года Центральный комитет Союза социалистов-революционеров максималистов посоветовал белостокской организации убить в Варшаве помощника генерал-губернатора по полицейской части генерал-лейтенанта Льва Карповича Утгофа и прокурора судебной палаты Сергея Дмитриевича Набокова [31, л. 40]. Израиль Шлемович Медовник прислал из Парижа в Белосток письмо, в котором спрашивал: «Есть ли у кого-либо возможность в Варшаве заходить за справками в канцелярию генерала Утгофа и в канцелярию Набокова». Из Варшавы в Белосток 19 июня прибыл член местной организации Мейшка Брамсон, где он виделся с Израилем Медовником. Белостокская организация высказалась против участия в предполагаемом в Варшаве террористическом акте из-за своей малочисленности [31, л. 9].

С 1912 года деятельность максималистов почти прекращается, хотя прокламации за подписью их организаций продолжали появляться вплоть до 1914 года. Дальнейшая история максимализма связана уже с событиями 1917-го и последующих лет [3, с. 207].

Заключение. Пик максималистского террора приходится на годы революции 1905 – 1907 годов. Активная, преимущественно террористическая, деятельность максималистов вызывала широкий общественный резонанс и пристальный контроль со стороны Департамента полиции. На территории белорусских губерний террористическая деятельность максималистов наибольший размах приобрела в Гродненской губернии, особенно в Белостоке.

Деятельность максималистских организаций на территории белорусских губерний, несмотря на достаточно большое количество терактов и покушений, была малоэффективна, поскольку покушения совершались в основном на мелких полицейских и государственных чиновников, а также тех, кто был заподозрен максималистами в провокаторской деятельности или сотрудничестве с царской охранкой.

Поражение первой русской революции 1905 – 1907 годов привело к усилению репрессий во внутренней политике России. В первую очередь репрессии были направлены против политических партий, которые достаточно широко применяли в своей тактике методы индивидуального террора, ввиду чего один из главных ударов царской полиции был направлен против организаций эсеров-максималистов. В ходе массовых арестов в 1907 – 1908 годах организации социалистов-революционеров максималистов на территории Беларуси практически прекратили свое существование, поэтому им пришлось отказаться от террористической деятельности из-за своей малочисленности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Союз эсеров-максималистов. 1906 – 1924 гг. Документы, публицистика / Политические партии России, конец XIX – первая треть XX века. – М.: Рос. полит. энцикл. (РОССПЭН), 2002. – 423 с.
2. Жуков, А.Ф. Идеино-политический крах эсеровского максимализма / А.Ф. Жуков. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1979. – 158 с.
3. Павлов, Д.Б. Эсеры-максималисты в первой российской революции / Д.Б. Павлов. – М.: Изд-во ВЗПИ, 1989. – 240 с.
4. Гусев, К.В. Рыцари террора / К.В. Гусев. – М.: Луч, 1992. – 143 с.
5. Будницкий, О.В. История терроризма в России в документах, биографиях, исследованиях / О.В. Будницкий. – Ростов н/Д: Феникс, 1996. – 573 с.
6. Прайсман, Л.Г. Террористы и революционеры, охранники и провокаторы / Л.Г. Прайсман. – М.: РОССПЭН, 2001. – 429 с.
7. Городницкий, Р.А. Боевая организация партии социалистов-революционеров в 1901 – 1911 гг. / Р.А. Городницкий. – М.: РОССПЭН, 1998. – 239 с.
8. Леонов, М.И. Партия социалистов-революционеров в 1905 – 1907 гг. / М.И. Леонов. – М.: РОССПЭН, 1997. – 511 с.
9. Правительственное сообщение // Гродненские губернские ведомости (Неофициальная часть). – 1906. – № 26. – С. 2 – 4.
10. Боевые предприятия социалистов-революционеров в освещении охранки. – М., 1918. – 111 с.
11. Переписка с помощником Гродненского ГЖУ о возбуждении дознаний, о лицах подозреваемых в совершении террористических актов, оскорблении царя и др. // Нац. исторический архив в г. Гродно (далее – НИАБ в г. Гродно). – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 137. – Л. 120.
12. Галай, С.М. Еврейские погромы и роспуск I Государственной думы в 1906 году / С.М. Галай // Вопросы истории. – 2004. – № 9. – С. 23 – 39.
13. Похороны подполковника Грибоедова // Гродненские губернские ведомости (Неофициальная часть). – 1906. – № 33. – С. 3.

14. Убийство подполковника Грибоедова // Гродненские губернские ведомости (Неофициальная часть). – 1906. – № 37. – С. 5.
15. Переписка с начальниками губернских жандармских управлений, помощниками начальника Гродненского ГЖУ и др. о розыске членов политических партий и сборе сведений о них // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 423. – Л. 845.
16. О группе социалистов-революционеров максималистов. Общая переписка // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – ДП ОО. – Фонд 102. – 1908. – Оп. 238. – Д. 10, т. 1. – Л. 46.
17. Переписка с директором ДП, помощниками начальника Гродненского ГЖУ и др. о розыске лиц распространявших нелегальную литературу и принадлежавших к партиям анархистов, максималистов и др. // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 92. – Л. 29.
18. Переписка с прокурором Гродненского окружного суда помощниками начальника Гродненского ГЖУ и др. о производстве дознаний, о лицах обвинявшихся в распространении нелегальной литературы, оскорблениях царя и др. // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 106. – Л. 218–228.
19. О группе социалистов-революционеров максималистов по Виленской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1908. – Оп. 238. – Д. 10 ч. 6 л. А. – Л. 7–8.
20. Переписка с Гродненским губернатором, своими помощниками и др. о лицах принадлежавших к разным партиям, списки лиц у которых произведены обыски // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 91. – Л. 163.
21. Переписка с прокурором Гродненского окружного суда помощника начальника Гродненского ГЖУ и др. о розыске лиц, обвиняемых в хранении и распространении нелегальной литературы и производстве у них обысков // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 89. – Л. 159.
22. О группе социалистов-революционеров максималистов по Гродненской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1907. – Оп. 237. – Д. 10 ч. 13. – Л. 27–41; 14–16.
23. Переписка с начальником Гродненского ГЖУ, унтер-офицерами дополнительного штата и др. о надзоре за деятельностью политических партий, сборе средств, о состоявших под надзором лицах // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 369. – Оп. 1. – Д. 81. – Л. 442.
24. Циркуляры ДП о розыске лиц принадлежавших к антиправительственным организациям // НИАБ в г. Гродно. – Белостокское ОО. – Фонд 1066. – Оп. 1. – Д. 3. – Л. 33, 39.
25. Оппозиция партии социалистов-революционеров – максималисты по Гродненской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1907. – Оп. 237. – Д. 10 ч. 13. – Л. 12.
26. Гродненская губерния // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1908. – Оп. 238. – Д. 10 ч. 13. – Л. 6–18, 44.
27. Максималисты по Могилевской губернии // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1907. – Оп. 237. – Д. 10 ч. 33. – Л. 5.
28. Переписка с уездными исправниками, унтер-офицерами дополнительного штата Гродненского ГЖУ и др. о забастовках рабочих, об обнаружении нелегальной литературы // НИАБ в г. Гродно. – Помощник начальника Гродненского ГЖУ в Гродненском, Слонимском и Волковысском уездах. – Фонд 369. – Оп. 1. – Д. 39. – Л. 249–263.
29. Шестак, Ю.И. Банкротство эсеров-максималистов / Ю.И. Шестак // Вопросы истории. – 1977. – № 1. – С. 30–46.
30. Максималисты по городу Белостоку // ГАРФ. – ДП ОО. – Фонд 102. – 1910. – Оп. 240. – Д. 10 ч. 19 Б. – Л. 2, 9.
31. Выписки из агентурных сводок и деятельности партии социалистов-революционеров максималистов в г. Белостоке // НИАБ в г. Гродно. – Гродненское ГЖУ. – Фонд 366. – Оп. 1. – Д. 156. – Л. 40.

Поступила 24.10.2011

THE TERRORIST ACTIVITY OF THE UNION OF SOCIALIST-REVOLUTIONARIES MAXIMALIST ON THE TERRITORY OF BELARUSIAN PROVINCES IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

L. DAVYDOVA

In this article is analyzed the terrorist activity of the Union of Socialist-Revolutionaries (SR) maximalists on the territory of Belarusian provinces which was the main and almost exceptional affair of their organizations. During the revolution years (1905 – 1907) the terrorist activity became the biggest range which was directed against the state officials and evoked the wide public resonance. The murder of the lieutenant colonel of the separate case of gendarmes N. Griboedov in August, 28th, 1906 in Grodno and the attempt of expropriation at the station Novogrudok in June, 29th, 1908 were the largest acts of terrorism. The terrorist activity and expropriations maximalists attracted the fixed attention of the police department and it was the cause of the mass arrests of the SR-maximalists in 1907 – 1908.

УДК 94(476)«1905/1915»

**ОБЩЕСТВО И ЖУРНАЛ «КРЕСТЬЯНИН»
КАК ПРЕДСТАВИТЕЛИ МОНАРХИЧЕСКОГО ЛАГЕРЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ
(1905 – 1915 гг.)**

М.В. ГРОМЫКО

(Могилевский государственный университет им. А.А. Кулешова)

Анализируется деятельность общества «Крестьянин», направленная на сохранение царского самодержавия. Освещается его позиция по важнейшим вопросам общественно-политической и социально-экономической жизни страны. Также дается характеристика журнала «Крестьянин», идеологическая работа которого заключалась в укреплении монархических принципов в сознании населения, дискредитации идей левых партий, агитации против поляков и евреев с целью уменьшить их политическое и экономическое влияние в крае. Автор делает вывод о том, что, создаваясь как организация, призванная улучшить положение крестьянского населения, она превратилась в политическое объединение, деятельность которого была направлена на защиту основ существующего строя. Кроме того, отмечается русский национальный характер общества, выступавшего против национально-освободительного движения и не признававшего самостоятельности белорусского языка и культуры.

Введение. Под влиянием общероссийских монархических партий в годы первой русской революции 1905 – 1907 годов подобного типа политические объединения стали возникать и на территории Северо-Западного края. В монархическом лагере Беларуси активно действовало общество «Крестьянин». Данная организация долгое время не являлась самостоятельным предметом исследования в отечественной историографии. Однако значительное внимание ей уделял А. Цвикевич в рамках характеристики идеологии и практики западнорусизма [1].

Анализируя программные установки и основные направления работы монархических объединений Северо-Западного края, Н.С. Сташкевич и И.Ф. Романовский дают характеристику и обществу «Крестьянин» [2]. Деятельность его лидера А.С. Ковалюка в ходе избирательной кампании в IV Государственную думу кратко освещена в монографиях Н.М. Забавского [3; 4]. Данный вопрос нашел свое отражение в работах могилевских историков К.М. Бондаренко и Д.С. Лавриновича в контексте изучения ими партий и организаций монархического направления на территории Беларуси в 1905 – 1917 годах [5 – 8].

Рассматривая полемику правой прессы с «Нашей нивой», В.В. Волженков обстоятельно проанализировал позицию журнала «Крестьянин» по национальному вопросу [9]. Взгляды деятелей «Крестьянина» на решение аграрного вопроса и проблемы народного образования рассмотрела Е.И. Головач [10].

Цель данного исследования – проанализировать деятельность общества «Крестьянин», направленную на сохранение царского самодержавия, освещение его позиций по важнейшим вопросам общественно-политической и социально-экономической жизни страны, а также характеристика одноименного периодического органа, идеологическая работа которого была направлена на укрепление монархических принципов в сознании населения.

Основная часть. В отношении Виленского, Ковенского и Гродненского генерал-губернатора от 14 января 1906 года на имя министра внутренних дел так говорилось о причинах возникновения общества «Крестьянин»: «Среди некоторых лиц, проживающих в г. Вильне, происходящих из крестьян и состоящих на государственной и общественной службе, возникла мысль соединиться в союз в целях содействия умственному и нравственному развитию крестьян шести губерний Северо-Западного края и оказания им материальной поддержки. Главным побуждением в этом деле послужило стремление внести в среду местного крестьянского населения истинное понимание начал объема прав и обязанностей, дарованных ВСЕМИЛОСТИВЕЙШИМ Манифестом 17 октября 1905 года всем русским подданным и парализовать вредное на них влияние революционных агитаторов, пользующихся их косностью и доверием» [11, л. 1].

Общество появилось на рубеже 1905 – 1906 годов, его главой стал преподаватель гимназии С.А. Ковалюк, который являлся также редактором-издателем детского журнала «Зорька» и «Педагогических записок», учредителем и руководителем частной мужской прогимназии. С января 1906 года начал выходить печатный орган организации под тем же названием, который вначале редактировал преподаватель виленского реального училища А.С. Вруцевич, а затем Вруцевич и Ковалюк. На страницах этого журнала согласно его программе должны были рассматриваться правительственные распоряжения и разъяснения их, основные положения государственного устройства и вообще все проблемы, выдвинутые крестьянской жизнью. Печатались руководящие статьи по вопросам общественной жизни, по улучше-

нию земледелия, сообщения о наиболее выдающихся событиях как в России, так и за границей, а также произведения народного творчества [12, с. 1]. Журнал освещал происходившие в государстве перемены на понятном крестьянам языке с консервативно-монархической точки зрения. Редакция стремилась выпускать доступное издание для населения. Первоначально оно стоило подписчику 1 руб. в год, обществу же обходилось в 1 руб. 39 коп. Редактор и все сотрудники работали бесплатно. Дефицит покрывался из членских взносов общества «Крестьянин» (3 руб. в год), а на его издание не выделялось никаких частных и правительственных субсидий. В то же время журнал пользовался успехом среди населения, о чем свидетельствует тот факт, что к концу 1906 года он распространялся уже в количестве трех тысяч экземпляров [13, с. 606].

Общество «Крестьянин» своей целью ставило «путем устного и печатного слова содействовать умственному и нравственному развитию крестьян Северо-Западного края, пробуждать в них на основах Манифеста 17 октября 1905 года сознание свободных и равноправных граждан России, защищать на почве законности их экономические и правовые интересы и оказывать нравственную и материальную поддержку своим членам». А также в уставе организации указывалось, что она «подчиняется в своей деятельности существующим узаконениям и распоряжениям правительства». В ее члены принимали лиц крестьянского происхождения и людей других сословий, которые являлись христианами и сочувствовали «проведению в жизнь основных начал» Манифеста 17 октября 1905 года [14, с. 225].

1 марта 1906 года Министерство внутренних дел утвердило устав организации. Делами общества заведовал Центральный комитет, который находился в г. Вильно. Комитет состоял из председателя, двух его товарищей, казначея, секретаря, трех его товарищей и двенадцати членов. Вокруг общества главным образом концентрировались зажиточные слои крестьянства, чиновники царской администрации, православное духовенство и часть интеллигенции, а его численность колебалась в пределах тысячи человек [15, с. 261].

Основные направления деятельности «Крестьянина» были изложены в его программе, напечатанной в «Виленском вестнике» от 29 декабря 1905 года, кроме того там содержался устав, к вступлению в члены приглашались все желающие. Свою просветительную деятельность общество начало изданием в г. Вильно журнала «Крестьянин». В дальнейшем планировалось устраивать для народа публичные лекции и беседы, открывать библиотеки и читальни в различных пунктах Северо-Западного края. Для улучшения жизни крестьян предполагалось создавать в деревнях потребительные общества и ссудо-сберегательные товарищества, содействовать улучшениям в сельском хозяйстве, проводить в сознание крестьян стремление к трезвой, трудовой жизни, к улучшению их быта и укреплению здоровья. Общество считало, что для всех лиц податных сословий не должно быть никаких сословных ограничений. Они должны быть вполне равноправны и иметь доступ во все учебные заведения, а также на государственную службу на общем основании. Заявлялось, что желательнее всеобщее начальное обучение, а народную школу необходимо преобразовать: общеобразовательную программу ее расширить и школе придать более практический характер. Идеалом политического устройства объявлялась «монархия с народным представительством», которая должна была обеспечить благо и процветание России [16, с. 3].

Для достижения намеченных целей общество устраивало съезды, которые обсуждали крестьянские нужды и определяли наилучшие пути их удовлетворения, открывало потребительские общества и лавки, защищало крестьян в различных учреждениях, оказывая им юридическую помощь, на страницах журнала печатались необходимые народу сведения по сельскому хозяйству, экономике, политике и т.д. Кроме того, с начала 1910 года в г. Вильно общество открыло первый русский книжный и писчебумажный магазин «Русский мир», а С.А. Ковалюк был управляющим и пайщиком типографии «Русский почин». Журнал «Окраины России» успех в делах общества «Крестьянин» приписывал именно его руководителю: «Все дело в том, – отмечалось в одной из публикаций, – что во главе его стоит энергичный и преданный идее председатель, который с немногими сотрудниками несет на своих плечах всю тяжесть работы общества» [17, с. 154].

Редактор журнала А.С. Вруцевич в статье, посвященной открытию виленского отдела Русского окраинного союза, так определял роль русского населения на окраинах империи: «Общегосударственные вопросы при всей их важности имеют для нас второстепенное значение, ибо мы своими слабыми местными силами не можем оказать серьезного влияния на их решение в том или ином смысле, для этого наш голос слишком слаб и далек. Но на нас лежит специальная задача отстаивать эти интересы здесь на месте, и насколько мы успеем в этом, настолько окажем услугу и общегосударственным интересам» [18, с. 202].

Общество «Крестьянин» представляло себя прежде всего как защитник крестьянства и вначале маскировало свою политическую направленность, сообщив, что оно не разделяет программные устремления ни одной из российских политических партий, а будет добиваться политического и культурного развития края. Однако уже в начале 1906 года его лидеры заявили, что выступают против идей социали-

стов и ждут удовлетворения крестьянских интересов от самого царя. Эта же идея декларировалась и в самом журнале «Крестьянин», на страницах которого говорилось: «Можем вас уверить, что крестьяне добиваются только земли, а не воли» [2, с. 219 – 220].

Организация допускала увеличение крестьянского землевладения за счет принудительного отчуждения части помещичьих земель. Анализируя данные генерал-губернаторской статистики, которая была подготовлена к совещанию по вопросам землеустройства 29 – 31 августа 1906 года, журнал «Крестьянин» заметил, что в 1906 году общая площадь налогооблагаемых наделных крестьянских земель в Виленской, Гродненской и Ковенской губерниях составляла 4,5 млн. десятин, т.е. в два раза меньше, чем в 1860 году, накануне отмены крепостного права. Для того чтобы сократить количество малоземельных и безземельных крестьян в крае, общество предложило довести уровень наделного крестьянского землевладения до уровня 1860 года, прибавив к нему недостающие 4,5 млн. десятин, взятых из крупных латифундий. Однако, отражая настроения, прежде всего зажиточного крестьянства, которое рассчитывало на столыпинскую реформу, общество не настаивало на выполнении своих требований [5, с. 79].

В национальном вопросе общество занимало антиеврейскую и антипольскую позицию и считало, что коренное население, крестьяне, «занимают среди инородцев во всех отношениях приниженное положение», а также выступало за неделимость России, против дробления ее ни под каким видом [19, с. 461]. Журнал заявлял, что гарантом целостности и стабильности государства является самодержавный царь: «Самодержавие, – утверждалось на его страницах, – главный залог единства и целости святой Руси». Издание призывало к объединению и борьбе против «инородцев» за «русские Святыни: наш родной язык, Православие и Царя Самодержавного!» [20, с. 293 – 294].

Данный периодический орган не признавал самостоятельности белорусского языка и культуры, считая последнюю органичной частью русской. В статье «„Друзья“ белорусского народа» автор отмечал, что начиная с 1905 – 1906 годов польские и некоторые русские, издающиеся поляками, газеты и журналы стараются уверить своих читателей в том, что белорусы – не ветвь русского народа, а отдельный этнос. Кроме того, появилась газета «Наша нива», издающаяся «будто бы на белорусском языке», который настоящие белорусы признать своим не могут: в нем очень много польских слов. Автор отмечал, что эти так называемые «друзья» белорусского народа на самом деле судьбой его мало заняты, а вся их деятельность направлена на усиление польского влияния в крае [21, с. 12 – 13]. Освещая позицию общества «Крестьянин» по национальному вопросу «Окраины России» писали: «Общество чуждо всяких сепаратистских стремлений: оно не отделяет белорусов от великорусов, это одна русская народность, те и другие, а также малорусы – русские люди» [22, с. 25].

Со страниц периодического издания велась агитационная и пропагандистская работа среди местного русского населения в защиту правых партий, союзов и организаций, а также их органов периодической печати, которые поддерживали существующий строй. Левые же подвергались критике и дискредитировались в глазах народа. Например, С. Акимов в статье «Правые и левые общества» давал такую характеристику изданиям левого направления: «В этих газетах постоянно высмеивается и унижается все наше самобытно-русское, подрывается вера в Бога, а государственная власть выставляется как насилие и издевательство над личностью человека. Чтобы правительство не делало, в этих газетах его только осуждают». Далее приводился рекомендуемый населению список правой периодики, издававшейся в Северо-Западном крае: «Крестьянин», «Виленский вестник», «Минское слово», «Белорусская жизнь», «Вестник виленского православного Свято-Духовского братства», «Гомельское слово». Предлагалось выписывать и выходившие в Петербурге газеты и журналы: «Свет», «Земщина», «Новое время», «Русское знамя», «Вестник Союза русского народа», «Окраины России» [23, с. 244].

В течение 1906 – 1907 годов происходила дальнейшая эволюция общества вправо. Часть его членов, не разделявшая резко шовинистического курса руководства организации, покинула ее ряды и создала в 1908 году собственное объединение «Белорусское общество», председателем которого стал Л.М. Солоневич. Общество же «Крестьянин» сблизилось с русскими националистами [15, с. 261].

27 февраля 1912 года был утвержден устав Виленского русского национального союза, в котором фиксировалось, что эта «организация ставит своей целью объединить местное русское общество в стремлении сберечь национальное достояние России в этом крае – веру, язык и народность – и упрочить духовную и культурную связь с коренной Россией» [24, с. 1].

Союз, опираясь на основные законы, исповедовал следующие начала:

- а) единство и нераздельность Российской империи и господство в ней русской народности;
- б) упрочение русской государственности на началах самодержавной власти Царя в единении с законодательным народным представительством;
- в) единство русского государственного языка, преподавание во всех правительственных, общественных и частных школах исключительно на русском языке; употребление во всех правительственных и общественных учреждениях только русского языка;

г) желательность введения в действующее законодательство поправок, необходимых для охраны русской государственности и народности в Западном крае;

д) помощь русскому населению в его экономической борьбе с инородцами;

е) предотвращение возможности использования закона о свободе совести, как средства религиозно-национальной борьбы для отторжения коренного русского населения в крае от русской народности [24, с. 1].

18 марта 1912 года состоялось первое общее собрание членов Виленского русского национального союза, а 30 марта было избрано его правление. Председателем стал руководитель общества «Крестьянин» С.А. Ковалюк [25, с. 144]. Деятельность союза в полной мере нашла свое отражение на страницах журнала «Крестьянин», где освящались его основные направления работы и политические устремления. В обращении «К русским людям» напечатанном в № 33 от 30 августа 1912 года автор определил его цели и задачи: «Укрепление русских национальных начал в этом крае и поднятие в нем культуры и благосостояния населения составляют нашу историческую задачу... Русский национальный союз... преследует не узкие цели, имеет в виду интересы не одной какой-либо части русского населения, и работает на развитие и укрепление всего, на чем зиждется здесь русское дело. Вера православная, государственный язык, русская культура и поднятие благосостояния всех слоев населения – вот то, на укрепление чего работает Виленский русский национальный союз...» [26, с. 512].

Союз сразу же начал свою деятельность. Уже 17 апреля 1912 года в Петербург прибыла его делегация в составе председателя С.А. Ковалюка и членов комитета этого союза А.С. Вруцевича и Л.М. Солоневича. Цель делегации – ходатайствовать перед властями об ограждении белорусского населения от полонизации его польскими ксендзами при посредстве правительственной начальной школы. В Петербурге к делегации присоединились члены Государственной думы от Минской губернии, священники Юрашкевич, Павлович и член Западно-русского общества, редактор журнала «Окраины России» Бывалькевич. 17 апреля, в два часа дня, делегация была принята министром внутренних дел Макаровым.

Ковалюк С.А. подробно изложил министру, что цель делегации – обратить внимание правительства на явное и открытое нарушение польским духовенством указа от 17 апреля 1905 года. Указом этим было предоставлено право всем национальностям вести преподавание в школах закона божьего на родном языке, между тем польское духовенство, вопреки закону, ввело во всех школах Беларуси с католическим составом учащихся преподавание его на польском языке, чуждом и непонятном белорусскому народу.

В заключение делегация представила министру письменный доклад, в котором предлагалось признать, что в Северо-Западном крае крестьян-поляков нет, поэтому в сельских начальных и городских училищах по положению 1872 года закон божий римско-католического исповедания должен преподаваться только на русском языке, или литовском, за исключением тех населенных шляхтой околиц, принадлежность которых к польской национальности будет бесспорно установлена.

Министр отнесся к делегации с полным сочувствием и заявил, что он вполне присоединяется к ее мнению о незаконной деятельности польского духовенства в белорусской школе и со своей стороны делает все от него зависящее, чтобы изменить положение дел.

18 апреля в два часа дня представителей русских организаций Северо-Западного края принял министр народного просвещения Л.А. Кассо. Министр согласился, что введение польским духовенством преподавания закона божьего на польском языке является открытым нарушением указа от 17 апреля 1905 года.

В девять часов вечера западнорусская делегация была приглашена в заседание совета Украинского союза, состоявшееся под председательством члена Государственного совета А.С. Стешинского. В заседании участвовали: князь А.А. Ширинский-Шихматов, В.Ф. Дейтрих, А.М. Поздеев, Н.Н. Корево, П.А. Кулаковский, Н.А. Зверев, П.Г. Бывалькевич и П.И. Максимов. Здесь делегацией был сделан подробный доклад, как о положении дел в Беларуси, так и о результатах пребывания в Петербурге.

19 апреля были заслушаны сообщения председателя Виленского национального союза С.А. Ковалюка и членов совета союза Л.М. Солоневича и А.С. Вруцевича. В сообщениях был дан исторический очерк Литвы, доказывающий, что Литва была искони русской землей и нахождение ее под властью Польши со времени Люблинской унии до польского восстания не дает полякам никаких прав на то, чтобы предъявлять свои претензии на эту территорию. Обращаясь к положению белорусов, докладчики указывали, что ксендзы настаивают на преподавании закона божьего в белорусских школах на польском языке исключительно в целях политической пропаганды полонизма [27, с. 259 – 261].

Русские националисты во главе с С.А. Ковалюком сразу начали предвыборную кампанию в IV Государственную думу, куда планировали провести своих кандидатов. Они вступили в борьбу за голоса русских избирателей с виленским Свято-Духовским братством, которое поддерживало представителя крайне правых, бывшего члена предыдущего парламента Г.Г. Замысловского. Как только стало известно, что националисты идут на выборы самостоятельно, братство подвергло С.А. Ковалюка, выставившего

свою кандидатуру, уничтожающей критике в прессе. Не только «Вестник братства», но и такие известные в крае русские издания как «Виленский вестник» и «Северо-Западная жизнь» стали размещать в своих номерах компрометирующие материалы против С.А. Ковалюка [28, с. 481 – 482]. Кроме того, по чьему-то ходатайству управлявшим Виленской губернией вице-губернатором Подъяконовым было наложено административное взыскание в размере 300 руб. на редактора журнала Ковалюка за помещение в № 21 за 1912 год передовой статьи под заглавием «Труды Государственной Думы», в которой критиковалась III Государственная дума за то, что она равным счетом ничего не сделала для крестьян [29, л. 4].

Бесспорно, что противостояние между Свято-Духовским братством и националистами принципиального значения не имело. Это были внутренние разногласия в правом лагере. Итогом этой борьбы за власть стала победа братства, которое провело в депутаты Г.Г. Замысловского [4, с. 189]; С.А. Ковалюк, потерпевший неудачу на выборах, сложил с себя звание председателя национального союза [30, с. 600].

Общество «Крестьянин» продолжило свою деятельность в том же направлении и действовало вплоть до 1915 года, когда западная часть Беларуси была оккупирована войсками кайзеровской Германии.

Заключение. Общество «Крестьянин» претерпело изменения от правоохранительского направления до умеренно-монархического, что выразилось в сближении его с русскими националистами. Оно поддерживало столыпинскую аграрную реформу, выступало против революционного и национально-освободительного движения, не признавало самостоятельности белорусского языка и культуры, требовало от правительства ликвидировать экономическое господство и ослабить политическое влияние польских землевладельцев и еврейской буржуазии. Создаваясь как организация, призванная улучшить положение крестьянского населения, общество превратилось в политическое объединение, деятельность которого была направлена на защиту основ царского самодержавия. Для укрепления монархических принципов в сознании населения оно активно вело агитационную и пропагандистскую работу на страницах своего периодического органа печати с одноименным названием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Цвікевіч, А. «Западно-руссизм». Нарысы з гісторыі грамадскай мыслі на Беларусі ў XIX і пачатку XX в. / А. Цвікевіч; пасляслоўе А. Ліса. – 2-е выд. – Мінск: Навука і тэхніка, 1993. – 352 с.
2. Шашкевич, Н.С. Помещичье-монархические партии и организации в Беларуси / Н.С. Шашкевич, И.Ф. Романовский // Палітычныя партыі Беларусі. Гістарычныя сшыткі. Сшытак другі. – Мінск: Згода, 1994. – С. 217 – 261.
3. Забаўскі, М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў грамадска-палітычным жыцці Беларусі (1906 – 1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск: БДПУ імя М. Танка, 1999. – 212 с.
4. Забаўскі, М.М. Расійская Дзяржаўная дума ў лясах Беларусі (1906 – 1917 гг.) / М.М. Забаўскі. – Мінск: БДПУ, 2008. – 267 с.
5. Бондаренко, К.М. Русские и белорусские монархисты в начале XX века / К.М. Бондаренко, Д.С. Лавринович. – Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2003. – 212 с.
6. Бондаренко, К.М. Правые партии и их организации в Беларуси (1905 – 1917 гг.) / К.М. Бондаренко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 412 с.
7. Монархическое движение в России и Беларуси в 1905 – 1917 гг.: хрестоматия; учеб.-метод. пособие / авт.-сост. К.М. Бондаренко. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 296 с.
8. Лавринович, Д.С. Деятельность Конституционно-демократической партии и «Союза 17 октября» в Беларуси (1905 – 1918 гг.) / Д.С. Лавринович. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2009. – 336 с.
9. Волженков, В.В. Полемика «Нашай Нівы» с правой прессой / В.В. Волженков // Вестн. Полоц. гос. ун-та. – 2009. – № 1. – С. 34 – 40.
10. Головач, Е.И. Аграрный вопрос и проблема народного образования в воззрениях и тактике общества «Крестьянин» / Е.И. Головач // Вестн. МГУ им. А.А. Кулешова. – 2010. – № 1. – С. 45 – 50.
11. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). – Фонд 1284. – 1906 г. – Оп. 187. – Д. 68. Об утверждении проекта устава общества «Крестьянин».
12. Программа журнала «Крестьянин» // Крестьянин. – 1906. – № 1. – С. 1.
13. П.Б. К вопросу о провинциальной печати / П.Б. // Краины России. – 1906. – № 36. – С. 604 – 607.
14. Устав Общества «Крестьянин» // Крестьянин. – 1906. – № 15 – 16. – С. 225 – 226.
15. Документы общероссийских партий и организаций либерального направления в Беларуси (1905 – 1918 гг.): хрестоматия; учеб.-метод. пособие / авт.-сост. Д.С. Лавринович. – Могилев: УО «МГУ им. А.А. Кулешова», 2010. – 344 с.
16. От общества «Крестьянин» // Виленский вестник. – 1905. – 29 дек. – С. 2 – 3.

17. Идъ. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна. Русские общественные учреждения в городе / Идъ // Окраины России. – 1910. – № 10. – С. 152 – 154.
18. Вруцевич, А.С. Открытие Виленского отдела «Русского Окраинного Союза» / А.С. Вруцевич // Крестьянин. – 1907. – № 13 – 14. – С. 195 – 202.
19. К выборам в Государственную Думу // Крестьянин. – 1907. – № 29. – С. 460 – 461.
20. Х.Л. Постоим за Русь Святую / Х.Л. // Крестьянин. – 1911. – № 26. – С. 291 – 294.
21. Природный белорусс, К. Р-й. «Друзья» белорусского народа / К. Р-й Природный белорусс // Крестьянин. – 1913. – № 2 – 3. – С. 12 – 13.
22. П.Б. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна. Съезд представителей деревни (1909 г. 27 – 30 дек.) / П.Б. // Окраины России. – 1909. – № 2. – С. 24 – 27.
23. Акимов, С. Правые и левые общества / С. Акимов // Крестьянин. – 1911. – № 20 – 21. – С. 243 – 245.
24. Вильна, 11 марта // Северо-Западная жизнь. – 1912. – 11 марта. – С. 1.
25. Открытие виленского русского национального союза // Вестн. виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 8. – С. 144.
26. К русским людям // Крестьянин. – 1912. – № 33. – С. 512 – 513.
27. Белорусская депутация в Петербурге // Вестн. виленского православного Свято-Духовского братства. – 1912. – № 9. – С. 159 – 161.
28. Перед выборами // Крестьянин. – 1912. – № 31. – С. 481 – 483.
29. РГИА. – Фонд 776. – 1906 г. – Оп. 22. – Д. 72. По изданию в гор. Вильне журнала «Крестьянин».
30. Ф.О. Обзорение событий и окраинная жизнь. Вильна / Ф.О. // Окраины России. – 1912. – № 43. – С. 600 – 601.

Поступила 26.09.2011

THE SOCIETY AND THE MAGAZINE «THE PEASANT» AS REPRESENTATIVES OF THE MONARCHICAL CAMP ON THE TERRITORY OF BELARUS IN 1905 – 1915

M. GROMYKO

In the article the activity of society «The Peasant» directed to the preservation of the tsarist's autocracy is analyzed. The position of the society on the major questions of the public-political and social-economic life of country is marked. The description of the magazine «The Peasant», the ideological work of which concluded in the fortification of monarchical principles in the consciousness of population, the discreditation of ideas of the left-wing parties, the agitation against Poles and Jews with the object of reduce their political and economic influence in krai is also making. The author has made the conclusion that the organization, created to improve the position of peasant's population, was transformed to political union, the activity of which was direct to protect the bases of existing system. Besides the author pays the attention to the Russian national character of the society, which was against the national-liberation movement and didn't recognize of independence of the Byelorussian language and culture.

УДК 322 «1924/1939»

**ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ОСНОВЫ ПОЛИТИКИ БССР В ОБЛАСТИ РЕЛИГИИ
В 1924 – 1939 ГОДАХ****Н.В. ДОВГЯЛО***(Полоцкий государственный университет)*

Анализируется советское законодательство о свободе совести, действующее в период с 1924 по 1939 год. Первым законодательным актом в вероисповедной политике советского правительства, который зафиксировал взаимоотношения церковных и государственных институтов стал Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Раскрывается содержание государственно-конфессиональных отношений на территории Беларуси в обозначенный период: анализируются действующие в БССР постановления в сфере религиозной работы. В период с 1918 по 1926 годы таких нормативных актов в БССР было создано 17. Сравнивается законодательство БССР и других союзных республик в области религии. Содержится информация, касающаяся реакции верующих на принятые нормативные акты в сфере религии.

Введение. Законодательно-правовая основа государственной политики в отношении церкви была создана в первые 6 лет советского правления. Первым законодательным актом в вероисповедной политике советского правительства стал Декрет Совета народных комиссаров РСФСР «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», который зафиксировал взаимоотношения церковных и государственных институтов. Необходимо отметить, что данный Декрет первоначально был опубликован в газете «Известия» от 21 января 1918 года, под названием «О свободе совести, церковных и религиозных обществах». В газете «Рабочего и крестьянского Правительства» от 23 января 1918 года этот же документ назывался «Декрет СНК об отделении церкви от государства и школы от церкви» [1, с. 74]. Ряд исследователей считает, что изменение названия декрета было самовольно произведено редакцией издания. Однако ввиду отсутствия достаточных оснований полностью согласиться с этим утверждением нельзя. Вполне возможно, что первоначальное название являлось не совсем удачным, поэтому было принято решение о его изменении. Сам В.И. Ленин впоследствии использовал именно второй вариант [2, с. 37]. По образцу этого декрета в БССР был принят Декрет СНК ССРБ от 11 января 1922 года об отделении церкви от государства и школы от церкви.

До образования СССР законодательство о свободе совести существовало только как республиканское законодательство. При создании СССР вопросы, связанные с законодательством о свободе совести, в Договоре об образовании СССР не были урегулированы. Не говорится о них и в статье 1 Конституции СССР 1924 года, где был очерчен круг вопросов, относящихся к ведению СССР. До 1936 года статьи о свободе совести были включены только в республиканские конституции, но на практике эти вопросы решались как органами СССР, так и органами союзных республик. Так, ЦИК СССР и СНК СССР осуществляли контроль за соблюдением и правильным применением нормативных актов союзных республик в области свободы совести [2, с. 44].

Законодательство БССР о религиозных культах. Сформулированные в Декрете принципы отношения Советского государства к религии получили дальнейшее развитие в первой Конституции Беларуси. Принятая 3 февраля 1919 года Конституция Социалистической Советской Республики Белоруссии (ССРБ) закрепляла принцип свободы совести в редакции Конституции РСФСР 1918 года. В статье 7 указывалось: «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [3, с. 187 – 190].

В Конституцию Белорусской ССР 1927 года данная статья вошла без изменений (ст. 12).

18 мая 1929 года XIV Всероссийский съезд Советов изменил 4 статью Конституции РСФСР о религиозной пропаганде, заменив слова «свобода религиозной пропаганды» словами «свобода отправления религиозных культов». Таким же образом были изменены и соответствующие статьи Конституций союзных республик.

Вторым направлением развития законодательства о свободе совести являлись различные нормативные акты, регулирующие порядок проведения в жизнь положений Декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви». Эти акты уточняли, конкретизировали и разъясняли содержание положений Декрета и статей Конституции. В период с 1918 по 1926 год таких нормативных актов в РСФСР было создано 170, в УССР – 75, в БССР – 17. Таким образом, в большинстве союзных республик уже в

этот период наблюдается заметное снижение правотворческой деятельности, касающейся религиозных организаций [1, с. 43 – 44].

В сфере религиозной работы окружные исполнительные комитеты должны были пользоваться действующими в БССР постановлениями, а именно:

1. Постановление СНК БССР от 26 мая 1922 года о воспреещении преподавания для детей еврейской национальности, не достигших 18-летнего возраста, религиозных вероучений в хедерах, талмуд-торах и ешиботах. Все указанные учебные заведения, как имеющие целью систематическое обучение детей религии, подлежали немедленному закрытию. Неисполнение постановления влекло за собой уголовную ответственность [4].

2. Постановление НКВД, НКФ и НКЮ БССР от 17 марта 1924 года о получении возмещения убытков за сгоревшие храмы с принадлежащим им имуществом религиозных культов. Данное постановление разъясняло, что верующие являются только страхователями церковного имущества, поэтому страховые суммы не подлежат выплате группам верующих [5].

3. Циркуляр НКЮ и Управления Госстрахования БССР от 1 апреля 1924 года об обязательном страховании зданий, служащих религиозным целям. Предполагалось в обязательном порядке возобновить страхование церквей и других молитвенных зданий, принадлежавших государству и переданных в пользование верующим или частным лицам. Имущество молитвенных зданий страховалось в добровольном порядке. Конторам и агентствам госстраха предлагалось провести мероприятия с целью оповещения граждан о том, что страховые суммы будут строго соответствовать действительной материальной стоимости строения [6].

4. Постановление ЦИК БССР о передаче отдела культов в ведение НКВД. На народный комиссариат внутренних дел было возложено «общее наблюдение за правильным применением декретов об отделении церкви от государства, регистрацию религиозных обществ и заключение с ними договоров об отдаче им в пользование молитвенных домов» [7].

5. Циркуляр НКЮ и НКВД БССР от 24 июня 1924 года о совершении служителями религиозных культов обрядов крещения, браков и разводов. Данный документ был отменен Циркуляром НКВД и НКЮ от 24 марта 1926 года о недопустимости преследования служителей культа за совершение религиозных обрядов крещения, брака, развода и погребения до регистрации соответствующих актов в органах ЗАГС. Указывалось, что с отделением церкви от государства совершение всех религиозных обрядов не подлежит регулированию со стороны органов власти. В связи с этим религиозные обряды, как относящиеся всецело к области культа, могут быть выполнены как после регистрации актов рождения, брака, развода и смерти в органах ЗАГС, так и до этого момента [8, с. 183].

6. Циркуляр Президиума ЦИК БССР от 26 сентября 1924 года о предоставлении прав гражданства служителям религиозных культов, отказавшихся от сана. Бывшим служителям культа предоставлялись гражданские права, если они отказывались от своей должности, разрывали связь с церковной иерархией и переходили к производительному труду. Решение принимал окружной исполнительный комитет, на основании утверждения месткома и райисполкома о том, что данное лицо перешло к производительному труду и доказало свою лояльность по отношению к Советской власти [9].

Что касается непосредственно избирательных прав, то по Конституции РСФСР 1925 года избирательных прав были лишены лица, для которых служение церкви являлось профессией. Категории лиц, лишенные избирательных прав, были также названы в Инструкции ЦИК СССР от 16 января 1925 года «О перевыборах в Советы», Инструкции «О выборах в Советы», утвержденной постановлением Президиума ЦИК СССР 28 сентября 1926 года. Однако в результате неверного понимания требований этих документов к лицам, лишенным избирательных прав, были отнесены сторожа, певчие, члены церковных советов и т.д. Распоряжением Президиума ЦИК СССР от 6 апреля 1925 года исполкомам было рекомендовано через избирательные комиссии в месячный срок пересмотреть списки лиц, лишенных избирательных прав [10, с. 122].

Снявшие сан и доказавшие лояльность советской власти служители культа могли рассчитывать на восстановление в гражданских правах, но при условии, если не менее 5 лет занимались производительным и общественным трудом. Стремясь выжить, бывшие служители культа занимались земледелием, бортничеством, что давало возможность отнести их к другому разряду лишенцев – кулакам, и вновь отказать в восстановлении гражданских прав.

7. Циркуляр ЦИК БССР от 16 января 1925 года о землепользовании религиозных культов и о строениях, расположенных на землях бывших вероисповедных ведомств, а также бывших церковных или религиозных обществ. В циркуляре указывалось, что служители религиозных культов могут быть наделены землей на общих основаниях по решению земельной комиссии. В случае поступления ходатайств о наделении землей одновременно от служителя культа и от граждан, принадлежащих к трудово-

му населению, в первую очередь удовлетворялись потребности последних. Все без исключения строения, возведенные до 7 ноября 1917 года, признавались собственностью государства. За служителями культа закреплялись строения «в случае удостоверения подлежащим судом факта возведения ими таковых на свои средства или законного приобретения ими этих строений» [11].

5 мая 1928 года была издана Инструкция НКВД и НКЮ «По вопросам, связанным с осуществлением декрета об отделении церкви от государства в БССР. Ее возникновение объяснялось необходимостью дать разъяснения местным органам власти в отношении проводимой религиозной политики. В соответствии с Инструкцией все религиозные объединения и организации в БССР были обязаны преследовать только религиозные цели. Они не имели прав собственности, юридического лица, не имели права присваивать себе судебных, карательных и налоговых функций, не имели права выдавать удостоверений, мандатов и других документов. Все религиозные организации обязаны предоставить именные списки служителей культа, советов общин, «пятерок», а также всех верующих. 15 мая и ноября необходимо было предоставлять дополнительные списки на всех новых служителей культа и верующих. Списки верующих должны составляться исключительно в стенах религиозного культа. Обход по деревням и населенным пунктам с целью составления списков верующих запрещался [8, с. 185].

Указывалось, что все религиозные потребности могут совершаться свободно. Запрещалось использовать молитвенные собрания, богослужения для обсуждения социально-политических, хозяйственно-материальных, миссионерских вопросов.

В Инструкции было четко прописано определение служителя культа, под которым понималось лицо, «обслуживающее религиозные потребности братства, группы, прихода, епархии, отдела, митрополии и других религиозных объединений и от них имеющее постоянную определенную или периодически собираемую (тарелочный сбор, десятина, добровольные пожертвования) материальную помощь, в чем бы она не выражалась» [8, с. 186]. Указывалось, что служитель культа или любое религиозное объединение не имели права для отправления религиозных обрядов или проведения молитвенных собраний переходить на территорию не своего братства, группы или объединения.

В соответствии с Инструкцией служители культов облагались общим со всеми гражданами налогом. Промышленного налога в виде патента за выполнение своих культовых обязанностей они не платили.

Указывалось, что религиозные организации не могут требовать от верующих безусловного выполнения своих распоряжений и не имеют права принуждать давать какие-либо подарки или сборы в пользу религиозных объединений. Административным отделам было предоставлено право поднимать вопрос о судебном наказании лиц, нарушающих правила, прописанные в этой Инструкции [8, с. 186].

С рубежа 1928 – 1929 годов началось существенное изменение всего курса политики по отношению к религиозным организациям в СССР. Это было связано с принятием общего курса руководящей группы ЦК ВКП(б) во главе с И.В. Сталиным на свертывание нэпа, насильственную коллективизацию. Исходным документом становится Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «О религиозных объединениях» от 8 апреля 1929 года. Данное Постановление содержало 68 статей, большая часть из которых была посвящена трем направлениям государственно-религиозных отношений в СССР: вопросам регистрации религиозных объединений, вопросам государственного контроля их деятельности, вопросам использования бывшего церковного имущества.

В других союзных республиках (кроме Украинской ССР и Казахской ССР) таких обобщающих правовых актов принято не было. В БССР были приняты некоторые нормативные акты, но они касались отдельных вопросов, связанных с деятельностью религиозных организаций [1, с. 47].

11 февраля 1930 года ЦИК и СНК СССР приняли Постановление «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений», в котором правительствам союзных республик предписывалось при регистрации органов центрального управления этих объединений исключать из них кулаков, «лишенцев» (лиц, лишенных избирательных прав) и других враждебных советской власти лиц. Настоящее Постановление распространялось на религиозные объединения всех культов, толков, религиозные течения. Однако при его проведении в национальных районах, должна была быть проявлена особая осторожность [12, с. 132].

Примерно с 1932 года правотворческая деятельность большинства союзных республик, касающаяся религиозных организаций, в основном прекратилась.

Союзная Конституция 1936 года (ст. 124, 125) и Конституция БССР 1937 года (ст. 99, 100) закрепили действующие ранее положения о свободе совести. Вместе с тем данные статьи имели ряд отличий. Во-первых, отсутствовало слово «действительная». Советскими законодателями объясняли изменения тем, что при социализме недействительных, негарантированных формальных свобод быть не может, а значит, нет необходимости в подобном уточнении. Во-вторых, слово «отделяется» употреблено в прошедшем

времени, что свидетельствовало об окончании процесса отделения церкви от государства и школы от церкви [2, с. 50]. В новой редакции статья о свободе совести звучала следующим образом: «В целях обеспечения за гражданами свободы совести церковь в СССР отделена от государства и школа от церкви. Свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [13, с. 28].

В статье 135 Конституции СССР было установлено, что вероисповедание гражданина не оказывает влияния на его избирательные права (ст. 110 Конституции БССР 1937 г.) [13, с. 29]. Конституция оказала большое влияние на всплеск религиозной активности верующих. После опубликования проекта Конституции количество жалоб от верующих увеличилось, и изменился их характер. Почти в каждой жалобе имелись ссылки на 124, 125 статьи Конституции. Тон заявлений стал более требовательным, настойчивым. Обычными стали ходатайства об открытии церквей, закрытых 2 – 5 лет назад. Так, например, в переписке Комиссии по вопросам культов при СССР с ЦИК БССР фигурирует жалоба верующих города Жлобина, у которых в 1934 году было изъято здание церкви. В течение 3 лет здание не использовалось и постепенно разрушалось [14, с. 61].

На основании статьи 135 подавались заявления о разрешении религиозных, молитвенных собраний, шествий, крестных ходов. В отдельных письмах церковнослужителей присутствовали предложения по изменению Конституции, такие как запрещение издевательств над духовенством и верующими, разрешение собраний верующих без позволения местных властей, отсутствие давления на рабочих и служащих за религиозные убеждения, разрешение агитации религии и т.д. В ряде писем отмечалось, что статья о свободном совершении религиозных культов присутствовала и в прежней Конституции, но она не выполнялась [15, с. 7].

Заключение. Советское законодательство о свободе совести было создано в первые 6 лет нахождения большевиков у власти. Несмотря на то, что до образования СССР законодательство о свободе совести существовало только как республиканское законодательство, на практике вопросы, касающиеся религии, решались как органами СССР, так и органами союзных республик. В большинстве союзных республик уже в этот период наблюдается заметное снижение правотворческой деятельности, имеющей отношение к религиозным организациям. Примерно с 1932 года законодательная деятельность большинства союзных республик, касающаяся религиозных организаций, в основном прекратилась.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розенбаум, Ю.А. Советское государство и церковь / Ю.А. Розенбаум. – М.: Наука, 1985. – 174 с.
2. Гаевая, Н.П. Советское законодательство о свободе совести / Н.П. Гаевая; АН УССР, Ин-т государства и права. – Киев: Наук. думка, 1988. – 141 с.
3. История Советской Конституции 1917 – 1956 гг. – М.: Госюриздат, 1957.
4. О воспрещении преподавания для детей еврейской национальности, не достигших 18-летнего возраста, религиозных вероучений в так называемых «хедерах», «толмуд-торах» и «ешиботах»: Собрание узаконений БССР, ст. 87 № 5 1922. – Минск, 1922.
5. Постановление НКВД, НКФ и НКЮ БССР от 17 марта 1924 г. № 33 о получении возмещения убытков за сгоревшие храмы с принадлежащим им имуществом религиозных культов: Собрание узаконений БССР, ст. 51 № 4 1924. – Минск, 1924.
6. Об обязательном страховании зданий служащих религиозным целям: Собрание узаконений БССР, ст. 52 № 4 1924. – Минск, 1924.
7. О передаче Отдела культов из ведения Наркромюста в ведение Наркомвнутдела: Собрание узаконений БССР, ст. 94 № 8 1924. – Минск, 1924.
8. Орлеанский, Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в СССР / Н. Орлеанский. – М.: Безбожник, 1930. – 224 с.
9. О представлении прав гражданства служащим религиозных культов отказавшимся от сана: Собрание узаконений БССР, ст. 179 № 19 1924. – Минск, 1924.
10. Бакшеева, Е.Б. Политика Советского государства по отношению к Русской Православной церкви на Дальнем Востоке России (октябрь 1922 – июнь 1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Е.Б. Бакшеева. – Хабаровск, 2004. – 205 с.
11. Циркуляр ЦИКа БССР от 16 января 1925 г. о землепользовании религиозных культов и о строениях расположенных на землях бывших вероисповедных ведомств, а также бывших церковных или религиозных обществ: Собрание узаконений БССР, ст. 59 № 7 1925. – Минск, 1925.

12. Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). – Фонд Р5263. Постоянная Центральная комиссия по вопросам культов при президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР. 1929 – 1938. – Оп. 1. – Д. 14. Переписка Комиссии по вопросам культов с НКВД, ОГПУ, областными прокурорами, областными исполкомами и др. организациями о закрытии церквей, служителях культа, колокольном звоне, 1931 г.
13. Конституция (Основной Закон) Белорусской Советской Социалистической Республики. – Минск: БЕЛПАРТИЗДАТ ЦК КП(б)Б, 1937. – 32 с.
14. ГАРФ. – Фонд Р5263. Постоянная Центральная комиссия по вопросам культов при президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР. 1929 – 1938. – Оп. 1. – Д. 63. Переписка Комиссии по вопросам культов с ЦИК СССР, ЦИК БССР, облисполкомами и РИКами о закрытии ряда молитвенных зданий в БССР, 1935 – 1937.
15. ГАРФ. – Фонд Р5263. Постоянная Центральная комиссия по вопросам культов при президиуме Центрального Исполнительного Комитета СССР. 1929 – 1938. – Оп. 1. – Д. 32. Докладная записка, составленная по материалам Комиссии культов ЦИК СССР с 1.01. по 1.09.1936 о состоянии религиозных организаций в СССР, отношении их к проекту Конституции, о практике проведения законодательства о культах, 1933 – 1936.

Поступила 22.10.2011

THE LEGISLATIVE FRAMEWORK OF THE BSSR IN THE FIELD OF RELIGION IN 1924 – 1939

N. DAUHALA

Soviet legislation on freedom of conscience acting in the period from 1924 till 1939 is analyzed in the article. The first legislative act in the religious policy of the soviet government, which had recorded the relationship of church and state institutions has become the Decree of the Council of people's commissars of the RSFSR "On the separation of church from state and school from church". The content of state-confessional relations of the territory of Belarus in the designated period reveals: the author examines the decisions in the sphere of religious work operating in the BSSR In the period from 1918 to 1926 years such normative acts of the BSSR was established 17. Compares the legislation of the BSSR and other union republics in the field of religion. There is information concerning reactions of believers to the adopted regulations in the sphere of religion.

УДК 947.6

**ДЗЕЙНАСЦЬ ЗЛУЧЭННЯЎ ВІЛЕНСКА-НАВАГРУДСКАЙ АКРУГІ АРМІІ КРАЁВАЙ
У ЗАХОДНЯЙ БЕЛАРУСІ Ў ЛІПЕНІ 1944 – СТУДЗЕНІ 1945 ГОДА****А.А. ЯРМАЦ****(Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск)**

Даследуюцца дзейнасць злучэнняў Арміі Краёвай, што існавалі на тэрыторыі Заходняй Беларусі пасля вызвалення рэгіёна ад фашысцкіх захопнікаў у ліпені 1944 года да афіцыйнага роспуску яе ў студзені 1945 года. Аналізуюцца розныя формы падпольнай барацьбы злучэнняў Арміі Краёвай, іх унутраная структура пасля арыштаў шэрага камандзіраў і афіцэраў і наступных кадравых змяненняў у кіраўніцтве Віленска-Навагрудскай акругі гэтай арміі. Вывучаецца ўплыў прапагандысцкай работы польскіх фарміраванняў на мерапрыемствы савецкай улады: мабілізацыю ў Чырвоную Армію, пастаўкі збожжжа дзяржаве і інш. Звернута ўвага на актыўную тэрарыстычную дзейнасць атрадаў Арміі Краёвай у дачыненні да партыйных і савецкіх работнікаў, мясцовых актывістаў. Разгледжаны захады органаў дзяржаўнай бяспекі на ліквідацыі акаўскага падполля і іх асноўныя вынікі.

Уводзіны. Вызваленне Беларусі ад нямецкіх захопнікаў не стала для жыхароў краіны заканчэннем вайны. У заходняй яе частцы разгарнулася барацьба паміж Чырвонай Арміяй, органамі бяспекі савецкай улады і прадстаўнікамі польскага нацыянальнага падполля. Паступовае пашырэнне кола даступных крыніц дае магчымасць больш глыбокага вывучэння гэтай маладаследаванай старонкі навейшай гісторыі Беларусі.

У сувязі з набліжэннем савецкіх войск, 12 ліпеня 1944 года кіраўніцтва Арміі Краёвай выдала да сваіх удзельнікаў адмысловую інструкцыю з правіламі паводзін у адносінах да Чырвонай Арміі “Адносіны да Саветаў”. Так як савецкае кіраўніцтва не прызнавала польскі эмігранцкі ўрад, СССР называўся праціўнікам Арміі Краёвай. Камандзірам злучэнняў гэтай арміі рэкамендавалася без вайсковай неабходнасці не ўступаць у кантакты з савецкім вайсковым камандаваннем, а салдатам забаранялася весці палітычныя размовы з савецкімі байцамі. Галоўная ўвага ў дакуменце звярталася на тое, што ў выпадку прымусовага ўключэння атрадаў Арміі Краёвай у склад Чырвонай Арміі ці арміі Берлінга, рэкамендавалася пратэставаць, нават распускаць атрады і хаваць зброю. Ні ў якім разе не дазвалялася фарміраванням Арміі Краёвай першымі ўступаць у сутычкі з партызанамі і атрадамі савецкай арміі [1, с. 72].

Асноўная частка. Аддзельны Віленска-Навагрудскай акругі пасля завяршэння аперацыі “Вострая Брама” сканцэнтраваліся на поўдзень ад Вільні. Камандант акругі Аляксандр Кжыжаноўскі пайшоў на кантакт з кіраўніцтвам III Беларускага фронту для абмеркавання магчымых супрацоўніцтва. Але савецкі бок не разглядаў Армію Краёву ў якасці саюзніка. Неўзабаве кіраўніцтва гэтай арміі было запрошана на перамовы ў раён в. Багушы ля Вільні, дзе 17 – 18 ліпеня і было арыштавана 26 афіцэраў Віленска-Навагрудскай акругі Арміі Краёвай [2, с. 174 – 175]. У той жа дзень савецкімі органамі дзяржбяспекі быў арыштаваны Кжыжаноўскі. Усяго за два дні было раззброена больш 3 тысяч салдат, якія былі накіраваны на пункты збору для далейшай службы ў радах Чырвонай арміі і арміі Берлінга [3, с. 37]. Тым не менш большасць афіцэраў і салдат акругі пазбегла арыштаў і павінна было прымаць рашэнне аб сваіх далейшых дзеяннях. З-за частых кадравых перастановак і адеутнасці рэальнага кіраўніцтва, фактычна, кожны радавы камандзір сам вырашаў далейшы лёс свайго атрада – скласці зброю і ўступіць ў армію Берлінга, прабівацца на Захад альбо прадоўжыць барацьбу, але ўжо супраць савецкай улады на Віленшчыне і Навагрудчыне.

З ліку апошніх у канцы ліпеня – пачатку жніўня фарміравалася структура Віленска-Навагрудскай акругі Арміі Краёвай, якую ўзначаліў Ю. Кулікоўскі (“Рынгграф”). Ён прыняў рашэнне аднавіць канспірацыйную сетку арміі ў рэгіёне [2, с. 176]. Галоўнаму штабу акругі падначальваліся злучэнні:

а) “Поўдзень”, пад кіраўніцтвам Ч. Заянчкоўскага (“Рагнера”), дзейнічала ў Навагрудскім, Дзятлаўскім, Ляхавіцкім, Лідскім і Жалудокскім раёнах;

б) “Поўнач”, пад кіраўніцтвам Я. Барысевіча (“Крысі”), дзейнічала ў Воранаўскім, Радунскім і Васілішкаўскім раёнах;

в) “Усход”, пад кіраўніцтвам Я. Камінскага (“Загон”, “Аркан”), дзейнічала ў Іўеўскім, Юрацішкаўскім, Ашмянскім і Лідскім раёнах.

Злучэнне “Захад”, якое таксама фігуравала ў дакументах органаў дзяржбяспекі, не было адноўлена [2, с. 178]. Акрамя злучэнняў, у склад акругі ўваходзілі асобныя брыгады, рэзервовыя абводы, “пляцувкі”, з якіх папаўняўся склад асноўных злучэнняў [4, с. 273].

Найбольш актыўную працу па рэарганізацыі сіл разгарнула злучэнне “Поўдзень”. Пасля вызвалення Вільні сумеснымі намаганнямі савецкіх і польскіх падпольных сіл, у ліку тых кіраўнікоў польскіх нацыянальных фарміраванняў, што пазбеглі арышту ў ліпені 1944 года, быў і Чэслаў Заянчкоўскі. Яго атрад

падчас знаходжання ля Вільні адмовіўся скласці зброю па закліку савецкага камандавання і, больш таго, уступіў у бой з рэгулярнай часткай Чырвонай Арміі. У выніку большая частка атрада была рассяяна [5, с. 213].

З групай найбольш правяранных папличнікаў, каля трыццаці чалавек, “Рагнер” зрабіў спробу аднавіць канспірацыйную сетку Навагрудскай акругі на тэрыторыі Лідскага павета, дзе раней дзейнічала 311 “пляцувка” Арміі Краёвай. Вярнуўся на ўказаную мясцовасць Заянчкоўскі ў канцы ліпеня – пачатку жніўня 1944 года і адразу заступіў да актыўнай арганізацыйнай дзейнасці. На пасаду каманданта ўзброеных сіл у канспірацыі “Рагнерам” 5 жніўня 1944 года быў прызначаны Пётр Барташ (“Рычэ”). Пазней ён распаўсюдзіў свой першы загад, у якім называліся імёны яго намесніка Альфрэда Матулевіча (“Фрэда”), а таксама шэфа па спецыяльных заданнях Ежы Баклажэца (“Пазуркевіча”) [6, а. 163].

Задачами камандатуры, што ўзначальваў “Рычэ”, былі каардынацыя ўсёй канспірацыйнай працы ў акрузе, ажыццяўленне кантролю над ідэйнай працай арганізацыі, дзейнасцю ўдзельнікаў раённых кампаній, правядзенне ўліку выканання загадаў і правільнасці рапартаў. Тэрыторыя злучэння падзялялася на ўчасткі, а тыя ў сваю чаргу на кампаніі. Злучэнне “Поўдзень” падзялялася на ўчасткі з канспірацыйнымі назвамі “Леон”, “Клера”, “Амеля”, шэф кожнага з якіх павінен быў мець у распараджэнні трох сувязных і падводу. Праца арганізацыі была размеркавана па наступным аддзедам: арганізацыйны, разведкі, мабілізацыі, сувязі і прапаганды, канспірацыі, экзекуцыі, легалізацыі.

Кіраўнік прапаноўваў весці шыфраваныя дзённікі працы аддзяленняў, кожныя 10 дзён афармляць рапартаў аб інспекцыі арганізацыі [6, а. 164].

У наступных загадах Заянчкоўскага і Барташа ўдакладняліся накірункі дзейнасці асобных аддзяленняў. Так, адказны за прапаганду “Фрэд” павінен быў забяспечыць друкаванымі матэрыяламі, радыё як удзельнікаў канспірацыі, так і насельніцтва, што непасрэдна не належала да Арміі Краёвай. Пры аддзяленні павінны былі існаваць адказныя за грамадзянскую, ваенную прапаганду і інш. У распараджэнне “Фрэда” былі перададзены радыёапараты, акумулятары да іх, фарбы, папера капіравальная і звычайная, што меліся на тэрыторыі злучэння. Каманданты асобных участкаў са згоды кіраўніка аддзела прапаганды ці самога “Рагнера” прызначалі ўчастковых шэфаў прапаганды. Асаблівая ўвага надзялялася таму, каб прапагандысцкія матэрыялы былі дастаўлены ў кожную вёску на тэрыторыі злучэння. Пры надзвычайных абставінах – набліжэнні да мясцовасці савецкіх атрадаў, напрыклад, задачай аддзялення было інфармаванне аб гэтым мясцовага насельніцтва. У кожнай вёсцы меркавалася мець двух сувязных. У выпадку трылогі яны дзяжурылі цэлы дзень, а ўначы чальцы арганізацыі павінны былі выстаўляць узброеныя патруль. Абавязкам камандзіра кожнага ўзвода было папярэджанне акаўцаў суседніх вёсак аб набліжэнні праціўніка, інфармаванне кіраўніцтва аб колькасным і якасным складзе частак праціўніка, што знаходзіцца на тэрыторыі размяшчэння ўзвода [6, а. 164 – 165].

Камандзіры асобных участкаў павінны былі да 1 кастрычніка 1944 года прадставіць “Пазуркевічу” інфармацыю аб сваім колькасным складзе, указаць у рапартах колькасць і від узбраення па кожнай кампаніі. Новыя чальцы прымалі прысягу з дазволу каманданта кампаніі ці яго намесніка. Непасрэдна асабісты склад узброеных сілаў у канспірацыі падзяляўся на тры катэгорыі: часткі для спецыяльных заданняў, аддзелы “першай гатоўнасці”, аддзелы “другой гатоўнасці”.

Да аддзелаў “першай гатоўнасці” адносіліся ўзброеныя фарміраванні, што выконвалі непасрэдныя заданні кіраўніцтва. У іх склад уваходзілі патрулі і пасты, атрады для выканання асобных задач. Пасля задання камандзіра адпускалі салдат дахаты да атрымання загада аб наступнай аперацыі. Раз у тыдзень павінны былі праводзіцца нарады з мэтай вайсковага навучання.

Аддзелы “другой гатоўнасці” ўключалі ўсіх чальцоў канспірацыі нават простых прыхільнікаў Арміі Краёвай, знаёмых з ужыццём зброі. У кожнага каманданта ўзвода павінны былі быць спісы мабілізаваных па вёсках. Аб размяшчэнні складоў зброі на тэрыторыі ўчастка ведалі толькі камандант і яго намеснік.

Важкая роля адводзілася аддзяленню экзекуцыі і ваенна-палявому суду. На падставе данясенняў разведкі ці пратаколаў камандантаў “пляцувак” выносіўся прысуд, за выкананне якога адказвала аддзяленне экзекуцыі. Згодна загаду № 2 ад 18.09.1944 пакарання смерцю заслугоўвала “невывананне загадаў сваіх камандзіраў, здрада ці праца супраць польскага народа ці польскай дзяржавы, у адносінах да чальцоў арганізацыі, а таксама да асоб, што не з’яўляюцца яе чальцамі” [6, а. 165]. Камандзір злучэння меў права памілавання. Відавочна, што прысуды маглі выносіцца і мірным жыхарам.

Аддзяленне разведкі сваю працу мусіла сканцэнтравана на выяўленні агентуры народнага камісарыята ўнутраных спраў і асоб, што супрацоўнічаюць з савецкай уладай.

У вышэйпададзеных загадах адзначалася, што каманданты асобных кампаній і ўзводаў не маюць права рэквізіцыі харчу і грошай у мясцовага насельніцтва. Усе гэтыя справы афармляе самастойна камандзір рэквізіцыйнага патруля [6, а. 164 – 165].

У рэгіёне, дзе дзейнічалі атрады злучэння “Поўдзень”, назіралася байкатаванне мерапрыемстваў савецкай улады з боку мясцовага насельніцтва. Так, на 8 верасня 1944 года дзяржаўныя пастаўкі збожжа ў Лідскім раёне былі выкананы на 6 %, у Шчучынскім – на 7, у Жалудокскім – на 13 % [2, с. 182].

Згодна данясенню загадчыка Палітадзела ЦК КП(б)Б ад 9 верасня 1944 года 362 ваеннаабавязаныя палякі ў Лідскім раёне адмовіліся прымаць павесткі [7, а. 114]. За перыяд з 2 жніўня да 14 лістапада 1944 года ў Лідскім раёне было забіта 66 і паранена 7 чалавек з ліку партыйнага і савецкага актыву [8, а. 6].

“Рагнер” меў у сваім распараджэнні добра ўзброеную мабільную групу з 100 – 120 чалавек, якая давала магчымасць праводзіць даволі актыўную дзейнасць [9, с. 25]. Так, 3 верасня 1944 года старшыня гарсавета, старшыня гарнізона і кіраўнік народнага камісарыята ўнутраных спраў г. Ліды атрымалі па пошце лісты наступнага зместу: “У адказ на бесперапынныя затрыманні безабароннага грамадзянскага насельніцтва, зверскія забойствы салдат Чырвонай Арміі даводжу да вас, што часткі Арміі Краёвай супрацьпаставяць сілу. З 4.09 да 9.09 затрымаем рух па чыгунцы. Калі акупацыйныя савецкія ўлады будуць працягваць тэрор у далейшым, часткі Арміі Краёвай прыступяць да дзеянняў у адказ, і кожны савецкі работнік і салдат будуць лічыцца бандытамі з выцякаючымі адсюль наступствамі. Камандзір Наднёманскага злучэння Рагнер” [8, а. 23]. Пагрозы былі выкананы на працягу наступных дзён. У ноч з 4 на 5 верасня ля Ліды быў падарваны чыгуначны мост, у ноч на 6 верасня была пашкоджана ўжо сама чыгунка, а ў адным з паравозаў на ст. Ліда выбухнула толавая шашка [8, а. 23].

Усяго на працягу жніўня – снежня 1944 года атрады Заянчкоўскага здзейснілі 86 тэрарыстычных акцый, 6 дыверсій, 24 узброеныя напады [2, с. 183].

Такім чынам, можна вылучыць некалькі галоўных накірункаў дзейнасці польскіх нацыянальных фарміраванняў у Заходняй Беларусі ў азначаны час: сабатаж мерапрыемстваў савецкай улады (мабілізацыя ў Чырвоную Армію, пастаўкі збожжа дзяржаве і інш.), дыверсіі, тэрарыстычныя акты, вусная і пісьмовая агітацыя. На гэтых формах дзейнасці засяродзіліся ўдзельнікі і іншыя структурных частак польскага падполля ў Заходняй Беларусі.

Так, яшчэ ў маі 1944 года ў адмысловай Інструкцыі “Асновы паводзін польскай грамадскасці ў выпадку акупацыі паўночна-ўсходніх земляў савецкімі войскамі” (май 1944), распаўсюджанай Бюро інфармацыі і прапаганды Арміі Краёвай, адзначалася, што “ў выпадку мабілізацыі ў савецкую армію, усе грамадзяне Рэчы Паспалітай, а таксама палякі і іншыя павінны ўхіляцца ад службы ў савецкай арміі... належаць ухіляцца ад усялякіх палітычных маніфестаў, афіцыйных святкаванняў і інш.” [7, а. 72]. Сярод мясцовага насельніцтва распаўсюджваліся друкаваныя матэрыялы: газеты, пракламацыі, лістоўкі, а таксама звычайныя чуткі. Так, у Баранавіцкай вобласці ў ліпені 1944 года распаўсюджвалася лістоўка наступнага зместу: “Палякі павінны працягнуць барацьбу за сваю Польшчу, бо ад аднаго (нямецкага) акупанта пазбавіліся, але прыйшоў больш злы і небяспечны акупант – бальшавізм. Ніякай падтрымкі ПКНВ і арміі Берлінга як бальшавіцкім агентам” [10, а. 77 – 78]. На Навагрудчыне распаўсюджвалася адозва ад кіраўніцтва акругі Арміі Краёвай: “Грамадзяне! Новы ўдар спасціг нашыя атрады, нашай арміі, якая пралівала кроў у барацьбе з нямецкімі захопнікамі, дапамагала Чырвонай арміі ў перамозе. Але атрады былі падманам сабраны ў адно месца і раззброены. Большая частка нашых салдат знаходзіцца ў бальшавіцкіх турмах. Так, бальшавікі адплацілі нам за дапамогу, аказаную па загаду нашага ўрада ў Лондане. Зараз мы не сумняваемся. Ведаем, што Чырвоная армія супраць волі Англіі і Амерыкі прынесла нам цяжкую долю новай акупацыі. Чакаюць нас новыя турмы і здзекі, Сібір, рабства... За апошні час бальшавікі абвясцілі мабілізацыю. Нагласць, да якой не дайшлі нават немцы. Нас можа мабілізаваць толькі польскі ўрад у Лондане. Бальшавікі пагоняць Вас ці на самыя небяспечныя ўчасткі фронту, ці на мяжу з Японіяй, у Сібір. І тое, і іншае для нас – смерць. Неабучаныя (бальшавікам няма часу навучаць) мы загінем на нямецкім фронце. На мяжы з Японіяй вас чакае галодная смерць. Мы пратэстуем супраць мабілізацыі. На тэрор бальшавікоў адкажам сілай. Мы не павінны ісці таксама і ў армію Берлінга. Ведаем, што яна абараняе інтарэсы бальшавікоў, прадала палову Польшчы і хоча зрабіць тут бальшавіцкі рай. Хто ідзе ў армію Берлінга, той вораг нашага народа і дзяржавы” [11, а. 23].

У паведамленні аб ходзе мабілізацыі ў Жабычыцкім раёне Пінскай вобласці адзначаецца, што “з выкліканых на прызыўныя ўчасткі 2500 чалавек не з’явілася 617, шмат з іх сышлі ў лясы, “масавая няўка з’яўляецца вынікам варожай работы агентаў польскага лонданскага ўрада, які распускае чуткі, што нібы тэрыторыя раёна па дамоўленасці Амерыкі з Англіяй адыходзіць зноў да Польшчы... на мясцовае насельніцтва гэтая агітацыя мае даволі моцны ўплыў. На хлебаўборку ўраджая не выходзяць цэлымі вёскамі” [10, а. 77 – 78]. Кіраўніцтва Ляхавіцкага раёна Баранавіцкай вобласці паведамляла 30.10.1944, што шырокае распаўсюджванне сярод насельніцтва маюць чуткі аб хуткім вяртанні Заходняй Беларусі ў склад Польшчы [10, а. 51]. Істотную ролю ў паспяховасці агітацыйнай работы сыграў удзел у ёй некаторай часткі каталіцкага духавенства [4, а. 279]. Не дзіўна, што і частка польскага насельніцтва рэгіёна падтрымлівала меры падполля і ўдзельнічала ў прапагандзе. У в. Багдзюкі Камянецкага раёна, напрыклад, некаторыя сем’і 11 лістапада на сваіх хатах вывешвалі невялікія польскія сцяжкі з надпісам “Няхай жыве Польшча” [8, а. 9].

Акрамя агітацыі, дзеля зрыву мабілізацыі і іншых дзяржаўных мерапрыемстваў, выкарыстоўваліся і іншыя меры. 3 жніўня ў 5 км ад Васілішак была абстраляна са станкавага кулямёта група мабі-

лізаваных, у выніку чаго ёсць паранення, а 32 чалавекі прапалі без вестак. Запалохваліся і ваенныя камісары асобных раёнаў. Астравецкаму раёнваенкому, напрыклад, быў падкінуты ананімны ліст: “На днях прыбудем и всех вас уничтожим” [7, а. 115]. Не дзіўна, што такія меры прыносілі плён.

Па стану на 9 верасня 1944 года ў Івянецкім раёне Баранавіцкай вобласці з ліку выкліканых на прызыўныя пункты 748 чалавек ніхто не з’явіўся. У Радунскім і Воранаўскім раёнах была сарвана мабілізацыя конскага складу [7, а. 115]. Сакратар Воранаўскага РК КП(б)Б паведамляў кіраўніцтву, што “нягледзячы на актыўную прапагандысцкую работу, падчас мабілізацыі павялічваецца колькасць дэзертыраў і ўхіленцаў. З агульнай колькасці прызваных у 1000 чалавек добраахвотна з’явілася 200; 85 чалавек былі знойдзены падчас праверкі па населеным пунктам; 39 збегла падчас канваіравання на пункт прызыву. У сельскія саветы выехалі групы партыйна-савецкага актыву з прадстаўнікамі абласнога ваенкамата”. Ім жа паведамляецца, што ўзброеныя групы пераймаюць падводы, што вяртаюцца з лесанарыхтовак, пагражаюць і збіваюць працуючых, пасля чаго ніхто не хоча ехаць і працаваць на нарыхтоўках, “што з’яўляецца галоўным тормазам па выкананні лесанарыхтовак” [12, а. 115].

Асабліва складанай была сітуацыя ў тых раёнах Гродзенскай, Маладзечанскай абласцей, дзе польскае насельніцтва пераважала. Так, у Астравецкім раёне з 1506 ваеннаабавязаных на прызыўныя пункты на 15 жніўня 1944 года з’явілася толькі 98 (6,5 %), у Свірскім з 4197 – 313 (7,5 %), у Ашмянскім з 2674 – 675 (25,2 %) [13, а. 223].

Адным з галоўных накірункаў дзейнасці Арміі Краёвай было здзяйсненне тэрарыстычных актаў. Камендант злучэння “Поўнач” у інструкцыі ад 30.09.1944 для камендантаў “пляцувак” фактычна даваў поўную свабоду тэрарыстычнай дзейнасці сваім падначаленым у адносінах да партыйна-савецкага актыву, чырвонаармейцаў і мясцовых актывістаў [4, а. 285].

22 жніўня 1944 года ля Воранава акаўцамі быў здзейснены напад на вайсковую машыну, у выніку якога было забіта два салдаты Чырвонай арміі і забрана 160 аўтаматаў, 6 станкавых кулямётаў “Максім”, 6 супрацьтанкавых ружжаў [7, а. 116]. Акаўцамі праводзіліся аперацыі па вызваленні сваіх папличнікаў, арыштаваных органамі дзяржаўнай бяспекі. У Свірскім раёне Вілейскай вобласці 19.8.1944 група з 50 чалавек напала на сельскі савет, знішчыла ўсе дакументы па ўліку насельніцтва, зямельных угоддзяў. Імі ж былі вызвалены кіраўнікі некаторых атрадаў Арміі Краёвай, што дзейнічалі на тэрыторыі раёна [10, а. 95].

Ад рук падпольшчыкаў гінулі прадстаўнікі мясцовай улады. За першыя два з паловай месяцы 1945 года ў Гродзенскай вобласці зафіксавана 53 тэракты, у якіх загінула 69 асоб, а 10 паранена [14, с. 157]. У Маладзечанскай вобласці да кастрычніка 1945 года адзначана 57 атак на сельскія саветы, калгасы і г.д. Як правіла, яны суправаджаліся спаленнем будынкаў, знішчэннем дакументацыі, сабатажам мерапрыемстваў савецкай улады. У вобласці загінула ад рук падполля 150 асоб, у тым ліку 55 партыйных функцыянераў, 64 вяскоўцаў-актывістаў. Паранена яшчэ 30 асоб [15, а. 11]. Толькі ў Сапоцкінскім раёне Гродзенскай вобласці за май 1945 года зафіксавана 17 акцый польскага падполля, хоць за гэты ж час тут было праведзена 10 аперацый органаў бяспекі з працэсаваннем тэрыторыі раёна. У Юрацішкаўскім раёне за першы месяц 1945 года забіта 39 чалавек з раённага актыву і работнікаў органаў народнага камісарыята ўнутраных спраў і народнага камісарыята дзяржаўнай бяспекі [13, а. 107]. У Іўеўскім раёне за 20 дзён студзеня 1945 года загінула ад антысавецкіх банд 15 чалавек партыйнага і савецкага актыву, у тым ліку старшыня і сакратар райвыканкама. Да раённага цэнтра Валожын на адлегласць 5 – 6 км падышлі тры шматколкасныя польскія атрады і размясціліся ў мясцовых вёсках. На працягу некалькіх дзён у раёне было забіта 12 чалавек з ліку актывістаў і супрацоўнікаў бяспекі [13, а. 109].

У такіх складаных абставінах прадстаўнікі ўлады ў вёсках імкнуліся пакінуць месцы працы і перабіраліся ў райцэнтры, дзе сітуацыя была больш бяспечнай. У верасні 1944 года ў Іўеўскім раёне працавала толькі 3 сельскія саветы з 15. Работнікі астатніх выехалі ў горад [7, а. 114].

Заклучэнне. Баявы патэнцыял злучэнняў Арміі Краёвай, тым не менш, паступова згасаў. Не была завершана праца па іх арганізацыі. Кіраўнік злучэння “Поўдзень” паведамляў аб недахопе харчавання, абмундзіравання, дэзерцірстве, дрэнным маральным стане салдат [16, а. 44]. Галоўнай жа прычынай была актыўная дзейнасць органаў дзяржаўнай бяспекі супраць польскага падполля. Імі было праведзена некалькі аперацый з мэтай ліквідацыі злучэння. Падчас адной з іх, у пачатку кастрычніка 1944 года, быў знойдзены склад боепрыпасаў і штабныя дакументы “Рагнера” на тэрыторыі Лідскага раёна [7, а. 137]. 3 снежня 1944 года ля х. Ярэмчы Лідскага раёна быў забіты сам «Рагнер». У канцы снежня распачалася чарговая аперацыя НКУС – НКДБ, вынікам якой стаў разгром злучэння “Поўдзень” у студзені 1945 года. Было забіта больш 300 і арыштавана больш 200 удзельнікаў злучэння [1, с. 75].

У другой палове 1944 – пачатку 1945 года органамі бяспекі і ўнутраных спраў БССР былі ліквідаваны таксама галоўныя сілы злучэнняў “Усход” і “Поўнач”, падчас чаго было забіта 100 і арыштаваны 171 удзельнік польскага падполля [1, с. 75].

Тым не менш прынятыя меры былі толькі першымі крокамі па нармалізацыі становішча ў рэгіёне. Асабовы склад Арміі Краёвай, які пазбег арышту ў 1944 – пачатку 1945 года, працягнуў сваю дзейнасць, пе-

райшоўшы ў глыбокае падполле. Пасля загаду аб роспуску Арміі Краёвай ад 19 студзеня 1945 года, які на-сіў даволі фармальны характар, адбылося частковае аднаўленне структуры Арміі Краёвай у Заходняй Беларусі.

ЛІТАРАТУРА

1. Валаханович, И.А. Антисоветское подполье на территории Беларуси в 1944 – 1953 гг. / И.А. Валаханович. – Минск: БГУ, 2002. – 148 с.
2. Boradyn, Z. Armia Krajowa na Nowogrodzczyźnie i Wilenszczyźnie, 1941 – 1945 / Z. Boradyn, A. Chmielarz, H. Piskunowicz. – Warszawa, 1997. – 195 s.
3. НКВД и польское подполье 1944 – 1945. (По «Особым папкам» Сталина). – М.: Ин-т славяноведения и балканистики РАН, 1994. – 305 с.
4. Польское подполье на территории западных областей Беларуси (1939 – 1954 гг.) / С.А. Ситкевич [и др.]. – Гродно: ГГАУ, 2004. – 345 с.
5. Сямашка, Я. Армія Краёва на Беларусі / Я. Сямашка. – Мінск: Беларус. выдавец. т-ва “Хата”, 1994. – 416 с.
6. Нацыянальны архіў Рэспублікі Беларусь (далей – НАРБ). – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 161.
7. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 61.
8. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 812.
9. “Ты з Усходняй, я з Заходняй нашай Беларусі...”. – Мінск: Беларус. навука, 2009. – Кн. 2: Ліпень 1944 – 1956 гг. – 299 [2] с.
10. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 810.
11. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 56.
12. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 42.
13. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 42. – Спр. 150.
14. Ruchniewicz, M. Wies zachodniobialoruska 1944 – 1953. Wybrane aspekty / M. Ruchniewicz. – Wroclaw, 2010. – 445 s.
15. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 98.
16. НАРБ. – Фонд 4п. – Воп. 29. – Спр. 33.

Паступіў 14.11.2011

ACTIVITIES OF THE COMPOUNDS OF THE HOME ARMY OF THE VILNIUS-NAVAHRUDAK COUNTY IN THE WESTERN BELARUS FROM JULY 1944 TILL JANUARY 1945

A. YARMATS

Article is devoted to the activities of the compounds of the Home Army, which existed in the territory of Western Belarus after the liberation from Nazi invaders in the region in July 1944, before the formal dissolution of the Home Army in January 1945. Analyzes the various forms of resistance to compounds of the Home Army, its internal structure after the arrests of a number of commanders and officers, and subsequent personnel changes in the leadership of the Vilnius-Navahrudak County Home Army. The influence of advocacy groups in the Polish events of Soviet power: the mobilization of the Red Army, the supply of grain to the state and others. Attention is paid to active terrorist activities units of Home Army in respect of Party and Soviet officials, local activists. Consider the measures of public authorities to eliminate underground and their main results.

УДК 395(=161.3)

ЭТИКЕТ ПРИВЕТСТВИЯ У БЕЛОРУСОВ: ТРАНСФОРМАЦИЯ УПОТРЕБЛЕНИЯ ТРАДИЦИОННЫХ ФОРМ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

*И.С. СИМОНОВА**(Белорусский государственный университет, Минск)*

Приветствия являются структурной составляющей народного этикета, который выступает в качестве одного из ключевых идентификационных факторов этнической общности. Рассматриваются традиционные формы приветствий, характерные для повседневного общения белорусов. Представлены их региональные особенности. На основе полевых материалов исследуется проблема трансформации этикетных норм приветствия во второй половине XX – начале XXI века. Подробно анализируется проблема употребления приветствий-благопожеланий и религиозных приветствий, акцентируется внимание на использовании кинесических элементов. Делается вывод о том, что во второй половине XX века активно развилась тенденция к унификации и упрощению системы приветствий у белорусов как по причине сокращения композиционных элементов приветственных форм, так и путём сужения их видового разнообразия.

Введение. В белорусской традиционной культуре система приветствий была достаточно широкой и многоуровневой, сочетая в себе как вербальные, так и невербальные компоненты. Белорусскими этнографами XIX – начала XX века были зафиксированы многочисленные формы приветствий, что активно употреблялись в рамках повседневного общения в крестьянской среде. Значительный интерес к вопросу «входа в этикетную ситуацию» [1, с. 20] проявили: Н. Анимелле [2], И. Сербов [3], Ч. Петкевич [4], М. Федоровский [5], П. Шейн [6] и Н. Никифоровский [7]. Большинство зафиксированных в работах данных исследователей речезыкетных формул представлены в ситуативном контексте, что значительно повышает научную ценность изложенного фактического материала и облегчает работу исследователя. Вторая половина XIX – начало XX века стала самым продуктивным периодом в изучении представленной темы, так как в последующие десятилетия XX века этнологи не проявляли должного интереса к проблеме белорусского народного этикета приветствий. Работа по данному направлению ограничивалась лишь компиляцией известных традиционных приветственных выражений [8].

Для повседневного общения белорусов было характерно использование приветственных форм, которые условно можно разделить на две категории: универсальные и специальные. К первой категории целесообразно отнести приветствия, что употреблялись вне зависимости от коммуникативной ситуации, а также не имели чётких ограничений в использовании исходя из пола, возраста и социального положения собеседников. Категорию специальных формировали приветствия, употребление которых напрямую зависело от характера ситуации общения и статуса коммуникантов. Следует отметить, что в категорию специальных целесообразно отнести приветствия, что являлись компонентами ритуально-обрядовых действий, однако последние не являются предметом исследования в данной статье.

На современном этапе вопросы эволюции структуры традиционных приветственных форм, модификации содержания словесных формулировок, изменения ситуативных и региональных особенностей в употреблении приветственных выражений во второй половине XX века выступают как актуальные. Исходя из поставленных проблем целью данного исследования – комплексный анализ системы приветствий, характерной для народного белорусского этикета.

На основе этнографических данных XIX – начала XX века и проведённых автором полевых исследований представляется возможным изучить особенности белорусского традиционного этикета приветствий, а также очертить ключевые направления трансформации этикетных норм приветствия во второй половине XX – начале XXI века.

Основная часть. Для традиционного этикета белорусов было характерно использование двух основных вариантов универсальных вербальных приветствий. Первый формировали словесные выражения, содержащие пожелание доброго времени суток: «Добры дзень», «Добрай раніць», «Добры вечар», «Дабранач». Использование в повседневном общении перечисленных словесных выражений имеет общеевропейскую традицию. Употребление данных этикетных приветственных форм у белорусов являлось повсеместным, не имело существенных региональных различий и не зависело от ситуации встречи, возраста, пола, а также места в социальной иерархии собеседников.

Наряду с приветствиями, что подчёркивали время состоявшейся встречи, белорусами активно использовались вербальные формулировки, выражающие пожелание здоровья. Наиболее употребляемыми в речи крестьянина во второй половине XIX – начале XX века являлись следующие приветствия: «Здароў» [3, с. 78], «Здоровы были» [4, с. 614], «Здоровинька» [2, с. 143], «Здрастуй» [8, с. 170]. Зачастую

в качестве ответа на данные приветствия могли использоваться шуточные высказывания. Например, «Здароў, калі змалоў», «Жыў, здароў, хаджу без штаноў, таго і табе жадаю» [8, с. 170], «Здрастуйце. – Ціха, не браскайце» [5, с. 383]. Однако приветствия, содержащие пожелание доброго времени суток, в белорусской этикетной традиции не предусматривали подобных ответных выражений.

Судя по этнографическим описаниям XIX – начала XX века формулы приветствия, являющиеся пожеланием здоровья, функционировали как элемент повседневной коммуникации преимущественно в восточных регионах. Использование их в общении в крестьянской среде зачастую сопровождалось ироническим подтекстом, что в большей степени было характерно для западных территорий [9, с. 92], где традиционно доминировали приветствия религиозного содержания и пожелания доброго времени суток.

Таким образом, в белорусской этикетной традиции сформировалась своеобразная амбивалентность употребления основных вербальных приветственных форм, что явилось следствием интенсивного влияния восточной (русско-православной) и западноевропейской традиций.

Вторая половина XX века стала периодом, когда процессы стирания этнических различий союзных народов и формирования «советского этноса» достигли своего апогея. Путём издания обширной тематической литературы, имеющей воспитательно-образовательный характер и рассчитанной на массового читателя, активно навязывались единые стандарты поведения и общения, которые являлись, по сути, результатом «коммунистического обрамления» этикетных правил и норм, что в целом восходили к традициям русского этноса. Помимо данного фактора, определяющую роль в процессе трансформации употребления приветственных выражений оказали и активные миграционные процессы. Как итог доминирующей речезыкетной формулой приветствия среди белорусов становится «Здрастуйце». В восточных и центральных регионах приветствия, содержащие пожелание доброго времени суток, во второй половине XX века зачастую воспринимаются уже как устаревшие [10; 11]. Данная форма приветственного выражения в очерченный период в большей степени сохраняется в повседневном общении в Понёманье. В частности, в регионах с высокой долей католического населения оно является основным [12].

Наряду с вышепредставленными вариантами приветствий у белорусов активно использовались приветствия-осведомления. При встрече между собой и принимая гостей, принято спрашивать в первую очередь о здоровье собеседника и членов его семьи, о состоянии дел, о произошедших событиях: «Як се маешь, чи здоров добре дуж» [13, с. 820], «Як маецяся», «Як жывяце» [4, с. 613, 614], «Што чуваць» [14]. Для народного этикета приветствий было и остаётся характерным употребление широкого спектра выражений, что акцентировали внимание на продолжительной разлуке собеседников: «Хіба нешта ў лесе здохла, што ты да нас заглянуў», «Сем зім, сем лет і памяці нет, як мы з табою бачыліся» [4, с. 613, 614], и прочие. Согласно этикету данные словосочетания могут применяться как самостоятельные вербальные приветствия, так и в качестве дополнения к первичным речевым конструкциям.

В качестве универсальных для повседневного этикета общения было характерно использование религиозных приветствий, что в содержательном плане могут рассматриваться как вознесение похвалы Богу. К такому типу относится в первую очередь приветствие «Нех Бендзе похвалёны Езус Христус» [6, с. 503 – 504] (и его сокращённые формы), что предусматривало ответ: «На веки веков. Аман» [6, с. 504]. Исходя из этнографических материалов XIX – начала XX века данная речевая конструкция активно употреблялась в повседневном общении белорусов не только католического вероисповедания, но и православного. Сформировавшаяся народная этикетная традиция общения предписывала православным поселянам при инициативе контакта с односельчанами-католиками использовать характерные для последних речезыкетные формулы приветствия. «Православные, живущие в соседстве католиков, прибыв к ним в дом, приветствуют их теми же словами» [2, с. 146]. Такая особенность сложившихся правил коммуникации способствовала сохранению взаимного уважения между представителями разных ветвей христианства, и во многом являлась залогом существующей религиозной толерантности в белорусском обществе.

Следует отметить, что религиозные приветственные выражения наиболее широко использовались в XIX – начале XX века в общении среди католического населения на западных белорусских землях.

Исходя из материалов интервью, записанных автором в Понёманье, вышеприведённая речезыкетная формула в первой половине XX века в повседневной жизни уже употреблялась редко и воспринималась как архаическое явление. В качестве приветствия «похвалёнка» в данный период могла быть адресована ксендзу, а также наиболее уважаемым светским особам. Во второй половине XX – начале XXI века данная форма приветствия окончательно утрачивает своё значение и не используется при ежедневном общении. Однако продолжает устойчиво функционировать как элемент ритуального приветствия в рамках похоронно-поминальной обрядности [12], тем самым переходя в категорию специальных.

Словосочетание «Слава Богу» – вербальная форма приветствия, характерная для церковного этикета и использовалась в общении среди православного населения. Во второй половине XX века локально сохранилась в активном употреблении на территории Западного Полесья. Из материалов интервью: «“Слава Богу”, – казалі на вуліцы. А адказвалі: “Навекі слава”. Нійдэ ніхто не казаў, што “здрастуйце”. А всегда всё “слава Богу”. Бывае, што казалі і “дзень добры”, але бальшыства всё “слава Богу”. Мы

слюды прііхалі ў 63-м годзе (Переехали из Кобринского в Дрогичинский район – авт.) і я этого слова, што “слава Богу” тут нікогда не чула. Усё здраствуйтэ і здравствуйтэ»¹.

Для традиционной культуры общения белорусов было характерно употребление широкого круга специальных приветствий, что носили ярко выраженный характер благопожелания. Согласно правилам народного этикета специальные приветствия произносились в конкретных ситуациях, например, при употреблении пищи: «Хлеб ды соль» [7, с. 102], «Смашнога вам» [8, с. 171], что впоследствии повсеместно трансформировалось в «Приятного аппетита».

Как известно, крестьянин постоянно был занят делом и неудивительно, что приветствия-благопожелания, адресованные труженику, сформировали самую многочисленную группу вербальных приветственных выражений. Их содержание являлось, по сути, своеобразным посылом адресату, направленным на получение им максимально плодотворного результата и способствовало бы успешному и удачному завершению начатой работы. Данную группу приветствий-пожеланий формировали два типа словесных выражений. Первые носили характер магического заклинания, когда каждая вербальная формула имела свою «специализацию» и использовалась исключительно при определённом виде работы. Данные приветственные выражения характеризовались широким разнообразием и наличием многочисленных региональных особенностей. Приветствия-благопожелания касательно одного и того же занятия в разных местностях могли иметь разное содержание. Например, в Полоцком уезде, когда рассаживали капусту, прохожие приветствовали работающих словами: «З вядро кычаны» [6, с. 508], в то время как в Волковыском уезде при аналогичных обстоятельствах принято было говорить: «Прымакі едучь» [5, с. 380].

Второй тип приветствий формировали речевые выражения, которые имели однотипное содержание, что сводилось к призыву высшей силы (Бога) помочь в труде адресату приветствия. Данные вербальные формулы не отличались широким разнообразием и их использование зачастую не зависело от характера и вида деятельности труженика.

Традиционно благопожеланием у белорусов было принято приветствовать односельчан, которые в момент встречи сеяли зерновые, ловили рыбу, доили коров, стирали бельё, молотили, выполняли ремесленные и прочие работы. Особое значение приобретало приветствие, произносимое входящим в дом во время приготовления хозяйкой пищи, в первую очередь при замешивании и посадке в печь хлеба. Согласно народному убеждению, приход нежданного гостя мог сказаться не лучшим образом на качестве и внешнем виде выпекаемого продукта. В Витебской губернии традиционно при посадке хлеба в печь входящий в избу приветствовал хозяйку и домочадцев фразой: «Вялік падходам» [6, с. 506]. Таким образом, произносимая гостем речевая формула была направлена на минимизацию предполагаемых негативных последствий визита.

Приветствия, выражающие пожелания труженику, являются не только элементом духовной культуры, но ценнейшим источником по традиционной хозяйственной деятельности белорусов, социальной организации коллектива. К сожалению, в работах белорусских этнографов было зафиксировано не многим более двух десятков бытовавших в крестьянской среде на рубеже XIX – XX веков приветственных выражений подобного рода [4 – 6].

В первой половине XX века спектр используемых в общении приветствий-благопожеланий, связанных с трудовой деятельностью, сужается, а в послевоенные годы данные приветственные выражения практически исчезают из жизни белорусов. Исходя из новых условий хозяйственной деятельности работа в поле для крестьянина теряла сакральный смысл, ремесленные занятия и промыслы переходили в разряд досуга. Соответственно, большинство приветствий-благопожеланий утрачивали свою значимость и актуальность.

В качестве исключения можно рассматривать словосочетание «Помогай, Бог» («Бог у помач», «Памажы, Божа»). Как отмечают этнографы второй половины XIX века, данный вариант приветствия использовался «при работе» [6, с. 504], тем самым подчёркивалось ситуативное многообразие его употребления. Во второй половине XX века оно активно и повсеместно используется в сельской местности, в первую очередь в качестве приветствия с человеком, который занят посадкой или уборкой картофеля [10]. В Западном Полесье сохранилось в активном употреблении приветствие «Роды (Радзі, Зародзі), Божа», адресованное сеющему зерновые и огородные культуры [15].

Согласно правилам народного этикета за произнесённые приветствия-благопожелания принято благодарить. Традиционно благодарность выражали коротким «спасибо». В южных регионах Западного Полесья на приветствие «Роды, Божа» принято отвечать «Хай Біг родыт» [15], что в целом характерно для украинского речевого этикета [16, с. 144]. В ряде случаев предусматривалась возможность развития шуточного диалога. В Полоцком уезде на приветствие «Скачком блины» стряпуха вместо выражения благодарности могла ответить: «Торчком из избы», что всеми присутствующими воспринималось со смехом [6, с. 509]. На приветствие «Помогай, Бог» среди белорусов в сельской местности и по сегодняшний день популярен ответ «Бог казаў, каб і ты памог» («Багі казалі, каб і вы памагалі» и пр.). Однако ис-

¹ Зап. автором от Григорик Т.Ф., 1926 г. р., д. Брашевичи Дрогичинского района.

ходя из правил и норм народного этикета данную шутку адресат приветствия мог произносить, если оба коммуниканта принадлежали к одной половозрастной группе [11].

В большинстве случаев коммуникации традиционные вербальные приветствия у белорусов дополнялись кинесическими элементами, ключевыми являлись такие, как поклон, рукопожатие, поцелуй, объятия, а также снятие головного убора (у мужчин).

Согласно народному этикету гость с поклоном должен был переступить порог дома. Данный жест зачастую выступал в качестве дополнения к универсальному повседневному вербальному приветствию на улице, а также активно использовался белорусами в ситуациях, имеющих ритуальный характер.

В традиционном приветствии поклон формировал «этикетную вертикаль» [16, с. 199], тем самым подчёркивалась статусная иерархия собеседников. Показательным может являться приведённый П. Шпилевским в «Путешествии по Полесью и белорусскому краю» диалог с полешуками:

- Ради, Боже! – Приветствовал я их.

- А дзякуемо, господину! – отвечали они, вставши и поклонившись [17, с. 34].

В большинстве этикетных ситуаций, характерных для традиционной крестьянской среды, поклон являлся взаимным жестом, что демонстрировало равенство и взаимное уважение коммуникантов.

Во второй половине XX века поклон как структурная составляющая приветствия исключается из повседневной жизни. Однако наравне с религиозными приветствиями сохраняется как невербальный знак в рамках похоронной обрядности.

Для традиционных форм приветствия белорусов было характерно сочетание с вербальным компонентом нескольких кинесических элементов. Как отмечал Н. Анимелле: «...знакомый, пришедший за каким-либо делом, войдя в избу, крестится на Св. иконы и, поклонясь прямо и по сторонам, подаёт руку всем взрослым домашним и знакомым из числа гостей, со словами: «Как дзюжи здоровы?» [2, с. 143].

Поклон (мужской) непременно сопровождался снятием головного убора. Традиционно мужчины снимали шапки за обеденным столом, при входе в храм, при покойнике на похоронах, когда входили в дом, а также при встрече друг с другом на улице. Оголение головы мужчиной в традиционной культуре имело сакральный характер, однако на современном этапе воспринимается как правило этикета. В последние десятилетия данная традиция претерпела ряд изменений. В частности, снятие шапок мужчинами при встрече на улице и при входе в дом среди сельского населения к середине XX века активно нивелируется. Из материалов интервью: «*На вулицы мужыкі шапкі зымалы, і каторы праходзяць міма адын з адным, то зымалы. Старыя людзі. Нашы ўзрост – ужо не. За руку каб, не помню. А кепку зымалы*»². По свидетельству информантов, если визит носил краткосрочный характер, то зашедший в дом мог оставаться в шапке. Головной убор снимался, если визитёр был приглашён в гости, предусматривалось угощение и соответственно длительное пребывание в помещении [10].

Рукопожатие, в отличие от поклона, имело ряд ограничений в использовании. Традиционно в крестьянской среде оно воспринималось исключительно как форма приветствия мужчин, которые являлись хорошими знакомыми, друзьями или родственниками [10]. Следует отметить, что данный кинесический элемент может являться самостоятельной формой приветствия без участия вербального компонента. Однако, исходя из коммуникативной ситуации, рукопожатия могли дополняться словесными приветствиями, объятиями и похлопываниями по плечу. В частности, таким способом белорусы встречали гостей.

Одной из распространённых форм невербального приветствия являлся поцелуй. Для традиционного белорусского этикета приветствий был характерен поцелуй в губы [2, с. 143], что «выражал в первую очередь чувство приязни и дружеского единения» [1, с. 33]. Как элемент этикетного поведения при ежедневном общении в крестьянской общине значительная роль отводилась поцелую, который символизировал глубокое уважение и почтение. Его адресатом являлись наиболее уважаемые мужчины преклонного возраста. Касательно данного вопроса П. Бобровский писал о белорусах: «Старики пользуются почтением всей деревни, дети при встрече целуют им руки» [13, с. 820].

Опрошенные респонденты отмечают, что поцелуй на современном этапе как структурный элемент приветствия в большей степени характерен для женщин и чаще всего дополняет вербальное приветствие в эмоциональных ситуациях. За последние десятилетия целование руки как знак почтительности и уважения исчезает из повседневного общения, что связано в первую очередь с характерной для второй половины XX века тенденцией сокращения этикетных правил и условностей, задействованных в процессе коммуникации между представителями разных поколений с целью максимально нивелировать возрастные и половые различия, а также создать оптимально комфортную психологическую обстановку общения.

Заключение. Во второй половине XX века наблюдается устойчивая тенденция к унификации и упрощению приветственных форм, что достигалось в первую очередь путём сокращения количества кинесических элементов; ввиду тотальной секуляризации из повседневного общения исчезают приветствия религиозного содержания; теряют актуальность многочисленные специальные приветствия-

² Зап. автором от Баран С.Ф., 1928 г. р., д. Завелёвье Дрогичинского района.

благопожелания, без которых в традиционной крестьянской среде не представлялось возможным организовать полноценное общение. Таким образом, за последние десятилетия исключаются из повседневной жизни приветственные формы, которые ещё активно употреблялись белорусами на рубеже XIX – XX веков, утрачиваются региональные особенности их использования и произношения. Данные процессы были связаны с сокращением во второй половине XX века количества носителей традиционной культуры, активной миграцией, стремительной трансформацией образа жизни, что приводило к утрате национальной специфики в культуре общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, А.К. У истоков этикета / А.К. Байбурин, А.Л. Топорков. – Л.: Наука, 1990. – 168 с.
2. Анимелле, Н. Быт белорусских крестьян / Н. Анимелле // Этнографический сборник. Вып. 2; под ред. К.Д. Кавелина. – СПб., 1854. – С. 111 – 268.
3. Сербай, І.А. Вічынскія паляне: матэрыяльная культура: этнаграфічны нарыс Беларускага Палесся / І.А. Сербай. – Мінск: БФК, 2005. – 88 с.
4. Пяткевіч, Ч. Рэчыцкае Палессе / Ч. Пяткевіч. – Мінск: Беларус. кнігазбор, 2004. – 670 с.
5. Federowski, M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej: materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877 – 1905 / M. Federowski. – Warszawa: Towarzystwo Naukowe Warszawskie, 1935. – Т. 4: Przysłowia, żarciki, wyrażenia stałe oraz zagadki ludu, mieszczań i zagrodowców z okolic Grodna, Sokółki, Białegostoku, Bielska, Wołkowyska, Słonima, Nowogródka, Słucka, Lidy, Wilejki, Świecian i Oszmiany. – 490 s.
6. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. / П.В. Шейн. – СПб., 1887 – 1902. – Т. 2: Сказки, анекдоты, легенды, предания, воспоминания, пословицы, загадки, приветствия, пожелания, божба, проклятия, ругань, заговоры, духовные стихи. – 715 с.
7. Нікіфароўскі, М.Я. Напаўпрыказкі-напаўпрыслаўкі / Н.Я. Нікіфароўскі // Запіскі Адзела гуманітарных навук. – 1928. – Кн. 4: Працы кафедры этнаграфіі. Т. 1, сш. 1. – С. 81 – 115.
8. Выслоўі / АН БССР, Інстытут мастацтвазнаўства, этнаграфіі і фальклора; склад.: М.Я. Грынблат, С.Т. Асташэвіч; рэдкал.: В.К. Бандарчык [і інш.]. – Мінск: Навука і тэхніка, 1979. – 518 с.
9. Шейн, П.В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края: в 3 т. / П.В. Шейн. – СПб., 1887 – 1902. – Т. 3: Описание жилища, одежды, пищи, занятий; препровождение времени, игры, верования, обычное право; чародейство, колдовство, знахарство, лечение болезней, средства от напастей, поверья, суеверья, приметы и т. д. – 535 с.
10. Полевые материалы экспедиции автора в Петриковский район Гомельской области в августе 2011 г.
11. Полевые материалы экспедиции автора в Полоцкий район Витебской области в октябре – ноябре 2010 г.
12. Полевые материалы экспедиции автора в Ошмянский район Гродненской области в марте 2011 г.
13. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: в 2 т. / сост. П. Бобровский. – СПб.: Тип. И. Огризко, 1863. – Т. 1. – 1074 с.
14. Полевые материалы экспедиции автора в Пуховичский район Минской области в августе – сентябре 2010 г.
15. Полевые материалы экспедиции автора в Дрогичинский район Брестской области в июле 2011 г.
16. Гребенщикова, Н.С. История русского приветствия (на восточнославянском фоне) / Н.С. Гребенщикова. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 306 с.
17. Шпилевский, П. Путешествие по Полесью и белорусскому краю / П. Шпилевский. – Минск: Беларусь, 2004. – 251 с.

Поступила 08.12.2011

**REETING ETIQUETTE AT BELARUSIANS:
TRANSFORMATION OF THE USE OF TRADITIONAL FORMS
IN THE SECOND HALF OF XX – THE BEGINNING OF XXI CENTURY**

I. SIMONOVA

Greetings are a structural component of national etiquette which represents itself as one of key identification factors of an ethnic generality. In the article traditional forms of greetings, characteristic for daily dialogue of Belarusians are considered. Their regional features are presented. On the basis of field materials the problem of transformation of rules of etiquette of greeting in the second half of XX – the beginning of XXI century is analyzed. The problem of the use of greetings-good wishes and religious greetings is in detail analyzed, the attention is focused on use of kinesic elements. The conclusion is done, that in the second half of the 20th century the tendency to unification and simplification of system of greetings at Belarusians, as because of reduction of composite elements of salutatory forms, and by narrowing of their specific variety actively developed.

УДК 94(476)

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОМИТЕТОВ НАРОДНОГО КОНТРОЛЯ БЕЛОРУССКОЙ ССР
ПО СОВЕРШЕНСТВОВАНИЮ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ПРЕДПРИЯТИЙ ТРАНСПОРТА
В 1966 – 1991 ГОДАХ**

*канд. ист. наук, доц. Р.В. ТИМОФЕЕВ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)*

Показана деятельность комитетов народного контроля Белорусской Советской Социалистической Республики в отношении предприятий транспорта в 1966 – 1991 годах. Рассмотрены основные недостатки в работе транспорта республики, которые были выделены комитетом народного контроля для исправления. Особое внимание было уделено выяснению уровня эффективности работы контролёров по отношению к той или иной проблеме, связанной с функционированием транспортных предприятий. Отмечен и широкий круг организаций, которые также занимались контрольными функциями по отношению к транспорту одновременно с народными контролёрами.

Советская административная система в период своего существования создавала различные системы контроля с тем, чтобы повысить эффективность работы предприятий и организаций. Наиболее длительное время главная роль в такой системе отводилась Комитету народного контроля (КНК), что и вызвало интерес к его деятельности. В связи с тем, что и в современной Беларуси органы контроля играют значимую роль во всех сферах жизни общества, было бы важно обратиться к опыту этой самой массовой контрольной организации нашего недалёкого прошлого. Среди научных работ, которые касались работы КНК БССР, можно отметить исследования В. Зайцева [1] и В. Макаревича [2], однако проведены они были в иных политических условиях, чем сегодня, и раскрывали лишь период 1960 – 70-х годов. Более реалистичной является современная работа Э. Забродского [3], но она не затрагивала отношение КНК к транспорту.

Цель данного исследования – определить основные направления деятельности КНК БССР в транспортной сфере 1966 – 1991 годов. Задачи – показать проблемы, которыми занимались на транспорте контрольные органы, определить степень их влияния на работу предприятий, выделить формы работы контролёров, их взаимодействие с государственными и общественными организациями. Для этого были проанализированы материалы из Национального архива Республики Беларусь, которые дали наиболее полное представление о направлениях работы КНК БССР, Государственного архива Витебской области, откуда взята конкретная информация о работе народных контролёров на местах, сборники документов и материалы периодической печати, отражающие в первую очередь активность групп содействия и постов КНК на транспорте. В работе использованы два блока методов: специально-исторический, который включает историко-генетическое и историко-сравнительное направление; общенаучный, в своей основе использующий индукцию и дедукцию, анализ и синтез.

Исследовательская часть. Преобразование органов партийно-государственного контроля в конце декабря 1965 года в КНК было связано с желанием органов власти привлечь как можно больше рабочих к делу контроля, осуществлять проверку исполнения директив правительства, принимать меры по устранению выявленных недостатков, вскрывать резервы для успешного развития экономики. Органы КНК с 1966 года особое внимание уделяли вопросам контроля за исполнением решений органов власти по внедрению новой техники и передовой технологии производства, вскрывали факты неудовлетворительного положения дел в этой сфере, изучали причины, которые порождали подобные явления, добивались повышения ответственности хозяйственных руководителей за дело внедрения всего передового [4, с. 11, 14]. Активность как КНК, так и близких ей по направленности объединений: штабов и отрядов «Комсомольского прожектора», комиссий по осуществлению парторганизациями контроля за деятельностью администрации, была увеличена с помощью Постановления ЦК КПБ от 28 января 1967 года «Об усилении работы по экономии и бережливости в народном хозяйстве республики». Органы КНК во 2-й половине 1960-х годов принимали активное участие в осуществлении планов научной организации труда, особенно в условиях перехода предприятий на новую систему планирования. Разбирая деятельность КНК, необходимо учитывать факт того, что контролёры сами находились под полным надзором партийных органов. Так, в 1968 году в адрес КНК были высказаны критические замечания, например, на Витебской областной партийной конференции. С одной стороны, была дана высокая оценка деятельности КНК и их внештатного актива. С другой – она, по мнению партийных делегатов, была далека от совершенства, так как у контролёров было ещё много нереализованных до конца мероприятий.

С момента своего образования КНК активно включился в работу, продолжая традиции своих предшественников и предлагая новые формы деятельности. Так, в соответствии с Постановлением Совета Министров (СМ) СССР от 10 марта 1966 года «Об обеспечении своевременной разгрузки вагонов и вывоза грузов с железнодорожных станций», например, КНК Витебской области на станциях и подъездных путях предприятий произвёл в 1966 году проверку его выполнения и предложил меры по устране-

нию недостатков. Для ускорения выгрузки грузов группы и посты народного контроля связывались с грузополучателями и выносили вопросы перевозок на обсуждение областного комитета народного контроля, где к виновным принимались строгие меры воздействия [5, л. 1, 2]. Транспортники также и сами надеялись на контролёров. Например, комиссия по осмотру пассажирского хозяйства Витебского отделения Белорусской железной дороги (БЖД) в марте 1966 года, выяснив, что работы по подготовке к летним перевозкам велись медленно, передала информацию для реагирования в областной КНК. В результате совместными усилиями ситуация была исправлена.

Деятельность контролёров проходила максимально гласно. Так, инспекторы КНК БССР М. Чистов и А. Куликович в июне 1967 года через газету «Советская Белоруссия» («СБ») сообщили о недостатках сохранности грузовых вагонов на БЖД, чем подтолкнули её управление принять дополнительные меры по предупреждению случаев их повреждений. Республиканский КНК в 1967 году основное внимание уделил вопросу выполнения железнодорожниками принятых производственных обязательств по примеру Приволжской дороги, предложившей обеспечивать перевозки за счет использования внутренних резервов. Проверка КНК в августе 1967 года показала, что руководители ряда министерств по-прежнему допускали сверхнормативные простои вагонов, поэтому КНК БССР объявил выговор, сделал денежные начёты ряду должностных лиц.

Контролёрам приходилось решать самые разные хозяйственные вопросы. Например, руководство БЖД в июне 1967 года обратилось за помощью к председателю КНК БССР А.А. Смирнову с тем, чтобы он помог расширить транспортную инфраструктуру Полоцкого нефтеперегонного завода и устройство станции Новополоцк [6, л. 78, 79]. С течением времени ситуация с этим вопросом была исправлена. Тем не менее одной из главных задач КНК был контроль за исполнением государственных решений. Чтобы улучшить ситуацию с погрузкой-разгрузкой вагонов, в январе 1968 года ЦК КПБ и СМ БССР издали соответствующее постановление, где КНК БССР поручили оперативно рассматривать вопросы, связанные с использованием подвижного состава и принимать строгие меры к руководителям, которые нарушали порядок работы [7, с. 2]. Особым направлением в работе контролёров было определение причин недостатков. Так, группы народного контроля г. Новополоцка в 1969 году отметили то, что простой вагонов был вызван неравномерностью поступления грузов.

Наиболее активно народные контролёры действовали в отношении автотранспорта. Проведённая в июле – августе 1966 года КНК БССР проверка установила, что Министерство автомобильного транспорта БССР (МАТ) и его автотресты провели подготовку к переходу на новую систему планирования. Однако недостатком в работе автохозяйств, влиявшим на такой переход, по мнению контролёров, было отсутствие в ряде автохозяйств учёта расходования запасных частей и материалов по каждому автомобилю [8, л. 4 – 6].

Не менее важной была работа и групп содействия КНК. Так, такая группа в Лидской автоколонне № 2416 в 1966 году занималась смотром расходования электроэнергии, сырья и топлива, в ходе которого с помощью разъяснительной работы был уменьшен расход ГСМ [9, с. 2]. У КНК были большие права, о своей работе ему докладывали те организации, у которых были выявлены недостатки. Так, в 1966 году Витебский областной автотрест отчитался перед областным КНК за централизованный завоз грузов. Но по станции Витебск такая работа осуществлялась в одну смену, и так как обращения в партийные органы результатов не дали, автотрест предложил контролёрам помочь ему решить вопрос с организацией работы второй смены. Деятельность КНК была многоступенчатой и включала выявление недостатков, определение их причин, разработку мероприятий по их устранению. Одной из форм работы КНК было издание постановлений. 22 августа 1967 года появилось решение Витебского областного КНК, касавшееся неудовлетворительного выполнения Постановления СМ БССР от 18 июля 1966 года «О мерах по повышению эффективности использования автомобильного транспорта и снижению себестоимости перевозок грузов». Было отмечено, что недостатки в использовании автотранспорта на перевозках были связаны с составлением заявок без необходимых расчетов [10, л. 10, 11]. Соответственно, автотранспортникам были даны конкретные рекомендации по устранению нарушений.

На местах основную конкретную работу проводили группы содействия КНК. Контролёры Второго автобусного парка Минска в 1966 году во время смотра по экономии и бережливости помогли сэкономить только за 9 месяцев его проведения 140 тыс. литров ГСМ. На автобазе № 6 Новополоцка в 1966 – 1967 годах контролёры-общественники занимались улучшением экономики производства, улучшением и совершенствованием технологических процессов. Основными направлениями работы народных контролёров Слуцкого автобусного парка в 1966 году были: учёт пробега резины, расхода электроэнергии и топлива, правильность составления графиков движения, ремонт техники. Контролёры Минской автобазы № 1 в 1966 – 1967 годах обратили внимание руководства своего автохозяйства, что факты приписок происходили с молчаливого согласия обслуживаемых предприятий, которые не умели организовать рентабельную работу автотранспорта.

Для улучшения работы контролёров в структуре их организации происходили реорганизации. В марте 1967 года по Брестской области контролёры были объединены в областную, Барановичскую и Пинскую городские комиссии по контролю за работой автотранспорта. Они занимались улучшением работы транспортных хозяйств, ликвидацией нарушений. За 1966 год ими было проверено 60 тыс. единиц автотранспорта [11, с. 3]. Группы содействия КНК старались опираться на рабочих. За 1967 год к народным контролёрам Минского городского управления пассажирского автотранспорта поступило и было внедрено 402 предложения с общим экономическим эффектом на 39,8 тыс. руб.

Ряд вопросов постоянно оставался для контролёров актуальным. Органы КНК в 1967 – 1968 годах провели массовую проверку выполнения постановления правительства об экономном расходовании жидкого топлива. Только в Брестском и Минском областных автотрестах они обнаружили за 1967 год перерасход 3 млн. литров бензина. По данным КНК БССР большое количество автомобилей МАТа выпускалось в 1967 – 1968 годах на линии с неисправными спидометрами или вовсе без них, что приводило к припискам. В 1967 году, например, в 9 хозяйствах было приписано в путевых листах 11 тыс. тонн грузов, в связи с чем незаконно было списано 7 тыс. литров бензина [12, с. 2]. Контролёры в 1968 году отмечали, что МАТ и автотресты неоднократно рассматривали на коллегии вопросы перерасхода горючего, намечали мероприятия, издавали инструкции и приказы. Но, к сожалению, все это зачастую оставалось на бумагах. Проверки и ревизии, проводимые работниками МАТ и автотрестов, нередко носили поверхностный характер. Так, в 1967 году четыре раза проверялась Брестская автоколонна № 2402, но завышения норм расхода топлива обнаружено не было.

Обоснованием деятельности КНК были достигнутые результаты. Так, группа народного контроля Минского городского автотреста во главе с Т. Лаврентьевым в 1968 году основное внимание уделила предотвращению фактов расхищения государственной собственности и более эффективному использованию автомобилей. После того как эта группа КНК в 1968 году выявила простой машин под погрузкой кирпичом, она с помощью городского КНК смогла резко их уменьшить. Областная комиссия по контролю за работой автотранспорта Брестского КНК в 1968 году широко применяла такие формы проверки, как проведение массовых рейдов с участием общественных организаций и должностных лиц автохозяйств. Обращалось особое внимание на выполнение графиков движения автобусов и работу диспетчеров. В свою очередь Могилёвская областная комиссия в 1967 году провела 14 заседаний, где были рассмотрены вопросы улучшения работы автотранспорта по обслуживанию населения. Большим злом у автотранспортников были нарушения финансовой дисциплины, когда водителями присваивались деньги за проезд, а действенных мер по ликвидации таких явлений принималось недостаточно, о чём было заявлено на собрании партийно-хозяйственного актива Витебской области. То есть у КНК эффективность работы, несмотря на достигнутые успехи, всё ещё была недостаточно высокой.

Вопросы, поднимаемые контролёрами, касались всех сфер деятельности транспорта. В 1968 – 1969 годах КНК БССР большое внимание обращал на качество ухода и своевременного ремонта автомобилей. Но работа авторемонтных предприятий была неудовлетворительной, так как только за 1968 год они получили 1419 рекламаций, или на 16,4 % больше, чем в 1967 году [13, с. 2]. В ходе проверки выполнения постановлений ЦК КПБ и СМ БССР от 20 мая 1967 года и СМ БССР от 19 марта 1969 года по улучшению обслуживания населения республики городским пассажирским автотранспортом КНК БССР выяснил, что не был решён вопрос со строительством павильонов с помещениями для диспетчеров и водителей. Из-за неудовлетворительного состояния проезжей части улиц автобусы часто сходили с линии по причинам поломок [14, л. 17], поэтому контролёры поручили Госстрою БССР и Минскому горисполкому разрешить выявленную проблему.

В изучаемый нами период деятельность КНК охватывала все виды транспорта. Так, по сигналу председателя группы содействия КНК Управления Витебского трамвая С.П. Зайцева в 1967 году была произведена ревизия финансово-хозяйственной деятельности завкома управления и вскрыты нарушения [15, л. 97]. Однако результаты работы контролёров не всегда были эффективными. В мае 1968 года республиканский семинар контролёров пассажирского транспорта при участии областных комиссий КНК отметил непринятие мер по вскрытым контролёрами нарушениям.

В отношении речного транспорта КНК БССР выяснил, что в 1965 – 1970 годах постоянно ухудшалось техническое состояние флота по причинам недостаточного внимания Главного управления речного флота при СМ БССР к вопросам бережного отношения к судам при перевозках грузов, вопросам их текущего и капитального ремонта, повышения квалификации плавсостава, поддержания благоприятной для эксплуатации флота судходной обстановки [16, л. 21]. Лишь в середине 1970-х годов ситуация здесь при помощи совместных усилий контролёров, государственных органов управления и самих речников была значительно улучшена.

На Минском авиапредприятии контролёры определили, что за 1966 год простой рейсовых самолётов составил 75 дней, а план перевозок не был выполнен. Причинами простоев оказалось отсутствие слаженной работы между ремонтными мастерскими и отделами обеспечения. По итогам проверки КНК БССР в 1968 году определил, что Центральное агентство Минска не имело прямых каналов связи с Московским бюро, что приводило к затратам большого количества времени на получение справок о свободных местах. Подтверждением недостатков было появление 24 сентября 1969 года Постановления КНК БССР «О серьёзных недостатках в обслуживании пассажиров Белорусским управлением гражданской авиации на воздушных линиях».

Работать в группах содействия КНК не каждому оказывалось по силам. Поэтому, например, на партийном собрании Полоцкого управления нефтепровода «Дружба» 9 июля 1968 года было решено освободить от должности председателя группы народного контроля [17, л. 75]. Новый состав контролёров решил экономнее расходовать трудовые и материальные ресурсы, добиваться своевременного устранения недостатков.

Регулярно в изучаемый период появлялись решения органов власти, следить за реализацией которых было одной из задач КНК. Постановление ЦК КПСС от 3 февраля 1972 года обратило внимание на то, что хозяйственные руководители часто мирились с наличием прогулов и опозданий. Некоторые проблемы на транспорте, несмотря на неоднократные попытки их разрешения, в том числе и со стороны контролёров, продолжали оставаться актуальными. Внештатный отдел Барановичского городского КНК в 1970 году больше всего внимания уделял рациональному использованию железнодорожного подвижного состава. Для устранения недостатков контролёры принимали на местах конкретные меры, включавшие пополнение погрузочных участков специальной техникой [18, с. 2]. Контролёры со станции Минск-Восточный в мае 1973 года обратили внимание государственных органов на постоянный срыв планов погрузочно-разгрузочных работ станкостроительным заводом в Минске. Группам содействия КНК приходилось много следить за техническим состоянием предприятий транспорта. В Оршанском локомотивном депо в 1971 – 72 годах она занималась вопросами улучшения использования резервов производства и улучшала качество ремонта локомотивов. С помощью контролеров Брестского вагонного депо в апреле 1972 года было завершено внедрение нового технологического процесса.

Главным показателем работы контролёров было достижение ими конкретных результатов. На станции Светлогорск контролёры за 1973 год смогли снизить простой вагонов на 1 час. Под влиянием контролёров в Республиканском объединении «Белсельхозтехника» простой вагона в 1971 – 1974 годах за счёт повышения уровня механизации погрузочно-разгрузочных работ были снижены на 26,6 % [19, л. 130]. Однако по ряду объективных и субъективных причин во многих местах оставалось превышение норм простоя вагонов, что заставляло контролёров продолжать работу. Так, проведённая в марте 1975 года по всей республике проверка показала, что руководители ряда министерств неудовлетворительно осуществляли меры по усилению перевозок грузов железной дорогой, не обеспечивали своевременной погрузки и разгрузки. Руководители министерств и БЖД вместо оказания практической помощи подведомственным предприятиям ограничивались изданием приказов, надлежащий контроль за выполнением которых не осуществляли. Подобные недостатки отмечались и в специализированных постановлениях органов власти. Исправляя отмеченные недостатки, на БЖД в мае 1975 года были осуществлены мероприятия по повышению уровня механизации погрузочно-разгрузочных работ, улучшению организации разгрузки вагонов в ночное время, выходные и праздничные дни.

Координировал и направлял работу народных контролёров в пределах республики КНК БССР. В январе 1979 года он вновь рассмотрел вопрос «О фактах срыва выполнения некоторыми министерствами и ведомствами республики директивных указаний по обеспечению бесперебойной работы железнодорожного транспорта в предновогодние и праздничные дни». В мае 1979 года отдел топливной промышленности, энергетики, транспорта и связи КНК разработал план проверки соблюдения дисциплины в деле обеспечения перевозки грузов и использования подвижного состава на БЖД. Проверка была подготовлена в целях устранения причин срывов выполнения заданий по перевозкам [20, л. 3, 4]. Контролёры занимались проверкой выполнения планов погрузки, определяли причины недогруза, выделяли временные периоды, когда не выполнялись планы, и по каким предприятиям это происходило.

Ответом на критику и предложения КНК БССР был приказ начальника БЖД, изданный в августе 1979 года, касавшийся нарушений дисциплины перевозок грузов на Брестском отделении. В приказе отмечено, что за 1978 год произошли потери погрузочных ресурсов на 1,5 млн. тонн по причине неудовлетворительного использования вагонов, замедления оборота и невыполнения простоев вагонов, происходили массовые переадресовки вагонов [20, л. 69, 70]. В итоге приказом начальника отделения виновные были наказаны, их обязали принять меры по устранению недостатков. Одной из причин невысокой эффективности работы ряда отделений БЖД контролёры в 1979 году определили как отсутствие обоюдосторонней информации между грузоотправителями и грузополучателями. Поэтому КНК БССР пришлось объяснить железнодорожникам преимущества круглосуточного приёма и передачи информации о перемещениях грузов. Под влиянием контролёров стал распространяться опыт предприятий и станции Витебск, которые первыми в июле 1979 года перешли на круглосуточную телетайпную связь. Вскоре была создана и система организации грузовой информации на базе поездных сообщений, собранных в памяти ЭВМ со всей БЖД. То есть КНК не только выявлял те или иные недостатки, но и помогал внедрению и распространению более рациональных форм транспортной работы.

Большим количеством вопросов приходилось заниматься КНК в отношении автотранспорта. Об имевшихся там проблемах свидетельствовал, например, собственный приказ МАТа БССР от 3 сентября 1970 года, связанный с нарушениями инструкции о порядке снабжения, выдачи и учета билетов на проезд в автобусах, контроля и учета выручки от перевозки пассажиров и багажа [21, л. 87, 88]. Наличие случаев присвоения денежной выручки работниками автотранспорта и невнимательного отношения к пассажирам в феврале 1977 года отметила и сессия Верховного Совета БССР. Контролёры продолжали рассматривать ход реализации решений, принятых органами власти. Так, изданное 22 сентября 1971 года постановление КНК БССР касалось выполнения указаний ЦК КПБ и СМ БССР по обеспечению безопасности движения автотранспорта. В 1971 году КНК БССР обратил внимание и на то, что руководители автохозяйств фактически не несли ответственности за бесхозяйственное использование автомобилей, и предложил исправить ситуацию в этом вопросе.

Народный контроль существовал одновременно с ведомственным. Так, правительство республики в июне 1971 года утвердило Положение о контрольно-ревизорской службе МАТ БССР. Но огромной проблемой ведомственного контроля было то, что водители очень часто заранее знали о проверке. Как раз здесь и проявлялось преимущество народных контролёров, которые в вопросе определения времени своей работы были более независимы. Близкими к КНК по направленности действий были созданные 16 октября 1972 года по решению СМ БССР и Белсовпрофа комиссии общественного контроля за безопасностью движения на предприятиях автотранспорта и городского электротранспорта.

Автотранспортники сами часто обращались в КНК за помощью с тем, чтобы решить какой-нибудь сложный вопрос. Так, в 1971 году Витебскому областному КНК в главе с Ф.А. Сургановым было доложено о том, что по причинам отсутствия согласованности со стороны заготовительных организаций и колхозов транспорт Витебского автотреста использовался непроизводительно [22, л. 36]. В свою очередь КНК БССР искал содействия у СМ БССР, Президиум которого, например, 17 июня 1971 года на своём заседании рассматривал записку КНК БССР о неудовлетворительном использовании автобусов. У СМ БССР были свои вопросы к качеству работы всех направлений контроля, о чём свидетельствовало изданное им в мае 1972 года постановление, касавшееся усиления контроля за работой автотранспорта и использования ГСМ. Характерной чертой контролёров было то, что они выделяли и положительные явления в работе транспортников. Тем не менее из года в год количество проблем у автотранспортников не уменьшалось. В январе 1974 года контролёры выявили факты того, что они не принимали меры по улучшению использования грузового автотранспорта, все еще не были изжиты факты приписок невыполненных работ, предприятия не осуществляли регулярных взаимных проверок объемов перевозимых грузов. Поэтому КНК БССР обязал руководителей министерств осуществить мероприятия по устранению вскрытых недостатков в использовании грузового автотранспорта. Должностные лица, допустившие бесхозяйственность, были привлечены к ответственности. Проверкой КНК БССР в январе 1977 года было установлено, что руководители Брестского областного автоуправления не сделали выводов из постановлений СМ БССР об экономном расходовании топлива, поэтому в этом направлении контролёры на местах вновь активизировали свою деятельность.

Широкое поле деятельности было у групп содействия КНК. Контролеры Могилёвской автоколонны № 2426 в 1974 году проводили сверки объемов выполненных работ с данными обслуживаемых предприятий, вскрывали приписки и выявляли их виновников, следили за дисциплиной водителей [23, с. 2]. Контролёры часто напрямую реагировали на замечания населения, касавшиеся его транспортного обеспечения. Так, председатель группы КНК Старобинского поселкового Совета П. Лапунин в сентябре 1977 года выступил с предложением перенести автобусную станцию в центр Старобина, где она располагалась раньше. Эффективность работы контролёров была важным фактором для решения производственных вопросов. Так, их усилиями наводился порядок с движением городского автотранспорта в вечерние часы – рабочим вторых смен уже не надо было раньше времени уходить с предприятий, чтобы доехать домой.

Не оставался без внимания контролёров и электротранспорт. Для усиления эффекта от своей деятельности они старались работать совместно с другими органами. Так, КНК БССР в своей совместной записке с СМ БССР от 30 октября 1970 года, направленной в Министерство коммунального хозяйства БССР (МКХ), отметили недостатки в работе городского пассажирского транспорта, в первую очередь слабую регулярность движения. Отвечая на замечания контролёров, МКХ в целях исправления ситуации предложило поручить Госплану БССР рассмотреть вопросы о дополнительном выделении средств на развитие электротранспорта.

Значимый конечный результат в улучшении работы транспорта могли дать только совместные усилия различных служб. Так, в январе 1972 года ГАИ Минска выявила грубые нарушения трудовой дисциплины некоторых водителей трамваев и троллейбусов, что заставило местное ТТУ исправить ситуацию. Совместной проверкой, проведенной в мае 1979 года Министерством финансов БССР и КНК БССР, было выявлено, что в республике повсеместно допускались нарушения графиков движения городского пассажирского транспорта.

Недостатком в работе самих народных контролёров было то, что его низовые подразделения не всегда отличались оперативностью. Так, в Витебском трамвайном управлении в 1975 – 1976 годах контролёры не смогли, по мнению его партийного бюро, создать противодействие нарушителям дисциплины. По мнению СМ БССР, отражённом в Постановлении «О серьезных недостатках в работе городского транспорта республики» 1979 года, контрольно-ревизионная служба и общественные контролеры слабо осуществляли контроль за соблюдением правил перевозок, неудовлетворительно был поставлен и ведомственный контроль, в связи с этим в большинстве случаев нарушения не вскрывались.

Вопросы у КНК БССР были и к работе речного транспорта. Так, по результатам его проверки на 1 января 1973 года неудовлетворительным оказалось техническое состояние барж для транзитных перевозок. Основными причинами оказался износ судов в трудных условиях эксплуатации, нарушение положения о предупредительном ремонте, нецелевое использование выделенных на ремонт средств. Было выяснено, что руководители флота недостаточно качественно осуществляли управление подведомственными предприятиями и вели работу по использованию внутренних резервов производства, не был достигнут ряд важнейших показателей использования флота. Вследствие грубого нарушения правил плавания и трудовой дисциплины имело место большое количество аварийных происшествий и брака в работе [16, л. 21, 22].

В целях ликвидации недостатков КНК БССР в феврале 1974 года провёл семинар с председателями групп народного контроля предприятий речного флота, где произошёл конкретный разбор положения дел в отрасли. Затем при участии групп КНК были выполнены мероприятия по устранению недостатков, благодаря которым в 1974 году флот перевыполнил доведённые ему плановые показатели, более качественно был проведён судоремонт, обеспечено строгое соблюдение схемы движения и обработки флота при перевозках руды. Тем не менее, несмотря на значительное улучшение использования флота, во 2-й половине 1970-х годов продолжали иметь место серьёзные недостатки в эксплуатационной деятельности, в частности портов и пристаней.

Важный участок для работы у контролёров был везде. Так, в Минском авиапредприятии группа КНК во главе с С. Свиридовичем в 1976 году занималась вопросами охраны государственной собственности, повышения культуры обслуживания пассажиров, обеспечения безопасности полетов [24, с. 15]. Деятельность КНК БССР часто приносила осязаемый успех. Так, в ходе проверки выполнения его Постановления от 5 июля 1977 года «О недостатках в обслуживании населения пассажирским транспортом» было отмечено, что авиаторы улучшили культуру обслуживания пассажиров с помощью повышения регулярности полётов, достигшей в конце 1977 года 91,6 % [25, л. 67, 68]. Контролёрами постоянно решались самые острые вопросы. Так, в зоне внимания КНК БССР в декабре 1978 года оказались недостатки в использовании авиации при перевозках грузов. Было выяснено, что руководители ряда предприятий для доставки продукции не всегда обоснованно использовали авиацию, а авиаторами допускались случаи доставки грузов не по назначению. Областному КНК было дано поручение привлечь к ответственности виновных лиц.

Контроль охватывал все виды транспорта. С помощью Гомельского КНК в 1970 году были решены вопросы по улучшению работы Гомельского хозрасчетного участка Главгаза БССР. Группа КНК Полоцкого управления нефтепровода «Дружба» во главе с председателем И.В. Ляховым в 1973 – 1974 годах регулярно проводила работу по сохранности государственной собственности и правильному использованию материальных ценностей [26, л. 58]. Но не все вопросы были в реальной компетенции групп содействия КНК и, например, вопросы финансовой ревизии в Нополоцком управлении нефтепровода «Дружба» пришлось в феврале 1979 года разбирать Новополоцкому городскому КНК.

В целях упорядочения деятельности контролёров в январе 1980 года Верховным Советом СССР был принят «Закон о народном контроле СССР», исходя из которого его структура включила посты и группы в трудовых коллективах, районные и областные КНК, образованные соответствующими Советами народных депутатов [27, с. 2]. Для расширения влияния контролёров в изучаемый период действовала практика избрания председателей комитетов КНК в состав партийных бюро предприятий. Постановление ЦК КПСС от 17 января 1980 года подчеркнуло факты того, что деятельность КНК не всегда концентрировалась на вопросах, от решения которых зависело выполнение государственных планов, допускалось в ряде случаев примиренческое отношение к различным нарушениям и к фактам бесхозяйственности. Поэтому ЦК компартий союзных республик, КНК СССР должны были обеспечить реализацию положений Закона о народном контроле. Партийные и советские органы должны были оперативно рассматривать предложения органов КНК, принципиально реагировать на вскрываемые ими недостатки, пресекать случаи преследования контролёров.

Работы для контролёров было предостаточно. Так, постановление ЦК КПБ и СМ БССР, принятое в апреле 1980 года направило их на реализацию мер по обеспечению сохранности грузов и предотвращению хищений на железнодорожном, речном и автомобильном транспорте. Контролёры должны были учитывать также и решения ноябрьского Пленума ЦК КПСС 1979 года об укреплении государственной дисциплины. В 1984 году КНК БССР усилил своё внимание к работе областных, городских и районных комитетов народного контроля, стал больше оказывать им практической помощи. Но Верховный Совет БССР в марте 1985 года отметил, что КНК БССР еще не добился активной работы всех комитетов, поэтому его обязали следить за соблюдением договорных обязательств и поиском резервов повышения эффективности производства. В целом органы КНК работали в направлении повышения качества работы и проведения режима экономии. Задачами контролёров было также противодействие местничеству и разбор причин нарушений.

Важной сферой работы народных контролёров осталась железная дорога. Так, Витебский областной КНК в 1980 году проверил состояние обеспечения сохранности перевозок грузов на местном отделении БЖД и выявил факт того, что руководство отделения не принимало должных мер по сохранности ценностей и наносило ущерб государству из-за краж. С помощью наказания виновных размеры нарушений были уменьшены, но, к сожалению, продолжали иметь место. Такие факты говорили о том, что группы содействия КНК не смогли предотвратить подобные явления, т.е. количество проверок не перерастало в качество. По ряду направлений контролёры добились значимых успехов. Так, положительный опыт распространения новой системы информации о движении грузов на БЖД в июле 1981 года был отмечен на Всесоюзном совещании заведующих отделами транспорта и связи КНК и председателей групп КНК управлений железных дорог СССР. В расширении сферы действия этой системы, сократившей простой подвижного состава на 5 мин, была и заслуга контролёров, что отметил председатель КНК

БССР

М.И. Лагир [28, с. 3]. Отдел топливной промышленности, энергетики, транспорта и связи КНК БССР во главе с В. Рябченко в 1980 году занимался распространением контейнеров, что позволило уменьшить простой вагонов на подъездных путях предприятий.

Одной из важных проблем, на которую в сентябре 1981 года обратил своё внимание КНК БССР, была недогрузка вагонов потребителями, что снижало уровень их рационального использования. Чтобы выполнить плановые показатели, заказчики превышали объёмы выполненных работ, например, в 1980 году по предприятиям Белкоопсоюза приписки составили 46 тыс. тонн в год. Здесь контролёры противостояли тому, что ряд руководителей вместо работы по совершенствованию технологий и внедрению механизации занимались сокрытием реального положения дел. Некоторые вопросы работы транспортников находились под контролем постоянно. Так, в феврале 1982 года под председательством КНК БССР состоялось совещание, где был рассмотрен вопрос о проведении проверки использования вагонов на подъездных путях и станциях. Целью проверки было повышение эффективности работы транспорта и соблюдение им графиков движения. Соответственно, например, Первомайский районный КНК г. Витебска, группы народного контроля в 1982 году провели проверку соблюдения правил погрузки, выгрузки и норм простоя вагонов. После проверки под влиянием контролёров руководством предприятий были приняты организационно-технические меры по устранению недостатков, созданы посты народного контроля на участках, которые вели погрузочно-разгрузочные работы.

Многое в работе контролёров зависело от позиции руководства предприятий. Так, группы содействия КНК на Брестском отделении БЖД пользовались поддержкой у его руководства, и поэтому материалы проверок в 1982 году обсуждались на еженедельных совещаниях у начальника отделения Н. Шафаренко. У КНК были значительные полномочия. Так, городские КНК республики в 1983 году отстраняли от должностей и производили денежные начёты на тех руководителей, которые допускали высокие сверхнормативные простои вагонов. Без контролёров редко обходились значимые мероприятия, связанные с развитием транспорта. В мае 1983 года они приняли участие в расширенном заседании коллегии МПС и президиума ЦК профсоюза рабочих железнодорожного транспорта и транспортного строительства, где были обсуждены меры по улучшению организации пассажирских перевозок. Важным направлением работы контролёров было выяснение уровня удовлетворения потребностей населения в транспортных услугах. В результате проверки, проведённой Витебским областным КНК, было выяснено, что в 1987 году по местному отделению БЖД годовой план по транспортным услугам был невыполнен на 13 % [29, л. 14]. Контролёры стали важными союзниками пассажиров, в частности по вопросу открытия новых остановочных пунктов пригородных поездов в местах расположения садово-огороднических кооперативов.

В результате проверки эффективности использования подвижного состава, организации пассажирских перевозок и обслуживания пассажиров на Витебском отделении БЖД, проведённой 25 ноября 1987 года областным КНК, было выяснено, что на отделении по нераспорядительности ряда работников станций и отделения допускались частые случаи срыва графика отправления поездов. Под давлением контролёров железнодорожники были вынуждены направить больше своих усилий и средств на этот проблемный участок. Всё время остро стоял на транспорте вопрос с экономией ресурсов. Так, в 1989 году КНК БССР провёл обследование использования электрической и тепловой энергии на шести предприятиях БЖД, в том числе на Брестском и Барановичском локомотивном депо. В целом фактов расточительного использования энергии обнаружено не было, но резервы экономии электроэнергии использовались там не полностью [30, л. 7, 8].

Контроль за работой железнодорожников происходил со всех сторон. В январе 1983 года Белорусская транспортная прокуратура и редакция газеты «СБ» провели совместный рейд по ряду станций Минского отделения БЖД, так как к ним поступали жалобы на нарушение дисциплины его работниками. В соответствии с поручением КНК БССР и Витебского областного КНК внештатным активом контролёров совместно с работниками прокуратуры, ОВД райисполкома в августе – сентябре 1984 года была организована массовая проверка исполнения указаний органов власти по сохранности сельхозпродукции при её перевозках транспортом. В Минском локомотивном депо работники Госнефтеинспекции в 1984 году проводили проверку использования нефтепродуктов, выявили много недостатков в хранении и потреблении горюче-смазочных материалов.

Органы власти в ряде случаев считали проводимый контроль недостаточно эффективным. Так, постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 5 августа 1983 года, направленное на улучшение использования автотранспортных средств, отметило, что недостатки в работе были вызваны как ослаблением дисциплины, так и недостаточным контролем, поэтому партийным и советским органам, республиканским кабинетам министров было поручено решать эти вопросы с привлечением КНК. В республике часто проводили различные рейды по контролю за работой автотранспорта и улучшением культуры обслуживания. Но спустя некоторое время эффект от них становился минимальным. Более результативной в этом вопросе была работа КНК. Так, если по ведомственной линии за 1979 – 1980 годы в Осиповичской автобазе каких-либо существенных нарушений выявлено не было, то в 1981 году народные контролёры определили, что там постоянно завывался вес грузов, в результате чего был приписан грузооборот на 1 млн. тонно-километров.

Главным для контролёров оставалось достижение конкретного результата. За 1983 год на Брестском автокомбинате № 1 с помощью их группы во главе с В.Е. Юдиным было сэкономлено 57500 литров

бензина, а в 1984-м она противодействовала припискам и потребовала проводить точную регулировку двигателей [31, с. 4]. Важным было и принятие решений по быстрому реагированию на недостатки. Так, активисты группы КНК в январе 1983 года выявили причины потерь рабочего времени при выходе автомобилей на задания в Борисове. Материалы проверки группа передала на обсуждение производственного совещания автотранспортников, которое приняло соответствующее постановление. Несмотря на предпринимаемые контролёрами усилия нарушения не исчезали. Более 1 млн. руб. штрафов за сверхнормативный простой автомобилей под грузовыми операциями уплатили в первом полугодии 1984 года предприятия и организации республики. Однако без активности КНК недостатков было бы ещё больше. Контролёры сделали вывод и о том, что наиболее благоприятной средой для всевозможных нарушений были бесхозяйственность и бесконтрольность.

Контрольные функции в отношении автотранспорта КНК помогали выполнять различные организации и объединения. Так, Минская городская комиссия при облсовпрофе по контролю за работой общественного пассажирского транспорта в 1980 году провела мероприятия по улучшению работы автомобильных и электротранспортных предприятий города. ГАИ г. Минска во главе с начальником И. Худеевым в 1981 году обратило внимание руководителей предприятий на то, что бесконтрольность в деле хранения транспорта создавала благоприятные условия для использования его водителями в личных целях. Ряд проверок отличался своей масштабностью и выявлял как положительные, так и отрицательные факты. В марте – июле 1986 года КНК БССР совместно с управлением ГАИ МВД БССР проверил выполнение постановления ЦК КПБ и СМ БССР от 16 сентября 1983 года в части организации контроля за эксплуатацией автомобилей и автобусов. Было установлено, что в результате принятия комплекса мер улучшилось планирование и учет работы автомобилей, сократились их сверхнормативные простои и порожние пробеги. Вместе с тем оказались нередкими случаи бесконтрольной эксплуатации транспорта. В ходе проведенных в I квартале 1986 года проверок было задержано 3950 грузовых автомобилей и 189 автобусов, использовавшихся не по назначению двигателей [32, л. 54, 56]. За это руководители предприятий были привлечены к ответственности районными комитетами народного контроля.

В свою очередь Витебский областной КНК в феврале 1988 года установил факты необоснованного закрытия автобусных маршрутов. По мнению контролёров, нерентабельность как причина закрытия стала в тот период удобным прикрытием от жалоб населения. В конце 1980-х годов контроль происходил уже в сложных условиях социально-экономического кризиса в республике, что резко снизило его эффективность. Правоохранительные органы не всегда должным образом реагировали на сообщения о хищениях водителей, в то время как только должностными лицами МАТа в 1987 году было выявлено 5 тыс. случаев присвоения водителями и кондукторами части выручки [33, с. 2]. В 1990 году КНК обратил особое внимание на предотвращение использования государственного транспорта в личных целях, случаи которого возросли из-за примиренческого отношения к этому явлению самих транспортников.

В той или иной степени нарушения контролёрами выявлялись в каждом транспортном подразделении. Одним из негативных фактов в работе Витебского трамвайно-троллейбусного управления (ТТУ) в 1980 году оказалось хищение денежных средств путем злоупотребления служебным положением. Большой проблемой оказалось выполнение графиков движения по многим троллейбусным маршрутам Минска в 1982 году, на что обращали внимание народные контролёры местного ТТУ. За замечания виновным приходилось отвечать. Так, под давлением контролёров, в 1985 году работники Минского ТТУ, допустившие нарушения, были лишены премий, переведены на нижеоплачиваемую работу, отпуск им был перенесён на зимнее время. К сожалению, общая нестабильность в республике в конце 1980-х годов повлияла на активность контроля. Так, уже в 1988 году уменьшились объёмы работы групп и постов КНК, которые занимались контролем, что негативно сказалось на качестве работы, например, городского транспорта.

Без внимания народных контролёров не оставался ни один важный вопрос и работы речников. Так, в 1981 году контролёры занимались вопросами ускорения строительства в Витебске нового порта, что позволило увеличить объем перевозок. Недостатки в работе речников, которые приходилось исправлять контролёрам, имели место. Только за первое полугодие 1984 года в речных портах республики с нарушением сроков было обработано 22,9 % общего количества судов. Большое место занимали у контролёров вопросы правильного расходования государственных средств. В мае 1987 года Витебский областной КНК силами внештатных инспекторов и с участием заместителя Витебского транспортного прокурора Н. Коноплевой проверил порядок начисления премий в речном порту «Витебск». По итогам проверки речников обязали исправить допущенные нарушения.

Трудности были у всех, например, у авиаторов Витебского аэропорта в 1980 – 1981 годах существовала проблема сохранности перевозимых грузов. Однако в ряде случаев транспортники выступали против многочисленных проверок, считая их не всегда обоснованными. Тем не менее работа контроля в большинстве случаев была полезной. Так, на Минском авиапредприятии в 1982 году были созданы штабы «За культуру обслуживания» и «Качество», которые организовывали рейды по контролю за состоянием самолётов, проверяли готовность самолётов к вылету [34, с. 1]. Во 2-й половине 1980-х годов количество претензий к работе авиаторов стало неуклонно расти, недостатки в их работе касались несовершен-

ства действовавшего порядка обработки грузов, почты и багажа пассажиров. Большие хищения грузов произошли в 1988 – 1989 годах в аэропорту Минск-2, когда он стал использоваться как одна из перевалочных баз по доставке гуманитарной помощи.

В каждом транспортном направлении народные контролёры определяли для себя важные направления работы. Так, в феврале 1980 года КНК БССР рассмотрел вопрос о срыве ввода в эксплуатацию газопровода-отвода Орша – Витебск и неудовлетворительном строительстве системы газоснабжения г. Витебска. Было выяснено, что неудовлетворительный ход строительства был связан с отсутствием проектов производства и плохой организацией. За неприятие действенных мер по вводу в эксплуатацию газопровода КНК БССР виновным объявил выговор. Важность трубопроводного транспорта всё время возрастала, и поэтому отдел топливной промышленности, энергетики, транспорта и связи КНК БССР в 1980-е годы направил свои усилия на выполнение заданий по росту объёмов потребления газа в республике [35, с. 35]. Но в конце 1980-х годов эффективность народного контроля начала снижаться, и он уже не мог как раньше относительно быстро и чётко противодействовать нарушениям, однако деятельности своей не прекращал.

Заключение. Одной из своих задач КНК БССР видел в оказании помощи населению республики в более полном обеспечении транспортными услугами; КНК препятствовал увеличению масштабов злоупотреблений в транспортной сфере. После проверок принимались меры по исправлению ситуации. Органы контроля постоянно обращали внимание на недостатки в использовании транспортных средств, настаивали на устранении недостатков, следили за ходом реализации намеченных мероприятий, тем самым повышали эффективность существовавшей хозяйственной системы.

Контролёры анализировали причины, которые приводили к недостаткам, давали чёткие и обширные рекомендации по их устранению. Предприятия и ведомства обязаны предоставлять отчёты КНК об исправлении выявленных недостатков. Эффективность контроля во многих случаях зависела от взаимодействия КНК с партийными органами. В поле зрения активистов комитета, членов групп и постов народного контроля попадали такие вопросы, как обеспечение сохранности вагонного парка и перевозимых товарно-материальных ценностей, усиление взаимодействия различных видов транспорта. Часто народные контролёры проводили совместные мероприятия с другими организациями, имевшими права контроля (комиссии Советов народных депутатов, профсоюзные комитеты и штабы «Комсомольского прожектора»). Тем не менее простые вагоны, порожние пробеги автомобилей, низкое качество предоставленных транспортных услуг, потери и хищения топлива и других материалов на транспорте так и остались нерешённой проблемой органов за весь изучаемый период. На самом высоком уровне шла поддержка комитетов народного контроля в 1966 – 1970-е годы, так как КНК сыграл значимую роль, если не по искоренению хищений и непроизводительных затрат на транспорте, то по их уменьшению. Деятельность групп содействия КНК на предприятиях была неэффективной, так как во многом их представители проверяли «сами себя» и находились под давлением администрации, что давало возможность утаивания недостатков. Постоянно в поле зрения контролёров находился и вопрос, связанный с безопасностью движения.

В целом органы народного контроля БССР на транспорт обращали пристальное внимание, так как без решения транспортных проблем нельзя было добиться стабильности социально-экономического развития республики практически во всех сферах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Зайцев, В.М. Руководство Компартии Белоруссии деятельностью органов народного контроля (1966 – 1970 гг.): автореф. ... канд. ист. наук / В.М. Зайцев. – Минск: ИИП при ЦК КПБ, 1973.
2. Макаревич, В.А. Общественный контроль в условиях коммунистического строительства (1959 – 1970 гг.) (На материалах Белорусской ССР): автореф. ... канд. ист. наук / В.А. Макаревич. – Минск: ООИ АН БССР, 1981.
3. Забродскі, Э. Камітэт народнага кантролю / Э. Забродскі // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: у 6 т. – Мінск: Беларус. Энцыкл., 1997. – Т. 4. – С. 51.
4. Залужный, В. Органы народного контроля в борьбе за повышение эффективности общественного производства / В. Залужный // Социалистический труд. – 1968. – № 5. – С. 11 – 19.
5. О результатах проведенной работы по проверке выполнения постановлений Совета Министров СССР. 1966 г. Витебский областной КНК // Государственный архив Витебской области (далее – ГАВО). – Фонд 3485. – Оп. 1. – Д. 198.
6. Отчёты, докладные записки, справки министерств и ведомств в КНК БССР по вопросам промышленности. 1967 г. // Национальный архив Республики Беларусь (далее – НАРБ). – Фонд 911. – Оп. 4. – Д. 198.
7. Вагоны і грузы // Звезда. – 1968. – 13 студзеня. – С. 2.
8. Материалы проверки хода подготовки автохозяйств Министерства автотранспорта БССР к переходу на новую систему планирования. 1966 г. // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 6. – Д. 91.
9. Лавринович, А. В большом и малом / А. Лавринович // Автотранспорт Белоруссии. – 1966. – 29 сент. – С. 2.

10. Постановления Витебского областного комитета народного контроля. 1967 г. // ГАВО. – Фонд 3485. – Оп. 1. – Д. 291.
11. Спиро, А. Общественные контролёры / А. Спиро // Автотранспорт Белоруссии. – 1967. – 19 марта. – С. 3.
12. Кулинкович, А. Учет или игра в цифры / А. Кулинкович // Советская Белоруссия. – 1968. – 27 апр. – С. 2.
13. Кулінковіч, А. Аўтамабіль выйшаў з рамонту / А. Кулінковіч, С. Куцаеў // Звязда. – 1969. – 16 верас. – С. 2.
14. Материалы проверки о ходе выполнения постановлений ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 20.05.1967 и Совета Министров БССР от 19.03.1969 КНК БССР // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 6. – Д. 719.
15. Протоколы собраний первичной парторганизации Управления Витебского трамвая. 1967 г. // ГАВО. – Фонд 384. – Оп. 1. – Д. 54.
16. Материалы проверки о недостатках в выполнении постановления ЦК КПБ и Совета Министров БССР по повышению роли речного транспорта в развитии экономики республики. 1974 г. // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 7. – Д. 500.
17. Протоколы партийных собраний Полоцкого управления нефтепровода «Дружба». 1968 г. // ГАВО. – Фонд 9841. – Оп. 1. – Д. 2.
18. Лаврентюк, И. Резервы транспорта / И. Лаврентюк // Советская Белоруссия. – 1970. – 23 мая. – С. 2.
19. Материалы проверки «О неудовлетворительном выполнении некоторыми министерствами и ведомствами постановления ЦК КПБ и Совета Министров БССР от 26.08.1969» // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 7. – Д. 863.
20. О нарушениях государственной дисциплины перевозок народнохозяйственных грузов на Брестском отделении Белорусской железной дороги: материалы проверки, 1981 г. // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 7. – Д. 1543.
21. Приказы Министерства автомобильного транспорта БССР. 1970 г. // ГАВО. – Фонд 2923. – Оп. 1. – Д. 393.
22. Записки в исполком Витебского областного Совета депутатов трудящихся. 1971 г. // ГАВО. – Фонд 1966. – Оп. 22. – Д. 960.
23. В местных комитетах и группах // Советская Белоруссия. – 1974. – 21 дек. – С. 2.
24. Свиридович, С. Рейды и проверки / С. Свиридович // Гражданская авиация. – 1976. – № 12. – С. 15.
25. Материалы проверки хода выполнения постановления КНК БССР от 5 июля 1977 г. // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 7. – Д. 1205.
26. Протоколы заседаний партбюро Полоцкого управления нефтепровода «Дружба». 1974 г. // ГАВО. – Фонд 9841. – Оп. 1. – Д. 8.
27. Лешко, Ф. Народный контроль в действии / Ф. Лешко, С. Синельников // Железнодорожник Белоруссии. – 1980. – 8 января. – С. 2.
28. В КНК БССР. Грузам зелёную улицу // Советская Белоруссия. – 1981. – 3 июля. – С. 3.
29. Материалы о результатах проверки. 1987. Витебский областной КНК // ГАВО. – Фонд 3485. – Оп. 3. – Д. 105.
30. Документы о недостатках в использовании энергоресурсов в подразделениях Белорусской железной дороги. 1990 г. // НАРБ. – Фонд 911. – Оп. 8. – Д. 1227.
31. Яскович, В. Грамм – не мелочь / В. Яскович // За безопасность движения. – 1984. – № 1. – С. 4 – 5.
32. Информация и материалы о результатах проверок. 1986 г. Витебский областной КНК // ГАВО. – Фонд 3485. – Оп. 3. – Д. 79.
33. Тарнавский, Г. Заслон поборам / Г. Тарнавский // Советская Белоруссия. – 1988. – 13 января. – С. 2.
34. Рассказова, Т. В небе – только по-ударному / Т. Рассказова // Знамя юности. – 1982. – 13 июля. – С. 1.
35. Акимченко, Е. На втором плане / Е. Акимченко // Народное хозяйство Белоруссии. – 1984. – № 7. – С. 35 – 36.

Поступила 12.10.2011

ACTIVITY OF COMMITTEES OF THE NATIONAL CONTROL BYELORUSSIAN SSR ON PERFECTION FUNCTIONING OF THE ENTERPRISES OF TRANSPORT IN 1966 – 1991 YEARS

R. TIMOFEEV

In given clause the attempt is made to show activity of committees of the national control Byelorussian SSR concerning the enterprises of transport in 1966 – 1991 years. The basic lacks of work of transport of republic were allocated, to correct which it was necessary to committees of the national control. The special attention was given to finding – out of a level of an overall performance of the controllers in relation to this or that problem connected to functioning of the transport enterprises. In clause the wide circle of organizations was marked also which also were engaged in control functions in relation to transport simultaneously with the national controllers.

УДК 372(476+497.1)

**БЕЛОРУССКО-ЮГОСЛАВСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО
НА МЕЖДУНАРОДНОЙ АРЕНЕ****П.В. МАЛАШУК***(Белорусский государственный экономический университет, Бобруйский филиал)*

Статья посвящена проблемному комплексу, который ещё серьёзно не исследовался в исторической литературе. В его содержание входит весь спектр вопросов, относящихся к сотрудничеству Республики Беларусь и Союзной Республики Югославия на международной арене. Автор, введя в научный оборот ряд новых документов и материалов, впервые освоил проблемные поля, связанные с участием официального Минска в многостороннем и двустороннем взаимодействии на предмет выхода из югославского кризиса, обсуждением сторонами идеи создания Союза «Беларусь – Россия – Югославия», подключением структур народной дипломатии двух стран к поиску оптимальных моделей интеграции на постсоциалистическом пространстве в Европе. Анализ сотрудничества Республики Беларусь и Союзной Республики Югославии на международной арене показал, что у обеих сторон была общая заинтересованность в локализации региональных конфликтов, реализации права каждого народа на самоопределение, наполнении реальным содержанием всех аспектов международной безопасности.

Введение. В исторических решениях Четвёртого Всебелорусского Народного Собрания чётко прописана одна из ключевых задач внешней политики белорусского государства – соучастие в формировании новой европейской архитектуры. При этом официальный Минск будет опираться на опыт двусторонних и многосторонних отношений со странами Старого Света.

В русле обращения именно к этому опыту и находится настоящее исследование, цель которого – системная реконструкция сотрудничества Республики Беларусь и Союзной Республики Югославия на международной арене.

Исследовательское поле включает решение следующих задач:

- раскрыть организационно-правовой, концептуальный, практический аспекты белорусско-югославского сотрудничества на международной арене;
- показать основные направления данного сотрудничества;
- выяснить, соответствовало ли анализируемое сотрудничество национальным интересам Республики Беларусь.

Ключевой сегмент источниковой базы исследования составляет массив, впервые вводимый в научный оборот: источники, выявленные нами в Архиве Министерства иностранных дел Республики Беларусь, документы и заявления парламента, Правительства, Президента Республики Беларусь. Войдя в единый комплекс вместе с уже опубликованными источниками, они дали основу для принципиально новых выводов и оценок.

О политике Республики Беларусь в югославском кризисе 1991 – 1998 годов только фрагментарно упоминается в некоторых публикациях. В частности, как реакцию на югославский кризис и бомбардировки НАТО Югославии можно назвать:

- публицистическое издание «Боль моя – Югославия» С. Костяна [1], где «отражены взгляды на югославскую трагедию не только автора, но и официальная позиция Президента Беларуси А. Лукашенко и Правительства республики, славянского мира в целом»;
- статьи: «Косовская битва продолжается» И. Чароты [2]; «Югославский узел» А. Черепанского [3]; «Новый черный передел» И. Антоновича [4]; «Трагедия самоопределения» Б. Лещенко [5], в которых фрагментарно отражена позиция Республики Беларусь по югославскому кризису и затронуты некоторые аспекты двустороннего сотрудничества.

Иные вопросы, входящие в предмет исследования, оказались вне какого-либо освещения в литературе.

Основная часть. Сотрудничество Республики Беларусь и Союзной Республики Югославия на международной арене включало следующие аспекты:

- участие официального Минска в многостороннем и двустороннем взаимодействии на предмет выхода из югославского кризиса;
- обсуждение сторонами идеи создания Союза «Беларусь – Россия – Югославия»;
- подключение структур народной дипломатии к поиску оптимальных моделей интеграции на постсоциалистическом пространстве в Европе.

Главным, стержневым, определяющим среди перечисленных аспектов был первый.

Югославский кризис представлял собой проблемный конфликт, в который были вовлечены как бывшие субъекты югославской федерации, так и ключевые акторы международных отношений. При этом был создан опасный прецедент нарушения принятого ОБСЕ порядка послевоенного устройства Европы и попрания конституционно-правовой системы Югославии.

Как отмечает российский ученый М. Гацко, «при поддержке Северо-Атлантического альянса следует цепная реакция сепаратизма», приведшего к выходу из Югославии Боснии и Герцеговины (1992 г.). «К декабрю 1998 года волна инспирированного сепаратизма захлестнула и историческую колыбель сербского государства – автономный край Косово, населенный преимущественно албанцами» [6, с. 25].

Каждая из конфликтующих сторон стремилась осуществить возведенный в абсолют принцип XIX века «одна территория – одна нация – одно государство». С другой стороны, война шла уже между вновь образовавшимися независимыми государствами за улучшение своего стратегического, военно-политического и экономического положения [7, с. 262]. Но вместо мирного разрешения этнических противоречий страны НАТО пошли в Югославии на силовое решение косовской проблемы. По своим геополитическим последствиям югославский кризис вышел за рамки XX века.

Старт югославского кризиса совпал с качественными изменениями в мировом и европейском масштабе. Вместо глобального равновесия, ключевыми составляющими которого были американская и советская, стала реальностью глобальная монополия США. Германия превратилась из политического карлика в центральноевропейский центр силы, перманентно наращивающий свое присутствие на пост-социалистическом пространстве в Старом Свете. Абсолютное большинство субъектов этого пространства однозначно сориентировалось на Евросоюз, НАТО, четко демонстрируя стремление войти в их состав. Следовательно, терялась актуальность тезиса об одновременном существовании Западной и Восточной Европы как специфических в политико-экономическом отношении регионов. Для формирования принципиально новой европейской архитектуры были задействованы инструментариум ОБСЕ, НАТО. В условиях, когда пространство в Европе, которое невозможно было однозначно оценивать как прозападное, было весьма узким, шансы Белграда на восстановление Югославии в границах 1991 года были практически равны нулю.

Рассмотрим позицию официального Минска на фоне заинтересованности Запада в дезинтеграции Югославии. В 1992 году Республика Беларусь стала участником Хельсинкского процесса, подписав Заключительный акт Общеευропейского совещания по вопросам сотрудничества и безопасности в Европе и Парижскую хартию для новой Европы. Этот акт совпал с включением СБСЕ (ОБСЕ) в процесс поисков мирного выхода из югославского кризиса. Активное участие Беларуси уже на старте ее включения в Хельсинкский процесс могло бы способствовать профилированию страны в европейском интерьере как страны, заинтересованной в локализации региональных конфликтов, доведения их до мирной развязки. Однако белорусский МИД не использовал этот благоприятный шанс. Будучи членом ООН, Беларусь не давала принципиальную оценку миссии экс-главы государственного департамента США С. Вэнса, которая строилась без учета национальных интересов Югославии. Хотя в это время во многих европейских столицах предметно обсуждались итоги переговоров С. Вэнса в Боснии и Герцеговине, Сербии и Хорватии, ход подготовки к отправке войск ООН по поддержанию мира в этих республиках. Данная линия стала обретать реальные очертания, как отмечает российский историк М. Юсин, после того, как в «августе 1991 года началось наступление югославской армии с целью отторжения у Хорватии Сербской Краины». «К зиме (1992 г. – П. М.) сербы захватили почти все территории, которые намечали... В апреле 1992 года ... война охватила Боснию и Герцеговину. На стороне местных сербов, составлявших чуть более 30 % населения, в схватку с мусульманами (42 %) и хорватами (17 %) вступили дислоцированные в республике части югославской армии» [8].

С самого начала боснийского кризиса международное сообщество настойчиво искало пути мирного урегулирования в данном регионе. Конфликтующим сторонам было предложено несколько планов мирного урегулирования, разработанных международными посредниками, в которых делалась попытка по возможности учесть интересы этнических общин. Однако все они были отвергнуты той или иной из сторон. Как считает российская исследовательница Н. Арбатова, «на этом этапе Запад и Россия могли предотвратить насилие в Югославии, сформулировав четкие принципы для самоопределения и выдвинув необходимые предварительные условия признания новых государств» [9, с. 47].

Принципиально важно отметить, что до избрания первого Президента Республики Беларусь официальный Минск не формулировал четкую позицию в отношении Международной конференции по бывшей Югославии (МКБЮ). Эта структура стала реальностью международной жизни в сентябре 1992 года. Главное функциональное назначение МКБЮ состояло в координации усилий на предмет выхода из югославского кризиса. Разумеется, ядром настоящей структуры был координационный комитет. Вполне логичным представлялось то обстоятельство, что статус сопредседателей в нем имели представители ООН, ЕС.

Не было реакции Республики Беларусь и на появление Международной Контактной группы (КГ) по Боснии и Герцеговине. В КГ своих дипломатов делегировали Москва, Вашингтон, Берлин, Париж, Лондон. Главное её детище – договорная база дейтонского процесса – приобрело реальные очертания к середине 1991 года. Дейтонский процесс в конечном итоге привел к одноименному договору.

Оценивая позицию Беларуси в югославском кризисе, сложилось мнение, что Минск действовал с оглядкой на Россию, которая осуществляла свою политику на Балканах по западному сценарию. К тому же, как отмечает белорусский историк А. Сальков, «в обстановке рухнувшей системы биполярного мира Россия оказалась в значительной мере отстраненной от решения балканской проблемы, не выработала в первой половине 1990-х годов самостоятельной линии поведения, косвенно поддержала Декларацию о Югославии, принятую ЕС в Брюсселе 17 декабря 1991 года, присоединилась к экономическим санкциям против СРЮ» [10, с. 311]. «До осени 1994 года Россия поддержала все прозападные резолюции Совета Безопасности за одним исключением – когда в апреле 1993 года воздержалась от голосования по санкциям против Югославии. Согласившись покорно следовать позиции США и ЕС в югославском кризисе, Россия полностью разделяет с Западом ответственность за его развитие», – считает Н. Арбатова [9, с. 49].

В январе 1995 года группа депутатов Верховного Совета Республики Беларусь (Е. Бочаров, В. Павлов) и Федерального собрания России по приглашению Президента Республики Сербской Р. Караджича посетила СРЮ. Состоялись встречи с государственными и политическими лидерами страны, депутаты побывали на линии разграничения противоборствующих сторон – в расположении российского батальона миротворческих сил ООН в г. Сараево, провели ряд переговоров и консультаций. В официальном заключении по итогам поездки, направленном Президенту Республики Беларусь А. Лукашенко и Председателю Верховного Совета М. Грибу, они отмечали, что «все санкции, начиная с тех, которые были введены на основе резолюции Совета Безопасности ООН № 820, принятой 17 апреля 1993 года, должны быть незамедлительно отменены», и предлагали активизировать усилия Республики Беларусь в Совете Безопасности ООН по снятию этих санкций. В заключении также говорилось, что «развитие событий на Балканах показало преждевременность дипломатического признания со стороны международного сообщества независимости Боснии и Герцеговины». Причем белорусские депутаты считали, что «исправить ошибку» можно, только признав право боснийских сербов на создание самостоятельного государства либо государственного образования в рамках конфедерации или федерации с Союзной Республикой Югославия (СРЮ). Характеризуя деятельность белорусского внешнеполитического ведомства, депутаты Верховного Совета Беларуси подчеркивали, что «белорусская дипломатия не смогла себя проявить в урегулировании кризиса на Балканах» [11].

Между тем Дейтонский процесс был доведен до логического завершения, которое никак не соотносилось с вышеизложенным предложением белорусских парламентариев. Вначале, 21 ноября 1995 года, близ города Дейтона (США) были парафированы соответствующие документы. Ключевыми среди них были общее рамочное соглашение о мире в Боснии и Герцеговине, карты территориального размежевания. Эти документы были подписаны представителями трех сторон. Союзная Республика Югославия и сербы Боснии выступили единой делегацией. Ее возглавил Президент Сербии С. Милошевич. Второй стороной явился Президент Хорватии Ф. Туджман, третьей – Президент Боснии и Герцеговины А. Изетбегович. Затем 14 декабря 1995 года в Париже был подписан мирный договор.

Официальная цель дейтонских документов – прекратить войну на территории Боснии и Герцеговины, определить ее государственно-политический статус. В них также решался вопрос о снятии санкций Совета Безопасности ООН в отношении субъектов бывшей СФРЮ. Все они начиная с 1991 года были по всем позициям исключены из числа потенциальных объектов военных поставок. Та же судьба ждала экономические санкции, которые действовали в отношении СРЮ в 1992 – 1995 годах, а для сербов Боснии – в 1994 – 1995 годах. Именно снятие санкций являлось главным аргументом, побудившим С. Милошевича участвовать в подписании Дейтонских соглашений. Белорусский историк М. Довгялло отмечает: «Для сербов Дейтонские соглашения означают то же самое, что Брестский мир для русских и Версаль – для немцев. Ситуация эта осознана как геополитическое и национальное поражение. Лишения, которые Югославия терпела все четыре года экономических санкций, оказались напрасными» [12, с. 113]. По существу ключевые игроки на мировой политической сцене: США, Германия и некоторые другие – удовлетворяли исключительно свои геополитические интересы, лоббировали интересы своих бизнес-элит.

Таким образом, политика Беларуси в югославском кризисе в 1991 – 1998 годах прошла в своем развитии два этапа. Первый этап (1991 – 1994 гг.) отмечен отсутствием четкой конкретной позиции. На втором этапе (1994 – 1998 гг.) ясно обозначилась конструктивная позиция белорусского руководства по вопросу о путях мирного урегулирования ситуации на территории бывшей СФРЮ. Республика Беларусь последовательно выступала на международной арене за мирное решение югославского конфликта.

Конструктивность, отличавшая позицию центральных органов государственной власти Республики Беларусь в югославском конфликте в 1994 – 1998 годах, получила дальнейшее развитие в период косовского кризиса.

Косовский кризис генетически связан с теми проблемами, которые имели место в социалистической Югославии. Речь идет о судьбе автономного края Косово и Метохии. Косово впервые упоминается в XII веке как регион, заселенный славянами-сербам. Он составлял ядро раннефеодального сербского государства и, естественно, является исконной сербской территорией. Такой аргумент приводили сербы в споре с косовскими албанцами. Последние, напротив, считали Косово и Метохию исключительно албанской территорией и видели будущее этой территории либо в составе Албании, либо в качестве независимого государства. Именно по вине албанских сепаратистов, которые с 1981 года стали насильственно вытеснять сербов из Косово и Метохии, в крае были напряженные отношения между албанцами и сербами. Как отмечает российский ученый Л. Тягуненко, «численность албанцев последние 30 лет постоянно увеличивалась: в 1998 году она составила 917 тыс. человек, или 66 % всего населения края... В этой небольшой провинции также жили 72 тыс. мусульман-боснийцев, 21 тыс. турок и 97 тыс. цыган» [13, с. 36].

Официальный Белград неоднократно демонстрировал готовность к цивилизованному разрешению межнационального конфликта. Была реальностью мощная поддержка экономики в крае. Властные структуры целенаправленно занимались улучшением качества жизни этнических албанцев. Несмотря на подобные усилия официального Белграда прослеживалась эскалация напряженности, приобрел реальные очертания режим чрезвычайного положения. Ситуация в крае не изменилась и после провозглашения СРЮ. При этом добавился крайне неблагоприятный для Белграда внешний фактор – однозначная поддержка претензий албанцев со стороны Запада.

До декабря 1998 года ситуация в Косово не доходила до критической точки. Когда 1998 год близился к своему завершению, в крае наступил пик сепаратистских настроений. К сожалению, в решении косовской проблемы Запад использовал печально известный дейтонский опыт. Об этом свидетельствовал соответствующий переговорный процесс. Его первый и второй раунды проходили во Франции соответственно в феврале 1999 года в Рамбуйе (предместье Парижа) и в марте 1999 года в Париже.

Западная схема предусматривала согласие Белграда с главной, определяющей ролью НАТО во всех аспектах урегулирования ситуации в Косово, что автоматически вело к десоверенизации югославского государства в его подходе к косовской проблеме. Поэтому официальный ответ СРЮ представлялся вполне логичным. Однако у США и НАТО была своя логика. Уверенные в том, что СРЮ изначально не желала принять за основу «элементы широкой автономии», и «обвинив ее в срыве переговоров», они в ночь с 24 на 25 марта начали агрессию против этой страны, которая, исходя из своих национальных интересов, вышла из переговорного процесса [14, с. 47, 49].

Беларусь поддерживала югославский народ на всех этапах косовского кризиса. Свою внешнюю политику по отношению к событиям в Югославии Республика Беларусь координировала с Российской Федерацией. В апреле 1999 года А. Лукашенко отмечал, что «в отношении Югославии Беларусь будет действовать, скоординировав свою политику с Российской Федерацией. И если в этом плане будут приняты какие-то меры, то они будут совместными» [15]. Беларусь последовательно отстаивала тезис о том, что применение силы в югославском конфликте не является залогом его успешного разрешения, выступала за его мирное решение, восстановление членства СРЮ в ООН и других международных организациях. Выступая 2 октября 1997 года в общеполитической дискуссии на 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, министр иностранных дел Республики Беларусь И. Антонович подчеркивал: «Мы убеждены, что прочный мир в бывшей Югославии возможен лишь при условии отказа от насилия, урегулирования противоборствующими сторонами своих противоречий мирными средствами путем переговоров. Республика Беларусь предлагает Генеральной Ассамблее ООН предоставить Союзной Республике Югославии как одному из государств-учредителей возможность возобновить свое участие в работе Генеральной Ассамблеи и других органов Организации Объединенных Наций» [16, с. 69].

Позиция Республики Беларусь по поводу решения межгосударственных и внутригосударственных конфликтов была однозначна, «все серьезные проблемы, которые стоят сегодня перед человечеством, должны решаться не силовыми методами, а путем убеждения и совместными действиями мирового сообщества». Эту принципиальную позицию нашей страны вновь озвучил И. Антонович, выступая 30 сентября 1998 года на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в Нью-Йорке. Он отмечал, что «принципы мирного разрешения споров и невмешательства во внутренние дела должны строго соблюдаться, приводя примирение в региональные и внутренние конфликты... Правительству и народу Беларуси сложно понять, почему в некоторых странах публично обсуждается идея военного удара по суверенному государству Югославии только потому, что оно пожелало решить внутренние проблемы, пусть и действительно сложные, по-своему, а не по рецептам, навязанным извне» [17, с. 62 – 63].

В рамках участия в работе 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 29 сентября 1998 года в Нью-Йорке И. Антонович встретился с министром иностранных дел СРЮ Ж. Йовановичем. Во время встречи они обсудили ситуацию, складывающуюся вокруг Косово и Метохии, позиции Югославии и Беларуси по данному вопросу, а также развитие последних событий в этом регионе. Позицию Беларуси по восстановлению полноправного членства Югославии в ООН Ж. Йованович оценил высоко. Отмечено единство позиций двух стран по Косовскому кризису [18, л. 172].

О том, что Беларусь в соответствии с подписанным с Югославией договором готова оказать этой стране «всяческую помощь», решительно заявил 6 октября 1998 года Президент Республики Беларусь А. Лукашенко, отметив при этом, что позиции Беларуси и России в решении косовского конфликта практически совпадают [19]. Эта же позиция была подтверждена Президентом Республики Беларусь во время посещения Могилевской области 9 октября 1998 года: «Беларусь готова предоставить СРЮ необходимую помощь» [20].

С осуждением готовящейся агрессии выступили депутаты Национального собрания Республики Беларусь. Заявление Палаты представителей Национального собрания Беларуси о ситуации вокруг СРЮ от 8 октября 1998 года было передано в Совет Безопасности и Генеральному секретарю ООН для рассмотрения в качестве официальных документов Совета Безопасности и 53-й сессии Генассамблеи ООН [21, л. 122].

Белорусский МИД призвал страны НАТО отказаться от военного вмешательства. В его Заявлении 14 октября 1998 года отмечалось, что «применение силы в отношении суверенного государства без санкции Совета Безопасности ООН является грубейшим нарушением Устава ООН, противоречит основополагающим правовым принципам международных отношений и подрывает систему безопасности и доверия на европейском континенте». «Военное вмешательство НАТО во внутрисударственный конфликт не только не устраняет его причины, а напротив, углубляет противостояние сторон в Косово» [22, л. 123].

Президент Республики Беларусь 20 февраля 1999 года выступил с Заявлением о развитии ситуации вокруг Косово. «Республика Беларусь внимательным образом следит за развитием ситуации вокруг конфликта в Косово и на переговорах в Рамбуйе по вопросам его урегулирования. Главное в настоящее время – это сохранить переговорный процесс и не допустить каких-либо действий, способных поставить его под угрозу... Республика Беларусь вновь подтверждает незыблемость своей позиции относительно урегулирования косовского конфликта, которое должно базироваться на безоговорочном соблюдении суверенитета Югославии, ее территориальной целостности и принципа неприменения силы» [23, с. 26 – 27].

В связи с началом военной акции НАТО против СРЮ 24 марта 1999 года А. Лукашенко вновь выступил с Заявлением о развитии ситуации вокруг Югославии, которое было воспринято в Югославии как мощный психологический фактор моральной поддержки. «Республика Беларусь, – говорилось в Заявлении, – с глубокой тревогой восприняла решение руководства НАТО о применении военной силы против суверенной Югославии. Стремление прибегнуть к крайним и наиболее контрпродуктивным мерам при разрешении кризисной ситуации свидетельствует о нежелании Североатлантического альянса использовать все имеющиеся средства для мирного разрешения внутриягославского конфликта, что может вызывать лишь осуждение мировой общественности» [24, с. 27]. Беларусь последовательно выступала против применения силы в конфликте, высказывалась против вооруженного участия в нем третьих стран.

Несмотря на решительные протесты Беларуси и России, в ночь с 24 на 25 марта 1999 года в центре Европы началась война. Агрессия НАТО под кодовым названием «Союзническая сила» разразилась; 19 самых развитых стран современного мира вели 78 дней (с 24 марта по 8 июня 1999 г.) войну против 10 млн. жителей Югославии. В качестве основания для применения силы было названо стремление предотвратить гуманитарную катастрофу, вызванную якобы политикой геноцида, проводимой властями СРЮ по отношению к этническим албанцам. Еще в декабре 1998 года была сформирована специальная группа медицинских экспертов-патологоанатомов (*Ad hoc*) с целью расследования преступлений против мирного населения в Косово и Метохии. В ее состав от Беларуси вошли заместитель Главного государственного судебно-медицинского эксперта Республики Беларусь В. Кузмичев и заведующий центральной медико-криминалистической лабораторией Главного бюро Государственной службы судебно-медицинской экспертизы Республики Беларусь О. Левкович. В составе международной группы были представители России, Финляндии, Китая и других стран [22, л. 151]. Никаких серьезных доказательств геноцида международные эксперты не обнаружили. Белорусские специалисты (10 человек) работали в Косово и в качестве наблюдателей миссии ОБСЕ [22, л. 28].

Как считает российский аналитик, член-корреспондент РАН В. Волков, «действия НАТО, принятые без санкции Совета Безопасности ООН, нарушали все нормы международного права. В первую очередь это касается определения агрессии, содержащегося в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН,

принятой 14 декабря 1974 года. Действиями НАТО все пункты этой важнейшей резолюции были перечеркнуты» [25, с. 76 – 77]. «Готовя военную акцию против Югославии, НАТО и США решали в основном собственные проблемы. Их действия мотивировались отнюдь не заботой о косовских албанцах. Важную роль в развязывании вооруженной акции сыграли геополитические, идеологические, психологические и даже личностные моменты, повлиявшие на позиции ведущих стран НАТО в отношении Белграда» [26, с. 29]. Активное вмешательство США в конфликт на Балканах объясняется прежде всего геостратегическими интересами Вашингтона в данном регионе. США и их союзникам по НАТО удалось значительно усилить свое влияние и распространить его на большинство стран региона.

Беларусь не могла безучастно наблюдать за развернувшейся трагедией. Она последовательно выступала за максимальное использование возможностей ООН для разрешения анализируемого проблемного комплекса. Официальный Минск был удовлетворен тем, что войну против Югославии удалось остановить, а проблему Косово вновь поставить на основу политического урегулирования в рамках ООН. В соответствии с Резолюцией 1244 Совета Безопасности ООН от 10 июня 1999 года в Косово пришли миротворцы с тем, чтобы «гарантировать в сербском крае многоэтнический мир» [14, с. 49 – 50].

Беларусь поддержала народ Сербии и Черногории и во время существования политических и экономических санкций, и в период натовских бомбардировок. «Особо следует подчеркнуть, ... что Беларусь – одна из немногих стран мира, которая выступила в ООН против введения санкций в отношении Югославии. Для нас в это время была очень важна эта политическая и моральная поддержка», – отмечал Н. Пеякович, первый Посол СРЮ в Республике Беларусь [27]. Заявление Президента Республики Беларусь А. Лукашенко от 24 марта 1999 года в связи с началом бомбардировок НАТО Югославии было размещено на первых страницах всех центральных югославских газет и передавалось по всем каналам национального телевидения СРЮ [22, л. 73; 28]. В нем говорилось: «Игнорирование мнения ряда государств и усилий, предпринимаемых международными организациями для решения косовской проблемы ненасильственным путем, является грубым вызовом общепризнанным нормам и ставит под угрозу функционирование всей системы международной безопасности. В очередной раз Республика Беларусь заявляет, что применение военной угрозы против СРЮ, ввод на ее территорию любых иностранных вооруженных формирований вопреки желанию правительства Югославии является откровенным актом агрессии, возлагающим на агрессора всю тяжесть ответственности за ее последствия. Республика Беларусь полностью поддерживает позицию Российской Федерации по косовской проблеме. Лишь неукоснительное и безоговорочное следование принципам соблюдения суверенитета Югославии, ее территориальной целостности и неприменения силы способно явиться гарантом прочного и долговременного мира в этом регионе. Республика Беларусь призывает к незамедлительному созыву экстренного заседания Совета Безопасности ООН и международному осуждению применения военной силы в отношении суверенного государства» [24]. В те дни сотрудники белорусского посольства в Белграде ежедневно получали многочисленные письма с откликами, принимали сотни телеграмм с разных концов Югославии. «Мы не могли предположить, – писали граждане Сербии, – что существует народ и Президент государства, которые первыми однозначно высказались в поддержку братьев-славян» [22, л. 73].

Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь в своем постановлении 24 марта 1999 года решительно осудила агрессию НАТО против Союзной Республики Югославии; со вторым Заявлением выступил Президент Республики Беларусь. «Начало боевых действий вооруженных сил НАТО против Союзной Республики Югославия, – говорится в Заявлении, – является неприкрытым актом агрессии, грубо попирающим основные принципы мирового правопорядка. Республика Беларусь требует незамедлительного прекращения военных действий против СРЮ и настаивает на экстренном заседании Совета Безопасности ООН» [24].

С осуждением агрессии НАТО 25 марта 1999 года выступили депутаты Национального собрания Республики Беларусь. Совет Республики Национального собрания Республики Беларусь обратился к парламентариям и международным организациям в связи с агрессией НАТО в Югославии.

25 марта 1999 года было принято Обращение Парламентского собрания Союза Беларуси и России к парламентам стран мира в связи с военной интервенцией НАТО против Союзной Республики Югославия: «Парламентское собрание Союза Беларуси и России расценивает несанкционированные Советом Безопасности ООН бомбардировки и другие виды вмешательства со стороны стран НАТО как прямую и неприкрытую агрессию против Союзной Республики Югославия – суверенного государства, члена и основателя ООН. В эти тревожные дни, – говорится в Обращении, – Парламентское собрание обращается к парламентам всего мира осознать свою ответственность за опасное развитие событий не только для дела мира в Европе, но и для всей планеты, потребовать от своих правительств активно включиться в процесс мирного разрешения косовского кризиса» [29].

Республика Беларусь совместно с Российской Федерацией и Индией внесла на рассмотрение Совета Безопасности ООН 26 марта 1999 года проект резолюции, в которой отмечалась глубокая оза-

боченность тем, что «Организация Североатлантического договора (НАТО) применила военную силу против Союзной Республики Югославия, что такое одностороннее применение силы представляет собой грубое нарушение Устава Организации Объединенных Наций». В проекте резолюции подтверждалась приверженность стран суверенитету и территориальной целостности СРЮ и содержалось требование «незамедлительного прекращения применения силы против Союзной Республики Югославии и срочного возобновления переговоров» [30].

При обсуждении вопроса об агрессии НАТО против Югославии однозначно ее осудили только Китай, Индия, Россия и Беларусь. «Все остальные участники в витиеватых и заумных фразах только робко намекали на то, что они против военной силы, но никто из них не решил высказаться против США», – отмечал министр иностранных дел Республики Беларусь И. Антонович в статье «Новый черныи передел» [4, с. 8].

С осуждением агрессии НАТО на экстренном заседании Совета Безопасности выступил постоянный представитель Республики Беларусь в ООН А. Сычев. Минск заморозил отношения с НАТО и отозвал из Брюсселя своих представителей. Руководство республики приняло решение приостановить деятельность Постоянного представительства Беларуси при Организации Североатлантического договора в рамках программы «Партнерство ради мира», а также двусторонние военные контакты с США и другими странами НАТО [31]. Также осудили агрессию многочисленные общественные организации [32; 33].

По нашему мнению, позицию Республики Беларусь в косовском кризисе следует оценить как политически целесообразную и корректную в правовом плане. Задолго до начала натовских бомбардировок Беларусь активно участвовала в процессе политического и дипломатического урегулирования кризиса. Республика Беларусь поддержала СРЮ дипломатическими средствами. Совместно с Россией и Индией подготовила и внесла на рассмотрение СБ ООН проект резолюции, призывающей к прекращению боевых действий в Югославии, поддержала предложение о присоединении СРЮ к Союзу Беларуси и России.

В связи с событиями в Югославии предметом серьезного и заинтересованного обсуждения в Республике Беларусь, Российской Федерации и Союзной Республике Югославия стала идея создания Союза «Беларусь – Россия – Югославия». Кризис в Югославии, 78-дневная бомбардировка НАТО этой страны вновь всколыхнули тему славянского единства.

Распад системы социализма подвел к новому этапу движения за славянское единство. VII Всеславянский съезд прошел в Праге с 2 по 5 июня 1998 года и был созван в честь 150-летия со дня проведения первого съезда. В работе съезда принимало участие 500 делегатов 16 славянских национальностей из 12 славянских государств. Беларусь представляли 10 делегатов. Съезд приветствовали Патриарх Московский и Всея Руси Алексей II и Папа Римский Иоанн Павел II, государственные деятели славянских государств. Главный итог съезда – в его решениях. Принципиальные по основным международным проблемам позиции делегатов были прописаны в Обращении к президентам и парламентам славянских государств, Заявлении в защиту Югославии, Заявлении против расширения НАТО. Были также решены организационные вопросы. Возникли принципиально новые структуры: Международный славянский комитет (МСК), оргкомитет по созданию Славянского парламентского Союза. Именно настоящий форум придал отечественной газете «Славянский набат» статус печатного органа МСК. Признавая чрезвычайно важную роль Беларуси в славянском единении, съезд избрал А. Лукашенко почетным председателем МСК.

На съезде был создан Международный славянский комитет, почетным председателем которого избран Президент Республики Беларусь А. Лукашенко, а также оргкомитет по созданию Славянского парламентского Союза. Белорусская газета «Славянский набат» была признана печатным органом Международного славянского комитета.

«В развитие решений состоялся чрезвычайный съезд Международного союза общественных объединений “Всеславянский Собор”. На съезде был обсужден один вопрос: “Агрессия НАТО на Балканах – новый исторический вызов славянскому сообществу”. Главной задачей съезда была защита Югославии от агрессии НАТО, укрепление братского единства славянских народов» [1, с. 23 – 24].

В этот сложный для югославянских народов период была инициирована идея создания панславянского союза Беларуси, России и Югославии. Лидеры Беларуси и СРЮ постоянно подчеркивали необходимость единения всех славянских государств. Югославская сторона позитивно оценила факт создания Союза Беларуси и России, рассматривая его как начало объединения славян. Инициатива создания «союза трех» в большей степени исходила от официального Белграда, особенно той части политического руководства СРЮ, которая придерживалась радикальных, националистических взглядов.

В связи с обсуждением вопроса о присоединении Югославии к Союзу Беларуси и России между Б. Ельциным и А. Лукашенко была достигнута договоренность о том, что А. Лукашенко как глава Высшего Совета Союза Беларуси и России, 14 апреля 1999 года с двухдневным (но в ходе поездки сокращенным

до одного дня) рабочим визитом вылетит в Белград. На переговорах с югославским руководством А. Лукашенко представлял согласованную позицию Беларуси и России. Глава белорусского государства заявил, что «целью его поездки является прекращение балканского конфликта» [34, с. 13].

Югославский парламент 12 апреля 1999 года одобрил инициативу присоединения Югославии к союзу Беларуси и России. Постановление было принято подавляющим числом депутатов обеих палат Скупщины при шести воздержавшихся. Решение Скупщины Югославии вызвало волну откликов и комментариев как в России, так и за рубежом. Но некоторые политики делали оговорки, а иные высказывались категорически против. Подавляющим большинством (293 депутата проголосовали «за», против – 54, при одном воздержавшемся) Государственная Дума Российской Федерации приветствовала желание своих югославских коллег и приняла 16 апреля 1999 года Постановление «О присоединении СРЮ к Союзу Беларуси и России» [35]. Аналогичное решение, во многом дублировавшее Постановление Государственной Думы и состоявшее из четырех пунктов, 5 мая 1999 года приняла Палата представителей Национального собрания Республики Беларусь [36].

Противниками идеи нового панславянского союза в Беларуси выступили Консервативно-христианская партия Белорусского народного фронта, партия Белорусского народного фронта, Объединенная гражданская партия, Белорусская социал-демократическая громада. Женское христианско-демократическое движение Беларуси выступило со специальным заявлением «Матери против союза»: «... Особенно опасным нам видится вовлечение Беларуси в Балканский конфликт... Беларусь втягивается в опасный альянс с воюющей страной. Мы выступаем решительно против политической авантюры – союза Беларуси, России и Югославии» [37].

Представители югославской оппозиции В. Дражкович, З. Джинджич, В. Коштуница об идее присоединения высказались еще более определенно: «С. Милошевичу нужен не союз с Россией, а разговоры о нем. С одной стороны, чтобы подразнить Запад и добиться его благосклонности. А с другой – чтобы убедить сербов в приверженности славянскому братству в то время, когда Белград сдает Западу одну позицию за другой». Они называли этот геополитический проект, как отмечает сербский аналитик Н. Крстич, «бессмысленной идеей», «научно-фантастическим проектом» [38; 39, с. 49].

Идея создания Союза «Беларусь – Россия – Югославия» в силу сложных международных реалий, наличия сильной внутрироссийской оппозиции осталась эпизодом в новейшей истории Восточной Европы. 19 декабря 1999 года был избран новый состав Государственной Думы Российской Федерации, и сторонники этой идеи остались в явном меньшинстве. После президентских и парламентских выборов в СРЮ 2000 года они утратили ключевые позиции в политической жизни Югославии.

Само предложение об интеграции Беларуси, России и Югославии в рамках славянского союза – это прежде всего мощный пропагандистский и политический ход. Югославия в весьма незначительной степени подходила на роль третьей составной части конфедеративного Союза. Своим сближением с Москвой и Минском Белград стремился решить собственные внешнеполитические проблемы. В этот период правильнее было бы говорить о союзнических отношениях между Республикой Беларусь, Российской Федерацией и Союзной Республикой Югославия, чем о каком-либо тесном объединении.

Таким образом, во второй половине 1990-х годов велись активные проработки идеи создания Союза Беларуси, России, Югославии. Однако организационно-правовой и практический аспекты данного союза не приобрели реальные очертания. Эта идея в силу сложных международных реалий, наличия сильной внутрироссийской оппозиции осталась эпизодом в новейшей истории Восточной Европы.

Заключение. Анализ сотрудничества Республики Беларусь и СРЮ на международной арене показывает, что у обеих сторон была общая заинтересованность в локализации региональных конфликтов, в реализации права каждого народа на самоопределение, в наполнении реальным содержанием всех аспектов международной безопасности. Для осуществления настоящей заинтересованности они стремились реализовать свой потенциал, т.е. потенциал средних государств. Именно отсутствие этой заинтересованности у ключевых игроков на мировой политической сцене предопределяло и предопределяет хрупкость и нестабильность современного мира, наличие в нем застарелых очагов напряженности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Костян, С.И. Боль моя – Югославия! / С.И. Костян. – Мозырь: Укрупн. тип., 2000. – 125 с.
2. Косовская битва продолжается / сост., подготовка материалов, пер. И. Чароты. – Минск: Православное братство во имя Архистратига Михаила, 2000. – 130 с.
3. Черепанский, А. Югославский узел [Политический аспект] / А. Черепанский // Беларуская думка. – 1996. – № 7. – С. 126 – 134.
4. Антонович, И. Новый черный передел [Воен. действия НАТО против Югославии] / И. Антонович // Беларус. думка. – 1999. – № 8. – С. 4 – 12.

5. Лещенко, Б. Трагедия самоопределения / Б. Лещенко // *Беларуская думка*. – 1999. – № 6. – С. 144 – 150.
6. Гацко, М. Югославский кризис: истоки и современность / М. Гацко // *Обозреватель*. – 2000. – № 6. – С. 23 – 25.
7. Романенко, С.А. Югославия: кризис, распад, образование независимых государств / С.А. Романенко. – М., 2000. – 500 с.
8. Юсин, М. Хроника десяти лет балканского конфликта / М. Юсин // *Известия*. – 1999. – 16 апр. – С. 7.
9. Арбатова, Н. Уроки Югославии для России и Запада / Н. Арбатова // *Мировая экономика и международные отношения*. – 1995. – № 2. – С. 45 – 57.
10. Сальков, А.П. Этногражданская война в Югославии / А.П. Сальков // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II усебеларус. канф. гісторыкаў*; Беларус. дзярж. ун-т. – Минск: БДУ, 1999. – С. 309 – 311.
11. Калинкина, С. Где дорога на Балканы? / С. Калинкина // *Сов. Белоруссия*. – 1995. – 7 февр. – С. 3.
12. Довгялло, М.С. Политический кризис в Сербии / М.С. Довгялло // *Гістарычная навука і гістарычная адукацыя ў Рэспубліцы Беларусь: стан і перспектывы развіцця: матэрыялы II усебеларус. канф. гісторыкаў* / Бел. дзярж. ун-т. – Минск: БДУ, 1999. – С. 313 – 315.
13. Тягуненко, Л.В. Союзная Республика Югославия на рубеже XXI века / Л.В. Тягуненко // *Новая и новейшая история*. – 2001. – № 3. – С. 28 – 45.
14. Гуськова, Е.Ю. Кризис в Косове. История и современность / Е.Ю. Гуськова // *Новая и новейшая история*. – 1998. – № 5. – С. 49 – 50.
15. Класковская, Л. Минск готов предложить ряд инициатив по урегулированию конфликта на Балканах / Л. Класковская // *Сов. Белоруссия*. – 1999. – 6 апр. – С. 1.
16. Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь И.И. Антоновича в общеполитической дискуссии на 52-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 2 октября 1997 г. // *Респ. Беларусь. Вестн. М-ва иностр. дел Респ. Беларусь*. – 1997. – № 2. – С. 67 – 69.
17. Выступление министра иностранных дел Республики Беларусь И.И. Антоновича в общеполитической дискуссии на 53-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН 30 сентября 1998 г. // *Респ. Беларусь. Вестн. М-ва иностр. дел Респ. Беларусь*. – 1998. – № 4. – С. 62 – 64.
18. Архив М-ва иностранных дел Респ. Беларусь (МИД РБ). – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1976. Документы о двусторонних отношениях Республики Беларусь с государствами югославского региона (соглашения, информация, запись бесед и др.). – 1998.
19. Хорошко, В. Беларусь поможет Югославии / В. Хорошко // *Нар. газета*. – 1998. – 7 кастр. – С. 1.
20. Беларусь не оставит Югославию наедине с опасностью // *Сов. Белоруссия*. – 1998. – 14 окт. – С. 1.
21. Архив (МИД РБ). – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1980. Документы о двусторонних отношениях Республики Беларусь с государствами югославского региона (соглашения, информация, запись бесед и др.). – 1998.
22. Архив МИД РБ. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 1978. Документы о двусторонних отношениях Республики Беларусь с государствами югославского региона (соглашения, информация, запись бесед и др.). – 1998.
23. Заявление Президента Респ. Беларусь от 20 февраля 1999 г. о развитии ситуации вокруг Косово // *Республика Беларусь. Вестн. М-ва иностр. дел Респ. Беларусь*. – 1999. – № 1. – С. 26 – 27.
24. Заявление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко от 24 марта 1999 г. о развитии ситуации вокруг Югославии // *Респ. Беларусь. Вестн. М-ва иностр. дел Респ. Беларусь*. – 1999. – № 1. – С. 27 – 28.
25. Волков, В. Многострадальный регион / В. Волков // *Современная Европа*. – 2004. – № 4. – С. 75 – 93.
26. Морозов, Ю.В. Балканы сегодня и завтра: военно-политические аспекты миротворчества / Ю.В. Морозов, В.В. Глушков, А.А. Шаравин. – М., 2001. – 376 с.
27. Пеякович, Н. Инфляция невелика, жизненный уровень – нормальный: [Беседа с Чрезвычайным и Полномочным Послом Союзной Республики Югославия в Республике Беларусь] / Н. Пеякович // *Вечерний Минск*. – 1998. – 18 март. – С. 4.
28. Архив МИД РБ. – Фонд 907. – Оп. 2. – Д. 995. – Л. 24 – 25. Документы о двусторонних отношениях Республики Беларусь с государствами югославского региона (соглашения, информация, запись бесед и др.). – 1996.
29. Обращение Парламентского собрания Союза Беларуси и России к парламентам стран мира в связи с военной интервенцией НАТО против Союзной Республики Югославия. 25 марта 1999 г. // *Сов. Белоруссия*. – 1999. – 26 марта. – С. 3.
30. Документы ООН S/1999/328.
31. Беларусь пытается влиять на НАТО // *Белорус. дел. газета*. – 1999. – 5 апр. – С. 3.

32. Реакция на бомбардировки Югославии категорична: остановить агрессию! // Сов. Белоруссия. – 1999. – 26 март. – С. 3.
33. Денисенко, Е. Требования остаются прежними: остановить агрессию / Е. Денисенко // Сов. Белоруссия. – 1999. – 30 март. – С. 3.
34. Визит Президента Республики Беларусь в Союзную Республику Югославия // Республика Беларусь. Вестн. Министерства иностранных дел Респ. Беларусь. – 1999. – № 2. – С. 13.
35. Стенограмма пленарного заседания Государственной Думы Российской Федерации 16 апр. 1999 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.akdi.ru/GD/plen_z/1999/s16-04_d.htm.
36. Постановление Палаты представителей Национального Собрания Республики Беларусь. 5 мая 1999 г. № 889-П/VII. – О решении Союзной Скупщины Союзной Республики Югославия о присоединении Союзной Республики Югославия к Союзу Беларуси и России // Нац. реестр правовых актов Респ. Беларусь. – 1999. – № 37. – Ст. 2094.
37. Женское христианско-демократическое движение Беларуси против войны и Союза // Бел. дел. газ. – 1999. – 5 мая. – С. 1.
38. Крстич, М. Небойша. О Савезу Русије, Белорусије и Југославије / Небойша М. Крстич // Збиља-Reality. Београд. – 2000. – Септембар – октобар. – С. 30.
39. Ніклевіч, К. Югаславы [Пра паліт. апанентаў Прэзідэнта Югаславіі С. Мілошавіча – З. Джынджыча, В. Драшкавіча і др.] / К. Ніклевіч // Эпоха. – 1999. – № 3. – С. 48 – 50.

Поступила 04.02.2011

INTERNATIONAL ARENA BELARUS – YUGOSLAVIA COOPERATION

P. MALASHUK

The given article is devoted to the problem complex never investigated in any historical literature. All range of problems relating to the international arena Belarus – Yugoslavia cooperation is in its content. The author introducing a number of new documents and materials into scientific circulation studied the problem fields connected with Minsk official participation in multilateral and bilateral interaction aimed at the Yugoslav crisis settlement, discussion by both sides of Belarus – Russia – Yugoslavia idea of Union formation, participation of two countries in people-diplomacy structures searching integration optimal models within post-socialist area in Europe. Cooperation analysis of Belarus and Yugoslavia in international arena showed that both countries share common interests in regional conflicts localization, realization of the people right for self-determination, filling all aspects of international security with real content.

РЕЦЕНЗИИ

ДОСТОВЕРНО И УБЕДИТЕЛЬНО: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГЕНЕЗИСА И РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ АНОМАЛИЙ В ОБЩЕСТВЕ

Кавецкий, С.Т. Аномия: истоки и современность: монография / С.Т. Кавецкий; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2010. – 235 с.

Современный период общественного развития имеет множество срезов. Среди них есть срез, без постижения анатомии которого невозможно решать социально значимые задачи, и этот срез имеет чёткую дефиницию – «социальные аномалии». Ознакомление с рецензируемой монографией [1] свидетельствует о том, что её автор кандидат философских наук, доцент Брестского государственного университета им. А.С. Пушкина Святослав Тихонович Кавецкий внёс серьёзный вклад в постижение ряда подобных аномалий, что, несомненно, предопределило научную и практическую значимость данного труда.

Перечень вопросов, к которым обратился автор, является для него ключевым уже без малого треть века. Им посвящено свыше 140 научных работ С.Т. Кавецкого, опубликованных в Республике Беларусь, Российской Федерации, Украине, Польше, поэтому и настоящая книга представляет собой итог соответствующих многолетних творческих усилий автора.

Учёный базирует исследовательский процесс в области социальных аномалий на выверенном научно-теоретическом и методологическом фундаменте. Ему удалось исчерпывающе разобрать логическую структуру понятия «аномия», из которой и вытекает вся архитектура рецензируемой монографии.

Автор убедителен в следующей формулировке понятия «аномия»: «Аномия (от франц. *anomia* – отсутствие закона, организации) – состояние общественного сознания, обусловленное кризисом или трансформацией общества, противоречие между провозглашёнными целями и невозможностью их реализовать, что приводит к игнорированию социоправовых и социокультурных норм, к девиации и социальным отклонениям» [1, с. 74]. В настоящем труде все перечисленные позиции анализируются в сфере реалий постсоветского и постсоциалистического пространства. При этом читателям предлагается социологическое измерение аномических процессов на данном пространстве при обобщении прежде всего результатов собственных исследований. Принципиально важно отметить, что автор монографии многократно возглавлял группы, которые концентрировались на региональных социологических исследованиях. Каждая конкретная группа опрашивала не менее 300 респондентов. В процессе обобщения учитывались также исследования коллег учёного.

Разумеется, социологическое измерение указанных процессов можно производить только на основании междисциплинарного подхода и этот подход постоянно прослеживается. Автор одновременно демонстрирует знание различных дисциплин гуманитарного цикла и, судя по содержанию рецензируемого труда, получился образцовый барометр общественных настроений на указанном пространстве.

Ученый показывает общественные настроения без купюр, не ориентируясь ни на какую-либо политическую конъюнктуру, не выполняя никакого социального заказа. Между тем по всему проблемному перечню, на котором сосредоточено его внимание, постоянно ведётся острая полемика между субъектами политического процесса.

Известно, что абсолютное большинство современного населения постсоветских и постсоциалистических государств ощутило на собственной судьбе и системные кризисы, и противоречия, связанные с трансформационными процессами. Будучи белорусским гражданином, С.Т. Кавецкий акцентирует внимание на соответствующей реакции своих соотечественников, которая во многом представляется типичной.

Для населения важны результаты трансформационных процессов прежде всего в экономической сфере, и в монографии показано, что применительно к постсоветской Беларуси эта «сфера... развивалась неравномерно» [1, с. 112]. Автор исчерпывающе прослеживает внешние и внутренние детерминанты формирования экономической политики в белорусском государстве и убеждает читателя в том, что их комбинация сильно различалась за последние два десятка лет, что и предопределяло аритмию относительно данной сферы. Свободу маневра высшего государственного руководства существенно снижали «внешние катаклизмы: обрушение хозяйственных связей после распада СССР, дефолт российского рубля в августе 1998 года, нефтегазовое, информационное противостояние с союзным российским руководством в 2006 – 2010 годах, “молочное” противоборство 2009 года, всемирный экономический кризис, начавшийся в 2008 году» [1, с. 111 – 112]. Подытоживая анализ происходящих процессов, автор делает вывод: «Внутренняя экономическая политика при всех её достижениях на современном этапе испытала

на себе влияние как советской экономической модели, так и “дикого капитализма”, экономические проблемы часто решались методом проб и ошибок. Степень аномичности белорусского общества в экономической сфере снижается медленно» [1, с. 112].

Удачно прослежены аномичные процессы в сфере политической культуры, проиллюстрированные автором на примере отношения населения к избирательным кампаниям и политическим партиям. Определены указанные процессы также и в социальной структуре: «социальная структура современного белорусского общества представлена остатками старых форм, элементами новой фазы, а также переходными формами и отношениями» [1, с. 113].

Вызывают интерес страницы, на которых рассказывается, как болезненно люди с советским менталитетом воспринимают усиление неравенства в нашем обществе. Это было наиболее чувствительно, как отмечает С.Т. Кавецкий, в первой половине 1990-х годов: «К середине 90-х годов основным стратифицирующим элементом в обществе становится уровень присвоения собственности. В этот период «две трети населения существуют на грани выживания и за чертой бедности, а основные богатства сосредоточили 2 – 3 % наиболее предприимчивых и ловких дельцов» [1, с. 113 – 114].

Учёный показывает, что аномия затронула и демографическую ситуацию. Особо обращается внимание на тревожную тенденцию в Республике Беларусь. «Резкое ухудшение демографической ситуации отмечается с начала 1993 года. Именно с этого времени начала проявляться демографическая реакция населения на кризис в экономике и снижение уровня жизни. Эта реакция выражается в росте смертности, в сокращении рождаемости и средней продолжительности жизни, в существенных изменениях в области формирования и стабильности семьи» [1, с. 128].

Автор всесторонне изучил вопросы девиантного поведения. По мнению С.Т. Кавецкого, «все виды девиантности функциональны» [1, с. 190]. Нет оснований оспаривать его убеждение в том, что «нефункциональные формы жизнедеятельности давно элиминированы в процессе человеческой истории. Так, функции коррупции – упрощение бюрократических процедур, ускорение принятия управленческих решений и др.; функции алко- и наркопотребления – анестезирующая, седативная, интегративная, психостимулирующая, протестная, функция проституции – сохранение моногамного брака и т.п. Отсюда проистекает необходимость реалистического подхода к возможностям и методам социального контроля над девиантными проявлениями» [1, с. 190].

Рецензируемая монография весьма удобна для пользования. В ней представлен специальный словарь ключевых терминов [1, с. 201 – 213], который может помочь даже далёкому от социологии читателю глубоко понять содержание книги.

Книга С.Т. Кавецкого будет востребована в научном и образовательном сообществе. Её с большой пользой для себя прочтут как зрелые, так и молодые учёные, преподаватели вузов и студенты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кавецкий, С.Т. Аномия: истоки и современность: монография / С.Т. Кавецкий; Брест. гос. ун-т имени А.С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2010. – 235 с.

*М.В. Стрелец, доктор исторических наук, профессор
(Брестский государственный технический университет);
М.А. Коршак, кандидат исторических наук, доцент
(Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина)*

УДАЧНЫЙ ПРИМЕР ОБОБЩАЮЩЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Шефов, Н.А. Вторая мировая, 1939 – 1945. История великой войны / Н.А. Шефов. – М.: Вече, 2010. – 408 с.: ил.

Исследования обобщающего характера по второй мировой войне никогда не были библиографической редкостью. За послевоенный период издано огромное количество подобных книг по данной тематике. Авторы настоящей рецензии постоянно к ним обращаются в силу своей профессиональной деятельности, поэтому у рецензентов есть все основания для общей оценки качества подобных изданий. К сожалению, среди русскоязычных книг преобладают издания, в которых не прослеживаются принципиально новые подходы по проблемам второй мировой войны. По нашему мнению, в таком обобщающем исследовании должны учитываться новейшие достижения исторической науки, должна быть сформулирована фундаментально обоснованная авторская концепция. В связи с этим следует признать удачным исследование, которое подготовил российский специалист по военной истории Николай Александрович Шефов [1].

Труд российского военного историка Н.А. Шефова «Вторая мировая, 1939 – 1945. История великой войны» несомненно представляет научную ценность.

На основании привлечения новых документов и материалов автор подводит читателя к выводу о том, что «в отличие от первой мировой войны, предопределённой всеобщим вооружением, шансы избежать второй мировой были значительно выше» [1, с. 24]. Он убедительно доказывает, что главную ответственность за неиспользование этих шансов несут творцы Версальской системы. Он показывает «умелое использование германским руководством противоречий ведущих держав с целью эрозии «версальского лагеря» и невмешательства западных держав в агрессивную политику рейха» [1, с. 10]. Также Н.А. Шефов обращает внимание на то, что «берлинские политики весьма эффективно разыгрывали «советскую карту» [1, с. 11]. Англия и Франция верили в искренность заявлений Третьего рейха о том, «что Германия вооружается только ради обеспечения своей безопасности и ограждения других европейских государств от «угрозы большевизма» [1, с. 11]. Параллельно ключевые фигуры нацистского режима услышали от Гитлера следующее заявление: «Мне придётся играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия – последний оплот против красного потопа. Для нас это единственный способ пережить критический период, разделаться с Версалем и снова вооружиться» [1, с. 11]. Замысел Гитлера был полностью реализован.

Автор книги убедителен и оригинален в рассмотрении пакта Молотова – Риббентропа в контексте Версальской системы и долговременного воздействия Брестского мирного договора. Он отмечает, что «фактически пакт 1939 года означал крушение Версальской системы и ликвидацию последствий Брестского мира, на смену которым приходили новые геополитические реалии... Благодаря пакту Советский Союз впервые в своей истории добился признания своих интересов в Восточной Европе со стороны великой европейской державы... В 1939 – 1940 годах уже не создатели Версальской системы, а новые державы – СССР и Германия – меняли карту Европы» [1, с. 52].

В книге впервые в исторической литературе обращено внимание на то, что «в ходе советско-финляндской войны Англия и Франция планировали нападение на советское Закавказье, прежде всего район бакинских нефтепромыслов» [1, с. 75].

Российский военный историк скрупулёзно выясняет, почему «план войны против Советского Союза (план «Барбаросса»)...страдал слабой проработкой» [1, с. 121, 123]. Он называет две причины:

- 1) «твёрдая уверенность руководства Германии в том, что при первом же мощном ударе советский колосс рухнет и развалится на куски» [1, с. 123];
- 2) «глубокий анализ предстоящего столкновения привёл бы лидеров Третьего рейха к неутешительным выводам относительно бесперспективности успешной борьбы с великой страной и её народом» [1, с. 123].

Шефов Н.А. основательно анализирует причины временных неудач Красной Армии в начальный период Великой Отечественной войны: «Отставание массового сознания от технического прогресса, характерное для царской России и СССР периода ускоренной индустриализации, стало одним из важнейших недостатков предвоенной армии. Нехватка боевой выучки, неумение пользоваться новой техникой, низкий, в целом, уровень командного состава – именно эти слабые звенья и сыграли роковую роль в разрыве цепи, позволив германской армии достичь ... (временных успехов. – М. К., М. С.) при нападении на Советский Союз» [1, с. 129].

Осуществив системную реконструкцию приграничных сражений на советско-германском фронте летом 1941 года, исследователь приходит к выводу о том, что «фактически германский блицкриг показал эффективность на расстоянии до 500 – 600 км. Но на данном пространстве вся вооружённая мощь СССР не была уничтожена. К тому времени в боевые действия начали втягиваться советские войска второго стратегического эшелона» [1, с. 142]. Известно, что «командование вермахта... счита-

ло, что главная часть работы в приграничных сражениях уже выполнена... На деле оказалось, что основные силы Красной Армии вовсе не разгромлены. Отныне немецкие войска теряют единое операционное пространство» [1, с. 142].

В работе исчерпывающе показана специфика наступательной тактики Рабоче-Крестьянской Красной Армии, начиная с битвы на Курско-Орловской дуге. Как отмечает Н.А. Шефов, именно с этого времени «начинает явственно проступать новая советская наступательная тактика, использующая метод ступенчатости (в ещё больших масштабах он был применён в 1944 г.). Учитывая, что за неимением крупных резервов немцы вынуждены перебрасывать одни и те же войска на разные участки фронта, Ставка (Верховного главнокомандования всеми вооружёнными силами СССР. – М. К., М. С.) организовала такой график своих наступательных операций, который не позволил германскому командованию эффективно маневрировать скудными ресурсами для латания прорех» [1, с. 272].

Имеются все основания считать, что Н.А. Шефов из всех постсоветских авторов наиболее объективно оценивает Тунисскую кампанию англичан, американцев, французов, которым противостояли итало-немецкие войска. Ключевой итог кампании – «потеря странами “оси” своего южного форпоста и ликвидация их основной группировки в Тунисе» [1, с. 272]. Автор убедительно доказывает, что «главной причиной неудачи Гитлера и Муссолини в Северной Африке, как до этого Наполеона в Египте, стало отсутствие у них надёжных морских коммуникаций и мощного ВМФ» [1, с. 257].

В книге обращается внимание на противоречивые итоги вторжения американцев и англичан в Италию летом 1943 года. Его «результаты... оказались весьма скромными по сравнению с затраченными силами и средствами... Союзники не получили из Аппенинского полуострова удобного плацдарма для броска во Францию и на Балканы. Вместо этого они оказались перед фактом создания поглощающего много сил второстепенного театра военных действий» [1, с. 257]. Можно полностью согласиться с утверждением российского исследователя о том, что «этот фронт становился тупиковым. На нём не решался исход войны. Хотя и отказаться от него было уже поздно. Поэтому союзное командование решило продолжать войну в Италии, но при этом центр всех дальнейших усилий перенести на подготовку вторжения во Францию» [1, с. 279 – 280].

Автором обстоятельно выявлены причины неудач наступления РККА на центральном направлении зимой – весной 1944 года. Шефов Н.А. убедительно доказывает, что имело место «неудовлетворительное руководство со стороны командования. Так, в ходе наступления нарушалось взаимодействие между пехотой, танками и артиллерией, на крайне низком уровне велась разведка» [1, с. 300]. Последствия подобного руководства таковы. «Несмотря на наличие немалого числа техники и боеприпасов (в октябре 1943 – марте 1944 года. Западный фронт израсходовал свыше 7 тыс. вагонов боеприпасов), войска несли неоправданно крупные потери и медленно продвигались вперёд. С октября 1943 по апрель 1944 года Западный фронт потерял в боях свыше 281 тыс. чел., но не достиг решительного успеха (продвижение вперёд составило за этот период всего несколько километров)» [1, с. 300].

В рецензируемом труде имеется принципиально важная информация о том, что «к концу войны у части военно-политического руководства США и Великобритании преобладало стремление пересмотреть с помощью военной силы Ялтинские договорённости. Так, ... в апреле 1945 года премьер-министр Великобритании У. Черчилль отдал приказ начальникам своих штабов о разработке операции против СССР, в которой помимо войск союзников планировалось использовать сдавшиеся им части вермахта. План базировался на оценке низкой боеспособности истощённой войной Красной Армии и предусматривал отбросить её к довоенным границам. Более решительно был настроен американский генерал Дж. Паттон, прямо заявивший, что американцам не стоит останавливаться на демаркационной линии, а необходимо идти дальше на восток, и загнать русских до Сталинграда, завершив войну там, где её не успел закончить Гитлер» [1, с. 300]. В этой связи резонно возникает вопрос: «Что было бы, если бы РККА не взяла Берлин?» История, конечно, не знает сослагательного наклонения, но нельзя полностью исключать сценарий, при котором советский народ вновь мог бы стать объектом агрессии.

Таким образом, рецензируемый труд представляет собой серьёзное военно-историческое исследование, которое несомненно будет востребовано учёными, преподавателями учебных заведений, студентами вузов, всеми, кто интересуется историей второй мировой войны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шефов, Н.А. Вторая мировая, 1939 – 1945. История великой войны / Н.А. Шефов. – М.: Вече, 2010. – 408 с.: ил.

*М.А. Коршак, кандидат исторических наук, доцент
(Брестский государственный университет им. А.С. Пушкина);
М.В. Стрелец, доктор исторических наук, профессор
(Брестский государственный технический университет)*

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

<i>Телепень С.В.</i> <i>Vultus</i> римского полководца	2
<i>Колосов А.В.</i> К вопросу о локальных культурах «свидерских традиций» в мезолите Восточной Беларуси	11
<i>Галынскі Р.Д.</i> Новыя прадметы ўзбраення і рыштунку вершніка і баявога каня з тэрыторыі Верхняга Падняпроўя і Пасожжа	19
<i>Чараўко В.У.</i> Пахавальныя помнікі Беларускага Падзвіння XIV – XVIII стагоддзяў. Вызначэнне, структура і класіфікацыя.....	24
<i>Стрэнкоўскі С.П.</i> Савецкая гістарыяграфія гарадскога самакіравання Беларусі ў канцы XIV – XVIII стагоддзя.....	28
<i>Уваров И.Ю.</i> Влияние международного опыта на развитие законодательной системы и становление правовой культуры шляхты Великого княжества Литовского в XV – первой трети XVI века	33
<i>Якубаў В.У.</i> Прагэстантызм у Полацкім ваяводстве ў другой палове XVI – першай палове XVII стагоддзя.....	38
<i>Цумарева Е.П.</i> Полемика в прессе по национальному вопросу в Северо-Западном крае (по страницам газеты «Окраины России»).....	44
<i>Мурашко А.И.</i> Образование и структура органов жандармской полиции на железных дорогах Беларуси во второй половине XIX – начале XX века	50
<i>Ворон В.П.</i> Политика российского самодержавия в сфере начального сельскохозяйственного образования на территории Беларуси во второй половине XIX – начале XX века	57
<i>Подорожня Е.А.</i> Особенности формирования губернской администрации в Беларуси во второй половине XIX – начале XX века	61
<i>Давыдова Л.Л.</i> Террористическая деятельность союза социалистов-революционеров (эсеров) максималистов на территории белорусских губерний в начале XX века.....	65
<i>Громыко М.В.</i> Общество и журнал «Крестьянин» как представители монархического лагеря на территории Беларуси (1905 – 1915 гг.).....	71
<i>Довгяло Н.В.</i> Законодательные основы политики БССР в области религии в 1924 – 1939 годах.....	77
<i>Ярмац А.А.</i> Дзейнасць злучэнняў Віленска-Навагрудскай акругі Арміі Краёвай у Заходняй Беларусі ў ліпені 1944 – студзені 1945 года	82
<i>Симонова И.С.</i> Этикет приветствия у беларусов: трансформация употребления традиционных форм во второй половине XX – начале XXI века	87
<i>Тимофеев Р.В.</i> Деятельность комитетов народного контроля Белорусской ССР по совершенствованию функционирования предприятий транспорта в 1966 – 1991 годах	92
<i>Малашук П.В.</i> Белорусско-югославское сотрудничество на международной арене	102

РЕЦЕНЗИИ

<i>Кавецкий, С.Т.</i> Аномия: истоки и современность: монография / <i>С.Т. Кавецкий</i> ; Брест. гос. ун-т им. А.С. Пушкина. – Брест: БрГУ, 2010. – 235 с. (<i>М.В. Стрелец, М.А. Коршак</i>)	112
<i>Шефов, Н.А.</i> Вторая мировая, 1939 – 1945. История великой войны / <i>Н.А. Шефов</i> . – М.: Вече, 2010. – 408 с.: ил. (<i>М.А. Коршак, М.В. Стрелец</i>)	114